

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

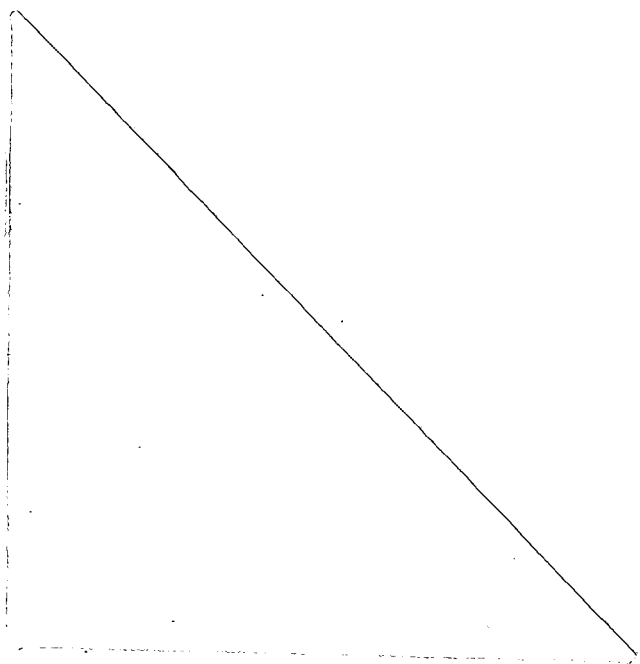
DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XXIII

SZEGED
1994

B 146478

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XXIII

SZEGED

1994

Publicationes Instituti Philologiae Slavicae in Universitate
de Attila József Nominata

Redigit:
Imre H. Tóth

Seriem publicationum edendam curat:
Károly Bibok

JATE Egyetemi Könyvtár

J000007432

B 746478

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged. A. József Nom.
HU ISSN 0237-9554 Diss. Slav.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	v
Károly Gadányi: Kmetijsko besedišče v govoru obmurskih Hrvatov	1
Иштван Пете: Имеют ли парные глаголы движения видовую пару?	7
Карой Фабриц: Еще раз о <i>разве</i> и <i>неужели</i>	13
Елена Леоновна Бархударова: Необоснованный пропуск подлежащего в двусоставном предложении: грамматические ошибки венгерских учащихся в русской речи	23
Карой Бибок: Компонентный анализ: тупик семантиче- ского анализа лексических единиц?	35
Predrag Mandić: Bunjevačke kraljičke pjesme iz Kašmara	65
Благой Шклифов: Гласеж и развой на <i>ѣ</i>	85
Микола Иванович Зубов: Дажбог, Сварог і вогонь-сварожич: із історії давньоруської міфологічної лексики	93
Josip Buljovčić: Grafija i jezik u pismima srpskih građana u južnoj Ugarskoj u drugoj polovini XIX veka	103
Владимир Николаевич Шапошников: Семантика имени в древних текстах: еще раз о загадочных уличах	119
Вадим Борисович Крысько: Некоррелятивные возвратные глаголы в древнерусском языке	131
Ágnes Kacziba: Nezapaženi prepisi starih rečnika: rečnik uz Lestvicu i rečnik simbola iz Psaltira	141
Михай Кочиш: К истории двух славянских заимствований в венгерском языке (<i>gerezd</i> , <i>mázsa</i>)	159
Эстер Месарош: Знаменная запись в древнерусской культуре	165

Имре Х. Тот – Эдэн Хоргоши: Образование сложного будущего I-го в русском народно-разговорном языке XVII – начала XVIII вв.	171
--	-----

Рецензии

Эдит Саламин: Péter Mihály, A nyelvi érzelemkifejezés eszközei és módjai	195
Иштван Пете: Kazimierz Bajor, Rosyjskie konstrukcje temporalne z przyimkiem (na tle polskim)	201
Каталин Куглер: З.К. Тарланов (отв. ред.), Истори- ческая стилистика русского языка	204
Ágnes Kacziba: Bartol Kašić S.I., Hrvatsko-talijanski rječnik s konverzacijskim priručnikom	209
Илона Эрдеи: В.Г. Костомаров, Языковой вкус эпохи	215
Predrag Mandić: Miloš Crnjanski, O Banatu i o Banačanima	220
Predrag Mandić: Petőfi ponovo među Srbima i Mađarima: Stevan Pešić, Dopisivanje sa bogom	221
Imre H. Tóth: A magyarországi szláv nyelvtudomány biblio- grafiája 1985-ig	223
К сведению авторов	227

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной, XXIII-й выпуск сборника Кафедры славянской филологии Сегедского университета им. Аттилы Йожефа *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* выходит из печати с опозданием по независящим от нас причинам. Редакция должна была перейти к использованию другого компьютерного текстового редактора. При этом – сохраняя многообразие содержания – она старалась обновить оформление. К каждой статье и рецензионной части приложена заставка, указывающая необходимые библиографические данные. Фамилии авторов снабжены сведениями, нужными для корреспонденции. Оформление материалов сборника выдержано – в пределах возможности – в едином стиле. В связи с этим просим наших будущих авторов руководствоваться регламентом *К сведениям авторов*, помещенным на с. 227-228.

Хотим выразить надежду, что предлагаемый сборник удовлетворит интересы широкого круга филологов.

KMETIJSKO BESEDIŠČE V GOVORU OBMURSKIH HRVATOV

Károly Gadányi

(Gadányi Károly, Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola, Szláv Filológiai Intézet
H-9700 Szombathely, Berzsenyi tér 2.)

V svojem članku bom predstavil del kmetijskega besedišča Hrvatov iz županije Zala, ki na žalost izginjajo, in bom poskušal pokazati na procese, ki so posebno v zadnjih 30-tih letih pogojevali to stanje.

Omejil se bom predvsem na tiste besede, izraze in frazeološke enote, ki so še danes v rabi v jeziku starejših generacij.

To delo temelji na lastnem zbiranju, in informatorji so bili predvsem starejši prebivalci Kerestura. V županiji Zala ob reki Muri živijo že več kot 200 let Hrvati. Priselili so se predvsem iz Međimurja in govorijo kajkavsko narečje hrvatskega jezika. Zgodovinski, gospodarski in družbeni razvoj je to etnično skupino ohranil relativno koherentno. L. 1900 se je večina prebivalstva v 8 naseljih županije Zala izreklo za hrvaško: Murakeresztúr (Kerestur se danes pogosto uporablja kot Murski Krstur, lokalno prebivalstvo ga v tej obliki ne pozna in mu je zato vsiljeno. Razen tega uporabljajo tukajšnji Hrvati za Madžarsko besedo *kereszt* besedo *križ* in ne *krst*. Del vasi se imenuje Kollátszeg (Kalaceg), ta del je bolj ohranil svoj narodnostni značaj.), Tótszentmárton (Semarton), Tótszerdahely (Serdahel), Molnári (Mlinarce), pri čemer moramo pripomniti, da fonem <e> v tem položaju izgovarjamo med *e* in *i*; Semjénháza (Postara), Petrivente (Petriba), Fityeház (Fičehaz ali Fičehaz), Bajcsa (Bajča).

To naselje se je popolnoma madžariziralo, danes le nekoliko ljudi razume hrvaško. Temu je prav gotovo pripomogla tudi bližina mesta Nagykanizsa (Kaniža), ker se je proces madžariziranja zelo hitro odvijal.

Prebivalstvo omenjenih naselij nima tako rekoč nobenih problemov glede medsebojnega sporazumevanja v hrvaškem jeziku. Manjša odstopanja pa se vendarle pojavljajo, v prvi vrsti v izgovorjavi. Težko sprejmejo novo nastale hrvaške besede, za označevanje novih pojmov in pojavov pa uporabljajo madžarske besede in izraze.

Oglejmo si sedaj besedišče posameznih kmetijskih vej:

Prašičereje

Glede na velikost in spol obstajajo različni izrazi: *marostec*, *prasica*, *prase* v množini *prasce*. Za označevanje zelo majhnega prašiča se ponekod uporablja beseda *pajcek*, *cocek*, *cokek*. Za prašičerejo so vezani tudi naslednji izrazi: *kotec*, *limboš*, (prednji del svinjaka) *ščava*, *ščavnjak*, *koline*. Glagol *toviti* v tem kajkavskem govoru ne obstaja, namesto njega se uporablja glagol *hranete*, ki istočasno lahko označuje tudi daljši proces tovljenja/reje. V izrazu tovljenja svinja se realizira kot *hranjelec*. Med strokovne izraze s področja prašičereje (so na tem območju posvečali vedno posebno pozornost), spada tudi izraz: *prasete se*, *ceka pajcek* ali *cokek*, vendar nikoli *prase*.

Nekateri izrazi in sintagme z omejenega področja se uporabljajo tudi v prenesenem pomenu: *Svinjarije delaš*. *Samo svinjarije hodeju te v pametu*. *Tak spi kak svinja*. *Gluha je kak svinja*.

Konjereja in govedoreja

Tudi to področje ima svoje besedišče. Priljubljena žival tega kraja je bil medžimurski konj, ki so ga imenovali tudi *žnefke konj*. Razlikovali so pretežno dve barvi – črne, sive (črno, sivo). Konje so uporabljali samo za oranje in vleko (*zapreče konja* – upregnuti konja). Nikoli jih niso klali. Beseda *konj* je splošni izraz, razen nje obstajajo še specialni izrazi kot: *kobila*, *monjaš* (ždrebac), *žerebe*, *cuzek* (ždrijebe). Besedo *cuzek* najpogosteje uporabljajo otroci. Konji so bili v hlevih.

Zanimivo je omeniti, da slovanski jeziki najpogosteje imajo posebne izraze za prostore, namenjene kravam oz. konjem, toda ta govor ne pozna teh razlik. Hlevski pribor: *jasli*, *rasove*, *vedra*, *bič*, *ham*. Važno delo je bilo trošenje stelje: *nastil*, *nastilete*. Glavna hrana za konje je detelja, *obrok* (ribana burgonda in pleva pomešano); redkeje oves. Podkovanje konja – *potkovati* (*potkova*), je bil poseben obred kakor tudi napajanje: *napajate* (nedovršna oblika), *napojete* (dovršna) – *kobilo*, *konja*. Medžimurskega konja so redko jahali (*jahate konja*). Ko je konj vlekel težko breme (največkrat v samovpregi), je kočijaž hodil ob vozu (*gazda je išel poleg kol*). Nemirnega konja so krotili z bičem (lepo okrašenim – *šallangoš*

bičem). Pojav mehanizacije je potisnil konjerejo z ozadje in tako je strokovnim izrazom pretila nevarnost, da bodo izginili. Nekoč splošno znane besede kot so: *žerebete se*, *žvala*, *svezate rep* (zavezati rep zaradi blatne ceste), *griva* mlade generacije sploh nepoznajo.

V življenju obmurskih Hrvatov ima važno vlogo tudi govedoreja. Krave so bile od zgodnje pomladi do pozne jeseni na paši (*Krave se pasejo na pašče*). Krave so uporabljali tudi za vleko (*Krava vleče kola*). Besede *bik*, *bikek*, *tele*, *becek*, *telica* so znane tudi danes. Nekaj izrazov je takih, ki so na meji nastajanja: *riče krava*, *dojna krava*, *krava ne doje*, *tele se krava*, *stirate vun kravo*. Goveje meso označuje beseda *govedena*, ali je znan tudi izraz *kravsko meso*. Besede, vezane na prehranjevanje goveda: *rezate sečko*, *krava preživa*, *seno*, *slama*, *starinjawa* (jesenska suha trava ob ornici) *drač*, *lucerna*, *parma*, *šledenj*, *kopanja*. Medžimurski Hrvati niso redili koz, ker to ni bilo cenjeno. Znan je izrek: *Gledi kak podojena koza*.

Ker je bilo zemljišče močvirno, je prebivalstvo redilo gosi in race. Besede in izrazi, vezani na rejo perutnine so tudi danes znani: *goska*, *gosak*, *žibek*, *sedi goska*, *skotele so se žibke*, *raca*. Za račko (patkicu, pače), ne obstaja posebna beseda, ampak se uporablja sintagma *mala raca*. Relativno je bogato besedišče za kokošerejo: *kokoš*, *kokoš dobro nese*, *pevec*, *pevčok*, *kokoriče*, *piščenec*, *picek*, *jajce*, *šlaperček* – ki seže redko uporablja, *kvočka*, *nasadete kvočko*, *kotejo se piceke*. Sem spadajo tudi neki izrazi, fraze: *Tak sedišk kak kvočka*. *Se nameščáš kak kvočka na jajce*. *I slepa kokoš se najde zerno*.

Poljedelstvo

Najvažnejša rastlina Hrvatov v Zali je bila kukuruz – *koruza*. Iz nje so pridobivali hrano – *koruzni kruh*, *koruznu kašu*, *koruzne žgance*, *koruznu pogaču* itd. Proizvodnja koruze si je ustvarila posebno besedišče: *sejate koruzo*, *trebete*. V Sumartonu (Tótszentmártonu), uporabljajo za kožuhanje koruze izraz – *luščete koruzo* – od tod izvirajo tudi besede: *luščac*, *luščenje*. Skožuhamo koruzo so skladiščili v čardaku (*košu*), spletemem iz bišja.

Suho koruzo so luščili s *roždžalke*, *kocen* (*kocenje*) so položili. Koruzna stebila so uporabljali za hrano živini. Ker je bila proizvodnja žitaric manjšega pomena, je tudi izrazov s tega področja manj. *Pšenica* – *orate*

zemlo pod pšenico, hrž – sejate hrž; žete (pšenico s koso), snop, križ, mlatete.

Žito so imeli v vrečah (*vreča*) na podstrešju (*najža*). Zanimivo je omeniti sintagmo – *pšenica je legla*. Važna vsakdanja hrana je bil krompir – *kolomper* (*sadete kolomper; kopate, zagnjirate, vun kopate kolomper*).

Vinogradništvo in sadjarstvo na tem območju ni bilo pomembno. Pogosto uporabljene besede in izrazi so bili: *gorice, klet* (za klet doma obstaja beseda *pevnica*). Kleti so imele pretežno slamnato streho (*šopana klet*). Oprema kleti: *lagve, čep, kada, preš, šprecalka*. Izrazi za posamezne delovne etape: *rezate gorice, špricate, kopate gorice, zagrinjate gorice, brate*. Ko glagol *brate* uporabljajo tudi pri obiranju drugih sadežev vedno označijo tudi dotično sadje, tako pravijo: *beremo hruške, jaboke, višnjo, breskve, mandale*. Ko stoji glagol samostojno vedno pomeni trganje grozdja. Pojavlja se tudi taka sintagma: *idemo brat gorice*. Zbiranje orehov – *stepate rehe*.

Na vrtu so gojili *papriš, paradižnek, mrkvu, zelje, povertnece in tikvu*. Na tem območju danes več ne pridobivajo olja (*olje*) iz bučnih semen (*koščice*). Prav tako ne proizvajajo ajdove kaše in proso.

Za označevanje dela pri obdelavi njiv so prav tako neodhodni izrazi: *zemlja – zemla* (ni glasu *lj*, ki se pojavlja v vseh slovanskih jezikih). Beseda *zemla* označuje tudi ornico. (*Kulko mekot zemle imaš? – Koliko oralov zemlje imaš?*)

Obdelovati zemljo – *delate zemlo, plug, biležnek* – oznaka pri sejanju koruze, *vlačete* (branati). Glagol za označevanje omenjenega dela se ne tvori od sanostalnika brana. Neki izrazi in fraze so vezane na zemljo: *Tak je zginol, kak daj be ga zemla bila pogotnela. I s pod zemle stvorem. Truden sam kak (černa) zemla*.

Živinoreje si ne moremo misliti brez vzdrževanja pašnikov in travnikov: *senokoša, kosete, kosa, kosišče, kosec, kositva, koso klepate, koso brusete*. Pokošeno travo je bilo treba kakor tudi seno – sušiti (*sušete*), obračati (*bračate*), zbirati (*seno zbirat*) z lesenimi grabljami (*zobače*). Seno (posušeno seno) so devali v *petrenec*.

V tej kratki predstavitvi sem omenil samo najpomembnejše termine s področja kmetijstva. Omeniti moram, da je besedni zaklad Hrvatov v Zali relativno reven. Pogosto uporabljajo madžarske besede v svojem govoru

tako, da jih morfološko prilagodijo lastnemu sistemu. Prodiranje madžarskih besed v govor obmurskih Hrvatov je najmanjši na področju kmetijskih poimenovanj. Način življenja se dolgo ni spremenil, uporabljena orodja in proces dela je ostal isti po več generacij.

Nove življenjske okoliščine so prinesle spremembe. Pojav novih tehničnih sredstev ni spremljal jezikovni razvoj, čeprav dialekti sicer sprejemajo nove izraze. To staro besedišče je velike vrednosti in ga je treba na vsak način ohraniti. To je ena od pomembnih nalog narodnosti.

ИМЕЮТ ЛИ ПАРНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ ВИДОВУЮ ПАРУ?

Иштван Пете

(Pete István, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Парные глаголы движения, как известно, занимают особое место в русской глагольной системе. Глаголы типа *идти* – *ходить* "противопоставлены друг другу по значениям однонаправленности – неоднаправленности движения, а также по некратности – кратности" (Русская грамматика I. 1980, 591):

- (1) а. Он идет в театр.
- б. Он ходит в театры.
- в. Он два раза в месяц ходит в театр.

К этому следует добавить, что глаголы неоднаправленного движения также могут употребляться в кратном значении, а именно: а) При подчеркивании направленности повторяющегося движения. Ср.:

- (2) а. После работы мама всегда идет в детский сад за сынишкой.
- б. После работы мама всегда ходит в детский сад за сынишкой.

б) При описании пути движения:

- (3) – Как ты добираешься до школы?
- Сначала я иду пешком, потом три остановки на автобусе.

в) При выражении ограниченной повторяемости движения в течение одного маршрута. Ср.:

- (4) а. Когда я шел в театр, я два раза бежал, чтобы не опоздать.
 б. Когда он ехал в Финляндию из Венгрии, он два раза плыл на пароходе.

г) При обозначении тесной связи движения с другим неоднаправленным движением:

- (5) а. Николай ходил с женой по городу и вел ее под руку.
 б. Все утро я плавал по озеру и дочка повсюду плыла следом за мной.

В "Русской грамматике" (I. 1980, 591, 594) указывается, что глаголы однонаправленного и неоднаправленного движения никогда не образуют префиксальной видовой пары. Семантическая соотносительность видовых пар может быть полной и неполной. О полной семантической соотносительности видовых пар мы говорим в том случае, когда члены видовой пары полностью совпадают во всех значениях: *послать/посылать*: 1) *за доктором*, 2) *деньги по почте*, 3) *мяч головой в сетку*, 4) *воздушный поцелуй кому-н*. Неполная семантическая соотносительность встречается у многозначных глаголов, которые в отдельных значениях имеют видовую пару, в других нет. Ср.: *обращаться/обратиться с призывом к народу* – *уметь обращаться с детьми*.

1. В "Русской грамматике" (I. 1980, 595) Н.С. Авилова указывает, что глаголы однонаправленного движения с префиксом *по-* (*пойти, побежать*) имеют начинательное значение и "остаются несоотносительными глаголами сов. вида". Начинательное значение этих глаголов ярко проявляется в том случае, если в предложении ничего не указывает на цель движения:¹

---

¹ Причем несомненные видовые противопоставления возможны и на основе начинательного и последующего прицессного значения: *Цены повысились и в дальнейшем будут повышаться*.

- (6) а. Он сел в машину и поехал.
 б. Мальчик бросился в воду и поплыл.
 в. Дождь пошел и шел весь день.
 г. Он дошел до угла и пошел дальше.

При указании конечной цели движения приставка *по-* с глаголами однонаправленного движения может иметь чистовидовое значение (см. Jászai 1984). Чистовидовое значение приставки *по-* убедительно доказывается при корреляции единичных и повторяющихся последовательных разновременных действий. Ср.:

(7) а. Он сел на автобус и поехал на вокзал.	Каждую пятницу он садится на автобус и едет на вокзал.
б. Воробьи полетели в деревню и сели на деревья.	По вечерам воробьи летели в деревню и садились на деревья.
в. Он повез меня на вокзал, с которого я должен был поехать к родителям.	Он часто вез меня на вокзал, когда я ехал к родителям.

При отсутствии повторяющихся последовательных разновременных действий употребляются глаголы неоднаправленного движения. Ср.:

- (8) На следующей неделе я каждый день буду ходить в поликлинику на процедуры.

Стоит отметить, что в отрицательных предложениях глаголы типа *пойти*, указывающие, что действие должно было произойти, но по каким-то причинам не состоялось, и глаголы типа *ходить*, не указывающие на предполагаемое действие, напоминают соотносительность видовых пар типа *сдать* – *сдавать* в предложениях *Во вторник я не сдал экзамен* – *Во вторник я не сдавал экзамен*. Ср.:

(9) а. Я заболела, поэтому не пошла сегодня в школу.	Я сегодня не ходила на лекцию. У нас свободный день.

б. На прошлой неделе из-за плохой погоды мы никуда не поехали.	На прошлой неделе мы никуда не ездили. (Не было намерения.)

2. Н.С. Авилова в "Грамматике..." (1970, 346) и "Русской грамматике" (I. 1980, 594) указывает, что глаголы неонаправленного движения не вступают в видовую оппозицию. Этому как бы противоречит ее же утверждение (Авилова 1976, 185), по которому "глаголы неонаправленного движения, по семантике не могущие вступать в видовое соотношение, в определенных значениях могут быть ограничены, предельны, например, *ходить* – *сходить* (в город за газетой). Учитывая многозначность неонаправленных глаголов движения, можно считать их в данном значении составляющими видовую пару, где в сов. виде есть ограничение действия результативным пределом в сфере субъекта действия. Ср.: также *водить* – *сводить* (ребенка в сад); *ездить* – *съездить* (на курорт); *лазить* – *слазить* (на дерево); *катать* – *скатать* (на велосипеде в лес); *летать* – *слетать* (в командировку); *плавать* – *сплавать* (на тот берег). Очевидно, эта соотносительность ограничена формами прошедшего времени, так как глагол неонаправленного движения именно в прошедшем времени может приобрести значение однонаправленности, направленности действия к определенной цели, т.е. может лишиться типичного для него характера разнонаправленности, неопределенности действия". Из сказанного следует, что глаголы типа *ходить* имеют видовую пару типа *сходить* не во всех значениях, а только в единичном двунаправленном значении. Видовое значение этой пары похоже на значение видовой пары *сдавать* – *сдать*. Ср.:

- (10) а. Во вторник я сдавал/сдал экзамен.
 б. Утром я ходил/сходил за молоком.

Глаголы типа *сдавать*, *ходить* в данном случае только сообщают о факте действия, не указывая на его результат. Глаголы типа *сдать*, *сходить* указывают и на результат действия. Ср.:

- (11) а. Утром я ходил за молоком, но магазин был закрыт на учет.
 б. Утром я сходил за молоком, и мы начали завтракать.

Между предложениями *Летом я ездил в Москву* – *Летом я съездил в Москву* разница состоит в том, что второе предложение имеет добавочный смысл 'все сложилось удачно и я осуществил свое намерение'. Обычно мы говорим: *Вчера я ходил в театр.* (= Вчера я был в театре.) Предложение *Вчера я сходил в театр* употребляется в том случае, если я долгое время не был в театре, давно я уже хотел пойти, но у меня не было времени или нельзя было достать билеты, то есть это последнее предложение имеет значение 'Наконец-то мне удалось пойти в театр'. Двуправленность движения может сохраняться и в будущем времени. Ср.:

- (12) а. Завтра утром я схожу за газетой.
 б. С завтрашнего дня сынок будет ходить каждое утро за газетой.

В утвердительных побудительных предложениях обычно употребляются глаголы типа *сходить*, в отрицательных же – глаголы *ходить*. Ср.:

- (13) а. Сходи/сбегай на почту.
 б. Не ходи еще на почту.

Употребление глаголов типа *ходить* – *сходить* в вопросительных предложениях не отличается от употребления парных глаголов НСВ и СВ. Л.П. Юдина (1985, 128) указывает, что "вопросы с формами *ходил*, *ездил* употребляются при желании узнать, был или не был собеседник где-либо. Предварительно о планах собеседника говорящему может быть ничего не известно. Вопросы с формой *сходил*, *съездил* употребляются при желании говорящего выяснить, побывал ли его собеседник там, куда собирался, т.е. осуществлен [...] план или нет. Вопрос с формой *сходил* может

быть задан и тогда, когда говорящий считает посещение чего-либо обязательным для всех". Ср.:

- (14) а. Ты читал/прочитал эту книгу?
б. Ты уже ходил/сходил в столовую?

Для одних групп парных глаголов возможны противопоставления типа *Он сдавал, но не сдал экзамен*, для других – нет. Глаголы движения обычно относятся к последней группе. Так, например, нельзя сказать

- (15) а. *Он приходил, но не пришел домой.
б. *Он ходил, но не сходил за молоком.

Частные видовые значения 'попытка достижения результата' и 'достижение результата' у глаголов движения выражаются особым способом. Ср.:

- (16) а. Он ехал в университет, но не доехал.
б. Он ходил за молоком, но не достал.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова, Н.С. 1976, *Вид глагола и семантика глагольного слова*. М.: Наука.
Грамматика современного русского литературного языка. 1970, М.: Наука.
Русская грамматика I. 1980, М.: Наука.
Юдина, Л.П. 1985, *Идти или ходить? Глаголы движения в русском языке*. М.: МГУ.
Jászai L. 1984, A meghatározott mozgást kifejező igék szemléletpárpépzésének sajátosságai.
In: *A korszerűbb orosznyelv-oktatásért* IV. Pécs, 42–61.

ЕЩЕ РАЗ О РАЗВЕ И НЕУЖЕЛИ

Карой Фабриц

(Fábricz Károly, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Как известно, толкование значений частиц – задача весьма сложная. Это объясняется, с одной стороны, тем, что частицы представляют собой часть речи, служащую для передачи отношения говорящего к содержанию высказываемого. С другой стороны, в данный разряд входят слова, восходящие к другим частям речи (напр. глаголам, союзам, наречиям), и неоднородность их происхождения сказывается на многообразии выполняемых ими функций. То, что частицы выражают различные добавочные интеллектуальные (субъективно-модальные) оттенки в содержании предложения в целом, наводило не одного лингвиста на мысль, что частицы, по сути дела, не располагают лексическим значением (подробнее об этом см. Киселев 1976, 6 и далее). Несмотря на то, что в кругу исследователей продолжаются споры по поводу автосемантии и синсемантии частиц, ознакомление с работами по частицам различных языков убеждает в том, что разработка приемов лингвистического анализа семантики и функции этих слов имеет принципиальное значение и требует скорейшего решения.

Вопросительным частицам *разве* и *неужели* в литературе уделяется сравнительно мало внимания. В толковых словарях русского языка *разве* толкуется через *неужели*, и наоборот. В Грамматике... (1970, § 1349) риторические вопросы проиллюстрированы примером *Неужели/разве это горе?*, в котором также как бы ставится знак равенства между рассматриваемыми словами. Однако, согласно мнению Е.М. Кубарева (1961, 269), было бы неправильно думать, что конструкции с частицами *разве*, *неужели* выражают только отрицание, или отрицательный оттенок в вопросительном предложении. В основу различия в семантике *разве* и *неужели* автор кладет наличие в значении последнего

оттенка сомнения (там же, 251–252). Данная формулировка, однако, вряд ли окажется достаточной для того, чтобы провести надежное разграничение между этими словами, ибо сомнение как явление интеллектуальное есть исходная точка возникновения т.н. общих (*да/нет*-) вопросов. Более конкретно описано различие в семантике *разве* и *неужели* в монографиях Н.А. Лобановой (1971) и П. Рестана (1971).

В своей книге Н.А. Лобанова определяет разницу между *разве* и *неужели* следующим образом: С помощью частицы *разве* выражается удивление как результат того, что действительность противоречит ожидаемому, иногда удивление с оттенком сомнения. С помощью частицы *неужели* выражается неприятное удивление, удивление с оттенком сожаления, радостное удивление или удивление, основанное на более значительном противоречии между ожидаемым и реальностью (Лобанова 1971, 31). В работе Пера Рестана (1971) о вопросительных предложениях русского языка *разве* и *неужели* выступают как маркеры определенных типов предложений. Наличие *разве* характерно для риторических и дубитативных вопросов (т.е. вопросов, выражающих скептицизм, сомнение говорящего в реальности интересующего его факта), тогда как *неужели* преимущественно встречается в эмоционально-констатирующих вопросах.

Функциональное различие этих слов отражено на супrasegmentальном уровне: интонация вопросительных предложений с частицей *разве* относится к конструктивному типу ИК-3, а вопросы с *неужели* производятся с ИК-2 (см. Брызгунова 1977, 155 и Рогожникова 1983, 48–57).

Вскрытые в вышеназванных работах особенности функционирования частиц *разве* и *неужели* остались, как нам кажется, вне поля зрения В.А. Белошапковой и Е.Б. Степановой, авторов недавно опубликованной статьи "Равнозначны ли *разве* и *неужели*?", в которой делается попытка показать, что указанные вопросительные частицы "отнюдь не равнозначны, хотя различия между ними тонки и трудноуловимы" (Белошапкова–Степанова 1983, 57). Отрицая приемлемость традиционного описания *разве* и

неужели в толковых словарях, авторы приходят к выводу о том, что более точное толкование семантики этих слов "неизбежно приведет к признанию их неравнозначности" (там же, 59). Основное различие между данными частицами в указанной работе определяется следующим образом: "[...] предложения с *разве* и *неужели* различаются прежде всего позицией говорящего: *разве* предполагает, что говорящий подвергает сомнению истинность сообщаемых в предложении фактов, в то время как *неужели* свидетельствует о том, что истинность сообщаемого является бесспорной. Следовательно, в предложениях, заключающих в себе заведомо истинную информацию, возможна только частица *неужели*" (там же, 58).

Сколь ни желательными представляются эти уточнения, картина функционирования *разве* и *неужели* все-таки остается неполной. Ведь хотя в определении сущности значения указанных слов и есть определенная доля истины, но недостаточность формулировок "сомнение в истинности сообщаемых фактов" (*разве*) и "бесспорная истинность сообщаемого" (*неужели*) как бы размывает соответствующее разграничение на практике.

Дело в том, что между содержанием примера *А приходили ко мне от покойницы Трюхиной? – Покойницы? Да разве она умерла?* и толкованием В.А. Белошапковой и Е.Б. Степановой содержания предложения с *разве* как "информирующего нас о том, что говорящий не верит, что Трюхина умерла" (там же, 57–58) не обнаруживается полного соответствия. (В скобках отметим, что в этом примере мы к тому же имеем дело не только с частицей *разве*, а с сочетанием частиц *да разве*, что до некоторой степени изменяет содержание предложения в целом.) Для того, чтобы убедиться в неточности объяснения содержания подобных предложений с частицей *разве*, мы составили небольшой список предложений с частицами *разве* и *неужели*, а также вовлекли в эксперимент подобный корпус Н.А. Лобановой (1971, 32).

Языковой материал был просмотрен шестью информантами, которые независимо друг от друга оценили рассматриваемые предложения с точки зрения 1. их приемлемости и 2. различия между

парами предложений, сводимого к употреблению частицы *разве* в одних конструкциях, и *неужели* – в других. На основе замечаний, сделанных информантами о некоторых характерных чертах функционирования *разве* и *неужели*, мы предлагаем учитывать следующие моменты при разграничении указанных слов.

В отличие от общепринятого противопоставления *разве* и *неужели* в плане выражения факта действительности как маловероятно или как реально осуществляющегося (осуществившегося, осуществимого и т.д.), более точной представляется дифференциация этих слов не только по указанной линии, но также и по их синонимии.

Выражая оценку говорящим содержания сообщаемого как маловероятного, *разве* передает скептицизм собеседника, который в риторических вопросах приобретает смысл уверенности в противоположном. В подобных случаях значение вопросительной частицы *разве* включает в себя внутреннюю полемику, и оно может быть истолковано примерно так: "мне с трудом верится, что...", "я не (очень) верю, что...". Ср.:

- (1) а. Разве ты можешь сделать это?
(Куда тебе сделать это!)¹

Неужели, напротив, сигнализирует, что действие воспринимается говорящим как реально осуществляющееся (осуществившееся, осуществимое и т.д.), причем точка зрения говорящего может интерпретироваться толкованием "я удивлен, что...". Напр.:

- (1) б. Неужели ты сможешь сделать это?
(Это просто прекрасно. Когда ты научился?)

---

¹ Здесь и далее в скобках даются реакции информантов на данные примеры. Некоторые из них выделены кавычками для отделения оценки приемлемости частицы от "толкования" в виде развертывания контекста.

Представленное в (1а) и (1б) различие осознается даже иностранцами, изучающими русский язык всего несколько лет. Поэтому в дальнейшем мы отвлечемся от всех случаев, когда *разве* и *неужели* противопоставляются с точки зрения маловероятности (а иногда невероятности, и даже убеждения в нереальности) и реальности сообщаемого, т.е. от оппозиции дубитативный/констатирующий вопрос (пример 1), и риторический/констатирующий вопрос, ср.:

- (2) а. Разве он преподаватель?
 (Он недостоин звания преподавателя.)
 б. Неужели он преподаватель?
 (А я предполагал, что он кто-то другой.)

Отметим также, что *неужели* не способно выступать в собственно дубитативных (в частности, делиберативных) и риторических вопросах. Ср. неприемлемость или, по крайней мере, натянутость предложений (3б) и (4б):

- (3) а. Разве съездить к ним завтра?
 б. ?Неужели съездить к ним завтра?
 (4) а. Я потерял кошелек. Что смеешься, разве это не горе?
 б. ?Я потерял кошелек. Что ты смеешься, неужели это не горе?

Насколько нам известно, в литературе не описано синонимичное употребление частиц *разве* и *неужели*.

Разве может быть синонимом слова *неужели* в том случае, если толкование "я не верю, что..." или "мне с трудом верится, что..." уступает место толкованию "я удивлен, что...". Выражение удивления не сопряжено с одновременным выражением сомнения в истинности сообщаемого, а предполагает восприятие факта действительности *prima facie*, что и есть суть констатации. Думается, что употребление частицы *разве* в примере (5), приведенном В.А. Белошапковой и Е.Б. Степановой, слишком однозначно оценивается ими как выражение неверия, сомнения говорящего:

- (5) – А приходили ко мне от покойницы Трюхиной?
 – Покойницы? Да разве она умерла?

Предложение *Да разве она умерла?* (которое, в конечном счете, послужило последним толчком для написания этих строк) содержит скорее констатирующее, чем дубитативное *разве*. Это вытекает из коммуникативной направленности вопроса, заключающейся в выражении удивления говорящего.

В то же время нельзя не согласиться с авторами в том, что *разве* и *неужели* не бывают тождественными по значению. Различие между ними оказывается особенно трудноуловимым как раз в тех случаях, когда оба слова выражают констатацию. Для выяснения разницы в значении *разве* и *неужели* в указанном их употреблении прежде всего обратимся к примерам (6)–(9) с констатирующим *разве* и их оценкам информантами:

- (6) Разве мы поедem на выставку?
 (А я и не знал, что мы поедem.)
- (7) – Я вчера приехал из Киева.
 – Разве ты был в Киеве?
 (А я думал, что ты был на Кавказе; почему-то я думал, что ты не был там, но вполне возможно, почему бы и нет?)
- (8) – Я с ним сумею объясниться. Не беспокойтесь.
 – Разве вы говорите по-русски?
 (Вот это новость.)
- (9) Почему все выходят? Разве мы уже приехали?
 (Вот неожиданность.)

Комментарии информантов к вопросам, содержащим констатирующие *разве* и *неужели* в идентичных контекстах, делают различие между ними довольно прозрачным. Ср:

- (10) а. – Ко мне приходили от покойницы Трюхиной?
 – Покойницы? Разве она умерла?
 (А я и не знал, что она умерла; "чистое удивление", "нет речи о близости", "давно не видел".)

- б. – Ко мне приходили от покойницы Трюхиной?
 – Покойницы? Неужели она умерла?
 (Не может быть, чтобы она умерла; не верится; я потрясен; не мог бы никогда предположить.)
- (11) а. Разве ты пойдешь со мной?
 (А я и не знал; не хочу, чтобы ты пошел со мной; а я думал, что ты сегодня занят; а я думал, что я тебе надоел; "сожаление", "обида".)
- б. Неужели ты пойдешь со мной?
 (Я очень рад; ведь тебе не хочется; ты ни при чем – это не я возражаю, а обстоятельства; "радостное удивление, но может быть и ирония".)
- (12) а. Разве мы поедем на выставку? Я очень рад.
 (А я и не знал, что поедем; "не обязательно искренне, возможно, только из вежливости", "лучше *неужели*, но можно представить себе и *разве*, если перед этим речь шла о поездке в какое-либо менее приятное место".)
- б. Неужели мы поедем на выставку? Я очень рад.
 (Какая приятная неожиданность!)

Из реакций и комментариев информантов видно, что *разве* отличается от *неужели* в констатирующем употреблении меньшей степенью заинтересованности говорящего. Иными словами, употребляя *разве* в таких вопросах, говорящий не придает особого значения описываемому факту и не выражает особой эмоции. С этой точки зрения *разве* выступает как немаркированный элемент констатации, тогда как *неужели* предполагает констатацию факта с активным интеллектуальным участием говорящего.

Перед тем как перейти к некоторым выводам о языковом статусе частиц *разве* и *неужели*, хотелось бы остановиться на вопросе о выражении ими оттенка сомнения.

В некоторых работах по указанным частицам встречается утверждение, согласно которому обе частицы выражают сомнение говорящего, причем *неужели* отличается от *разве* более интенсивной степенью сомнения. Выше мы указывали на то, что *разве*

может иметь толкование "я не верю, что..." или "мне с трудом верится, что...", а *неужели* характеризуется парафразой типа "я удивлен, что...".

Если сомнение понимается как неуверенность говорящего в истинности сообщаемого факта или как отсутствие у него твердой убежденности в достоверности сообщаемого факта, то в качестве средства выражения может быть отмечена только частица *разве*. Кажущееся противоречие между данной формулировкой и комментариями информантов к примерам с *неужели* (напр. (10б)) в виде "не верится" и др. заключается в том, что в последних как бы выражается сомнение говорящего. На самом деле, коммуникативная функция типа "не может быть, чтобы...", "никогда не мог бы предложить" и под. проявляется в передаче сожаления, сочувствия, удивления, радости и т.д. говорящего.

Высказывания такого типа носят прагматический характер и понимаются слушающим как выражение сожаления, сочувствия, досады, или же радости, радостного удивления, связанного с констатацией реально представляемого или предполагаемого как реальный факта.

Подводя итоги сказанному выше, можно прийти к выводу, что при описании функционирования исследуемых частиц следует разграничивать *разве*₁ с дубитативным, и *разве*₂ с констатирующим назначением. Такое разграничение подтверждается наблюдением М.Н. Пановой (1981, 75–83), в статье которой выделяются две разновидности произнесения предложений с частицей *разве*. При этом следует иметь в виду, что частица *неужели* с точки зрения коммуникативной и функционально-семантической может быть близкой лишь к *разве*₂. Разница между ними заключается в первую очередь в том, что частица *разве* по сравнению с *неужели* является немаркированной с точки зрения эмоциональной насыщенности.

Думается, что дальнейшие работы должны быть нацелены на выяснение различных факторов, определяющих употребление *разве* в одних речевых ситуациях, и *неужели* – в других. Мы располагаем интересными данными о том, какие расхождения встречаются в интерпретации информантами указанного различия.

Для иллюстрации приведем следующие примечания о сущности различия между *разве* и *неужели* в данных контекстах:

- (13) а. Почему все выходят? Разве мы уже приехали?
("не знает дороги")
- б. Почему все выходят? Неужели мы уже приехали?
("знает дорогу, но заговорился, спохватился")
- (14) а. Кажется, лекция уже началась. Разве я опоздал?²
("спрашивает у себя")
- б. Кажется, лекция уже началась. Неужели я опоздал?
("у другого спрашивает, не у себя")

Вскрытие причин (и правдоподобности) подобных замечаний может дать представление о той специфике употребления этих слов, которую следует признать недоступной для говорящих, у которых русский язык не является родным.

ЛИТЕРАТУРА

- Белошапкова, В.А. – Е.Б. Степанова 1983, Равнозначны ли *разве* и *неужели*? *Русская речь* № 5, 57–59.
- Брызгунова, Е.А. 1977, *Звуки и интонация русской речи*. М.: Наука.
- Грамматика современного русского литературного языка. 1970. Под редакцией Н.Ю. Шведовой. М.: Наука.
- Киселев, И.А. 1976, *Частицы в современных восточнославянских языках*. Минск.
- Кубарев, Е.М. 1961, Интонационно-отрицательные предложения в русском языке в сопоставлении с немецким и другими языками. В кн.: *Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков*. Ученые записки Куйбышевского Гос. пед. ин-та 31. Куйбышев, 250–272.
- Лобанова, Н.А. 1971, *Вопросительные и отрицательные предложения в русском языке*. М.: Наука.

---

² Появление частицы *разве* в данном контексте (вероятно, в силу предшествующего эксплицитного предположения) было расценено некоторыми информантами как невозможное.

- Панова, М.Н. 1981, Интонационные средства оформления высказываний с частицей "разве". В кн.: *Просодия слога – слова – фразы*. М.: Наука, 75–83.
- Рестан, П. 1971, *Синтаксис вопросительного предложения*. Oslo–Bergen–Tromsø.
- Рогожникова, Р.П. 1983, Сложные предложения с союзными словами. В кн.: *Синтаксис предложения*. Калинин: Калининский ГПИ, 48–57.

НЕОБОСНОВАННЫЙ ПРОПУСК ПОДЛЕЖАЩЕГО В ДВУСОСТАВНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ ВЕНГЕРСКИХ УЧАЩИХСЯ В РУССКОЙ РЕЧИ

Елена Леоновна Бархударова

(МГУ, Филфак, Кафедра русского языка как иностранного
Россия, Москва, Воробьёвы горы)

Общеизвестно, что анализ так называемого "отрицательного" материала, то есть ошибок иностранных учащихся в русской речи, помогает увидеть нечто новое в грамматическом строе русского языка. В своей книге Ласло Дэжё (1984, 132) пишет о том, что грамматики, ориентированные на носителей языка, должны быть аналитическими, то есть давать ответ на то, "какие предложения являются правильными и при каких условиях", в то время как грамматики, рассчитанные на иностранцев, предполагают изучение вопроса о том, "как создаются русские предложения", и в этом плане являются исследованиями синтетическими. Анализ ошибок иностранных учащихся в русской речи, позволяя увидеть систему русского языка как бы "извне", дает материал как для аналитического, так и для синтетического описания, то есть полезен как в теоретическом, так и в практическом плане.

Сказанное можно показать на примере одной из наиболее характерных ошибок венгерских учащихся в русской речи на продвинутом этапе обучения – необоснованном опущении подлежащего в структуре двусоставного предложения. Можно привести некоторые ошибочные предложения.¹

- (1) а. *Когда в первый раз прочитала роман Толстого, мне было семнадцать лет.

---

¹ Здесь и далее к ошибочным предложениям венгерских учащихся был прибавлен правильный вариант.

- б. Когда я в первый раз прочитала роман Толстого, мне было семнадцать лет:
- (2) а. *Ребята как будто спрашивали: "Что с Вами?" И напряжением боли заставила себя улыбнуться.
- б. Ребята как будто спрашивали: "Что с Вами?" И напряжением воли я заставила себя улыбнуться.
- (3) а. *Почему для сочинения выбрала Печорина?
- б. Почему для сочинения я выбрала Печорина?

Касаясь проблемы неполных предложений, Ласло Дёжё (1984, 140) пишет, что "простое предложение регулярно претерпевает изменения, связанные [...] с возможностями полного или неполного представления его элементарной грамматической структуры (заполненность или незаполненность того или иного места структурной схемы предложения). [...] Языки допускают незаполнение обязательных компонентов в разной степени и дополняют их по-разному".

В русском и венгерском языках в этом плане имеются существенные расхождения. Рассматривая с этой точки зрения сложные предложения, Ференц Папп (Болла и др. 1968, 531) указывает, что во второй части русского сложного предложения может отсутствовать элемент, выраженный в первой части. Однако в русском языке возможно в таких случаях повторение личного местоимения в роли подлежащего, а иногда такое повторение даже обычно и почти обязательно. В венгерском же языке личное местоимение часто отсутствует в предложении вообще.

В "Русской грамматике" (II. 1982, 248) Н.Ю. Шведова пишет о русских предложениях, в которых пропущено подлежащее: "Строгое употребление или неупотребление подлежащего отсутствует: здесь действуют факторы конситуативные, стилистические и экспрессивные". И.М. Пулькина и Е.Б. Захава-Некрасова (1977, 441) указывают, что в русском языке особенно часто "члены предложения пропускаются в разговоре (в диалоге)".

В связи с этим можно было бы дать рекомендацию во всех случаях, кроме диалогической речи, употреблять в двусоставном предложении имя или местоимение в именительном падеже.

Однако учащиеся неизбежно будут встречать неполные предложения не только в диалогической речи. Разумеется, их ошибки прежде всего связаны с особенностями грамматики венгерского языка, но в еще большей степени интерференцию усиливает наличие в русском языке неполных и односоставных предложений.

Известно, что прочнее всего закрепляются те связанные с интерференцией ошибки, для которых есть определенные основания в структуре изучаемого языка. Кажущееся сходство часто оказывается опаснее безусловного различия, так как при этом внешняя интерференция накладывается на внутреннюю. Поэтому необходимо особо оговорить те случаи, когда в предложении грамматически необходимо эксплицитно выраженное подлежащее, а также определить некоторые ситуации, когда пропуск подлежащего возможен, но нежелателен.

В своей монографии В.С. Юрченко (1972, 105–107) отмечает, что для возможной "редукции грамматического субъекта" в русском предложении существенное значение имеет форма глагола-сказуемого. Если глагол-сказуемое стоит в форме 1 или 2 л. ед. или мн.ч. настоящего или будущего времени, то субъект может быть идентифицирован по форме глагола-сказуемого (это говорящий или слушающий). "Таким образом, – пишет В.С. Юрченко, – имеется существенное различие между предложениями *Пишу письмо, Бегаешь быстро, Ходим в театр, Работаете хорошо*, с одной стороны, и *Писал письмо, Бегает быстро, Ходили в театр, Работают хорошо*, с другой. В тех и других предложениях отсутствует подлежащее, но в первых оно однозначно определяется по форме сказуемого, а для вторых оно может быть восстановлено только из конситуации. Это означает, что в первом случае подлежащее [...] находим внутри структуры предложения, а во втором случае – вне этой структуры".

Соответственно в первом случае пропуск подлежащего затруднен в меньшей степени, чем во втором. Действительно, легко заметить, что в названных выше ошибочных примерах нет взаимно-однозначного соответствия между подлежащим и формой сказуемого. Ряд ошибочных предложений такого типа может быть дополнен. Все они объединены тем, что в них необоснованно

отсутствует подлежащее, однако каждое из них имеет свои особенности.

- (4) а. *Я предлагаю всем прочитать эту книгу, потому что очень интересна.
б. Я предлагаю всем прочитать эту книгу, потому что *она* очень интересна.
- (5) а. *Ее любимые преподаватели нравятся ей, но видит их недостатки.
б. Ее любимые преподаватели нравятся ей, но *она* видит их недостатки.
- (6) а. *Они резко критикуют ошибки, недостатки, но у них еще нет конкретной положительной программы, и не знают, чего хотят на самом деле.
б. Они резко критикуют ошибки, недостатки, но у них еще нет конкретной положительной программы, и *они* не знают, чего хотят на самом деле.
- (7) а. *Если деньги не имеют ценности, тогда неизбежно нужно течь крови, чтобы опять имели ценность.
б. Если деньги не имеют ценности, тогда неизбежно нужно течь крови, чтобы *они* опять имели ценность.
- (8) а. *В статье автор затрагивает и такую деятельность, которую журнал вел в интересах своих читателей. Особо останавливается на том письме, в котором сформулированы три вопроса, ответы на которых ждут читатели журнала.
б. В статье автор затрагивает и такую деятельность, которую журнал вел в интересах своих читателей. Особо *он* останавливается на том письме, в котором сформулированы три вопроса, ответы на которые ждут читатели журнала.
- (9) а. *Наташе было всего шестнадцать лет, когда Пьер полюбил ее, но никогда не говорит об этом.
б. Наташе было всего шестнадцать лет, когда Пьер полюбил ее, но *он* никогда не говорит об этом.
- (10) а. *Андрей Соколов – один из миллионов, и стал символом героизма советских солдат.

- б. Андрей Соколов – один из миллионов, и *он* стал символом героизма советских солдат.
- (11) а. *Этот случай был очень значителен, ведь опрокинул общепринятое представление.
- б. Этот случай был очень значителен, ведь *он* опрокинул общепринятое представление.

Из анализа данных предложений совершенно очевидно, что если форма сказуемого не указывает однозначно на подлежащее, пропуск его часто невозможен даже и тогда, когда оно без труда восстанавливается из контекста. В предложениях (4) и (5) подлежащее необходимо (*она*), несмотря на то, что до этого соответствующий подлежащему субъект или соответствующая ему реалия были выражены именем или местоимением в косвенном падеже: *эту книгу, ей*.

Более того, как показывает предложение (6), и в том случае, если выше обозначено подлежащее (*они*), но затем дан субъект в косвенном падеже (*у них*), исключен пропуск подлежащего в последующем двусоставном предложении. Таким образом, есть все основания считать, что предшествующее имя или местоимение в косвенном падеже не только не облегчают пропуск подлежащего в предложении, но, напротив, почти всегда запрещают его.

Между тем, опущение подлежащего именно в такой ситуации особенно часто встречается в русской речи венгерских учащихся. Можно привести еще несколько примеров.

- (12) а. *Им исполнилось уже восемнадцать лет, и начинают жить самостоятельно.
- б. Им исполнилось уже восемнадцать лет, и *они* начинают жить самостоятельно.
- (13) а. *Значение этого суда в том, что дал возможность истцу и ответчику продолжить полемику.
- б. Значение этого суда в том, что *он* дал возможность истцу и ответчику продолжить полемику.
- (14) а. *Ему не нужно идти в библиотеку, потому что завтра во-

зъмет эту книгу у брата.

б. Ему не нужно идти в библиотеку, потому что завтра *он* возьмет эту книгу у брата.

- (15) а. *Мальчика усыновляют, и попадает к очень хорошей женщине.
 б. Мальчика усыновляют, и *он* попадает к очень хорошей женщине.

Интересно отметить, что в абсолютно идентичных предложениях с глаголом-сказуемым в форме 1 или 2 л. ед. или мн.ч. настоящего или будущего времени пропуск подлежащего возможен:

- (16) а. Мои преподаватели нравятся мне, но вижу их недостатки.
 б. Нам исполнилось уже восемнадцать лет, и начинаем жить самостоятельно.
 в. Мне не нужно идти в библиотеку, потому что завтра возьму эту книгу у брата.

Следует особо оговорить тот пример неполного предложения с отсутствием подлежащего, который приводится в "Курсе современного русского языка" (Болла и др. 1968, 531):

- (17) На каторге Ивану было лучше, и даже пожалел, что бежал (Мамин-Сибиряк).

Здесь имеет место как раз тот случай, когда субъект выражен именем существительным в косвенной падеже, а в последующем двусоставном предложении пропущено подлежащее. Строго говоря, данное предложение ощущается как грамматически неправильное с точки зрения современного русского языка. Скорее всего оно употребляется автором в целях передачи несобственно-прямой речи героя (голос героя в авторском тексте) и экспрессии.

Анализ последующих приведенных в списке (4)–(11) предложений позволяет указать еще на несколько условий, определяющих обязательное наличие подлежащего в предложении. Необходи-

мость подлежащего в предложениях (7) и (8) определяется тем, что в составе каждого из них между двумя предикативными центрами с одним и тем же подлежащим стоит еще один предикативный центр: в предложении (7) – односоставный (*тогда неизбежно нужно течь крови*), в (8) – двусоставный с другим подлежащим (*которую журнал вел в интересах читателей*). После такого центра эксплицитное повторение прежнего подлежащего необходимо.

Обязательность подлежащего в примере (9), по-видимому, объясняется тем, что здесь подлежащее реально присутствует только в придаточном предложении (*когда Пьер полюбил ее*), которое к тому же связано подчинительной связью с другим главным (*Наташе было всего шестнадцать лет*). В этом случае, вероятно, оно должно повторяться в составе нового предикативно-го единства (*но он никогда не говорит об этом*). (Ср. возможное: *Пьер полюбил Наташу, но никогда не говорит об этом*).

Можно предположить, что в примерах (10) и (11) необходимость подлежащего определяется разной грамматической выраженностью двух предикативных центров. В примере (10) – составные именные сказуемые при разных глаголах-связках в настоящем и прошедшем времени (ср. возможное в едином временном плане: *Андрей Соколов был одним из миллионов и стал символом героизма советских солдат*). В примере (11) – составное именное (*был значителен*) и простое глагольное (*опрокинул*) сказуемые. Обязательность повтора подлежащего в последнем предложении усугубляется частицей *ведь* (ср. возможное, хотя и стилистически неудачное: *Этот случай был очень значителен, опрокинул общепринятое представление*).

Несколько иной тип представляет еще одно ошибочное предложение:

- (18) а. *Жаль, что великолепным успехам наших спортсменов не можем радоваться от всей души.
б. Жаль, что великолепным успехам наших спортсменов мы не можем радоваться от всей души.

Это предложение с обобщенным субъектом, при этом сказуемое выражено формой глагола 1 л. мн.ч. настоящего времени. Анализируя предложения с обобщенным субъектом, Н.Ю. Шведова в "Русской грамматике" (II. 1982, 248) указывает, что отсутствие подлежащего "нормально во всех случаях выражения обобщенно-личного значения; однако [...] здесь подлежащее может присутствовать". Вопрос в данном случае рассматривается с точки зрения аналитического описания языка. Необходимо его рассмотрение и с точки зрения описания синтетического.

Обобщенно-личные предложения с глаголом-сказуемым в форме 1 л. мн.ч. настоящего или будущего времени часто употребляются (Лобанова-Слесарева 1984, 15): а) при определении общих положений или правил:

- (19) а. Звуки речи мы не только произносим, но и слышим.
б. Сочетания "ши", "жи" пишем с буквой "и";

б) в рассуждениях автора о каком-либо предмете:

- (20) Если мы познакомимся с эпохой создания произведения, нам многое станет яснее;

в) в случае призыва автора к совместному действию:

- (21) Рассмотрим теперь другую сторону явления.

При этом только призыв автора к совместному действию не предполагает употребление местоимения *мы* в качестве формального подлежащего. При формулировании общих положений и правил употребление *мы* возможно и желательно, в рассуждениях автора о каком-либо предмете – обязательно. Именно к последнему случаю относится приведенный выше пример. Таким образом, здесь основой для внутренней интерференции является односоставность в русском языке большинства предложений с обобщенным субъектом, в том числе наличие односоставных предложений с одним главным членом – сказуемым, выраженным глаголом в

форме настоящего или будущего времени 1 л. мн.ч.

Выше рассмотрены предпосылки обязательного наличия эксплицитно выраженного подлежащего в предложении. В целом ряде ситуаций наличие в предложении имени или местоимения в именительном падеже не обязательно, но желательно. Так, например, желательно повторение подлежащего в находящемся в постпозиции или интерпозиции придаточном предложении (см. (22а)), однако возможно и (22б):

- (22) а. После этого ученик должен решать, где *он* хочет дальше учиться.
 б. После этого ученик должен решать, где хочет дальше учиться.

В "Курсе современного русского языка" (Болла и др. 1968, 531) в качестве примера предложения, когда повторение личного местоимения "обычно и почти обязательно" приводится предложение:

- (23) Журналов, в которых я печатался, я не сохранял (Чехов).

Действительно, здесь не рекомендуется пропуск местоимения, но он вполне возможен в придаточном:

- (24) Журналов, в которых печатался, я не сохранял.

Если придаточное предложение, содержащее подлежащее, стоит в препозиции к главному, в главном также нежелателен, но возможен пропуск подлежащего:

- (25) а. Хотя я не работаю в медицине, все-таки разбираюсь в ней.
 б. Хотя я не работаю в медицине, я все-таки разбираюсь в ней (более удачный вариант).

Таким образом, во всех подобных случаях действует не закономерность, а тенденция. Ее реализация отчасти зависит от

характера придаточного предложения. Так, например, в придаточном цели эксплицитное употребление подлежащего почти всегда является обязательным:

(26) а. Я отпустил его пораньше, чтобы он мог купить хлеба.

Следует отметить, однако, что и здесь пропуск подлежащего иногда возможен:

(26) б. Я наказал его, чтобы в следующий раз не грубил старшим.

Напротив, наличие придаточного условного предложения в позиции к главному делает допустимым опущение подлежащего в главном предложении:

(27) Если он не приедет, позвонит.

Вопрос этот нуждается в более тщательном изучении.

Желательно повторение подлежащего и в новом предложении в составе фразового единства (см. (28а) при возможном (28б)):

(28) а. Женщина – артистка. Она имеет талант, но не находит свое место в мире театра.

б. Женщина – артистка. Имеет талант, но не находит свое место в мире театра.

Надо сказать, что часто венгерские учащиеся произносят целые монологи без подлежащего:

(29) Могу тебе помочь составить такую картотеку. Зайду к тебе завтра около шести. Подумаем, как это сделать. Потом можем пойти погулять.

Каждое из этих предложений со сказуемым-глаголом в форме 1 л. ед. или мн.ч. настоящего или будущего времени вполне

правомерно. Однако не вызывает сомнений, что в этой ситуации русский не мог бы несколько раз не употребить местоимения *я* или *мы*.

Рассматривая различные ситуации эллипсиса, Н.Н. Леонтьева (1965, 41) указывает, что для осуществления пропуска одного или нескольких слов "необходимо выполнение двух общих условий – повторение слова на коротком отрезке текста и семантико-синтаксическая однородность повторяющихся слов, а также ряда более частных условий". Это общее теоретическое положение. В настоящей статье сделана попытка показать на практике ряд наиболее распространенных случаев, когда нет условий, способствующих эллипсису подлежащего, и имеет место семантико-синтаксическая неоднородность повторяющихся слов, либо отрезков текста, на котором они расположены, не может быть назван коротким.

Естественно, что не все рассмотренные случаи можно оценить одинаково: в языке всегда есть явления более и менее ярко выраженные, центрального и периферийного характера. Соответственно и эксплицитное употребление подлежащего может быть обязательной закономерностью, а может существовать лишь на уровне тенденции. Исследование в предложенном направлении может быть продолжено. Его актуальность определяется, в частности, тем, что необоснованный пропуск подлежащего в структуре русского двусоставного предложения является одной из наиболее распространенных ошибок венгерских учащихся на продвинутом этапе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Болла, К. – Э. Палл – Ф. Папп 1968, *Курс современного русского языка*. Будапешт: Танкёньвкнадо.
- Дэжэ, Л. 1984, *Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской*. Будапешт: Танкёньвкнадо.
- Леонтьева, Н.Н. 1965, Анализ и синтез эллиптических предложений. *НТИ* № 11.

- Лобанова, Н.А. – И.П. Слесарева 1984, *Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Третий год обучения.* М.: Русский язык, изд. 2-е, испр. и доп.
- Пулькина, И.М. – Е.Б. Захава-Некрасова 1977, *Учебник русского языка для студентов-иностранцев.* М.: Русский язык, изд. 6-е, стереотипное.
- Русская грамматика II.* 1982, М.: Наука.
- Юрченко, В.С. 1972, *Простое предложение в современном русском языке: Двусоставное именное, односоставное глагольное, односоставное именное.* Саратов.

КОМПОНЕНТНЫЙ АНАЛИЗ: ТУПИК СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ?

Карой Бибок

(Bibok Károly, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

0. Введение

Обдуманый ответ на поставленный в заглавии вопрос включает в себя, по-моему, больше, чем простую положительную или отрицательную реакцию в форме *да* или *нет*. Ведь – как показано в моих прежних работах (Bibok 1991, 1991–1992) – полное представление как одного семантического значения слова (лексемы), так и всего множества семантических значений в словарном составе не осуществимо в рамках единой-единственной теории, а, согласно характеру семантики разных слов, предполагает использование нескольких теорий репрезентации. Следовательно, нет необходимости полностью отказываться от компонентного анализа (далее – КА) на том основании, что он не универсален, т.е. ни значение слова (в большинстве случаев), ни весь словарный состав не могут быть описаны без остатка посредством конечного набора элементарных семантических единиц, или семантических компонентов (далее – СК).

В противоположность семантике постулатов значения и семантике прототипов – семантикам, которые являются прямым вызовом – я буду аргументировать в пользу негативного ответа: нет, КА не в тупике. Тем не менее, ответ можно считать приемлемым только при определенном условии. А именно тогда, если он будет обоснован рядом ограничительных соображений, касающихся теоретического статуса КА среди других концепций семантики слов, а также типов информации, заключенных в продуктах разложения словозначений на элементарные составляющие, в СК. (О то непомерных, то уступчивых ограничениях см. Bibok 1991, 1991–1992, а

также ниже.)

Итак, на фоне несостоятельности полного отказа КА и на основе неправильно обоснованного его соотношения с другого типа представлением значения в некоторых прежних изысканиях, моя главная цель состоит в том, чтобы – опираясь, конечно, на накопленный ряд приемлемо ограничительных рассуждений – подробно проследить пути определения круга семантических явлений, охватываемого КА, и тем самым найти выход из тупика (хотя и выступая за пределы обзорной статьи), в котором анализ может в той или иной мере оказаться при несоблюдении встречающихся ниже принципов. Поэтому после краткого представления традиционного, или классического варианта КА в первом разделе, я остановлюсь на рассмотрении кардинальных – из выявленных в специальной литературе – вопросах, касающихся сферы действия анализа относительно как одного значения (раздел 2), так и всего множества словозначений (раздел 3). Они являются ключевыми именно потому, что ответы на них определяют основной характер КА, а также потому, что таким образом они оказывают сильное влияние на удачное решение хотя бы части остальных дискутируемых специалистами проблем (см. Заключение).

1. Традиционный вариант КА

Идея КА, восходящая своими корнями к имени философа Лейбница и находящая определенное отражение в лексикографических трудах, была разработана и использована в работах структурных лингвистов и американских этнографов, а потом с выходом известной статьи Катца и Фодора (Katz-Fodor 1963) была встроена в модель трансформационно-генеративной грамматики.¹ КА имел

---

¹ Следует помнить, что автор данных строк поставил перед собой иную цель, чем дать полную историю КА. Об истоках, истории КА в лексике и его применении к анализу содержания морфологических и синтаксических единиц см. Васильев 1984, 3; Гулыга-Шендельс 1976; Кузнецов 1980, 7–9; Lyons 1977, 317–318. Впрочем, после обнаружения настоящего характера КА специальная литература и представ-

своей целью разложение значений слов, точнее лексико-семантических вариантов, на предельные слагаемые, выражающие необходимые и (одновременно) достаточные, т.е. дефиниционные критерии и представленные как конечное (немногочисленное) множество СК² (см. Кузнецов 1980, 41; Цветков 1984, 62; Coleman-Kay 1981, 26–27; Cuyskens 1984, 72–73; Fillmore 1978/1983, 30; Gergely-Bever 1985, 380; Jackendoff 1983, 112–115; Lyons 1987, 168). Внутри репрезентации одной семемы семантические элементы не равнозначны, а, как правило, образуют некоторую иерархию. Их упорядоченность, с одной стороны, базируется на импликационных отношениях между СК, выражаемых в виде правил избыточности (Bierwisch 1970/1981, 1971). А с другой стороны, организованность может быть более сложной, поэтому она не всегда представляется вышеупомянутым простым типом связи. Так как в порождающей грамматике значение предложения отождествлялось с множеством условий истинности, примененных в логической семантике, то для экспликации организованности такого рода (и семантической структуры предложения) служило модифицированное по требованиям описания естественного языка исчисление предикатов. (О его применении в рамках интерпретативной семантики см., напр., те

ляется по-другому. – Одно техническое примечание: первая из дат, сочетающихся в ссылках через знак "/", указывает на оригинальное издание, а вторая – на русский перевод; ссылки на страницы при необходимости даются по переводу.

² Катц и Фодор (Katz-Fodor 1963) выделяют две разновидности элементарных единиц словаря семантического метаязыка: показатели (markers) и различители (distinguishers). Первые выражают систематизируемую часть значения; а вторые – его индивидуальные свойства. Поскольку в свое время несостоятельность такого различия, до некоторой степени похожего по Лайонзу (Lyons 1977, 326–328) на разграничение классом и сем, была доказана (Bierwisch 1971, 410; Kiefer 1970, 116–117), продукты разложения на метаязыковом уровне единообразно могут именоваться семантическими компонентами (перечни терминов, употребленных в качестве названий элементарных единиц, см. в следующих работах: Зевахина 1982, 22; Кузнецов 1980, 12–13; Цветков 1984, 65–66). Однако необходимо четко дифференцировать семантический компонент и семантический признак как совокупность однородных компонентов (Lyons 1977, 323), причем семантические признаки не обязательно бинарны (Кузнецов 1980, 28–31; Kiefer 1983, 312; ср. еще Leech 1981, 100).

же работы Бирвиша.) СК считались далее неразложимыми, атомарными предикатами этого метаязыка, которым были приписаны подходящие аргументы. С помощью применения скобок предикаты и их аргументы могли сочетаться вполне определенным и формальным способом. Здесь будут приведены в качестве примеров упрощенные в некоторых аспектах семантические записи существительных *мужчина*, *женщина*, *отец* и *мать*, а также глаголов *умирать*, *убивать*, *давать* и *брать* (ср. Bierwisch 1970/1981).

- (1) ЧЕЛОВЕК (x) и МУЖСКОГО ПОЛА (x) и ВЗРОСЛЫЙ (x)
- (2) ЧЕЛОВЕК (x) и не МУЖСКОГО ПОЛА (x) и ВЗРОСЛЫЙ (x)
- (3) РОДИТЕЛЬ (x, y) и МУЖСКОГО ПОЛА (x)
- (4) РОДИТЕЛЬ (x, y) и не МУЖСКОГО ПОЛА (x)
- (5) СТАНОВИТСЯ (x, не ЖИВОЙ (x))
- (6) КАУЗИРУЕТ (x, СТАНОВИТСЯ (y, не ЖИВОЙ (y)))
- (7) КАУЗИРУЕТ (z, ИМЕЕТ (x, y))
- (8) ИМЕЕТ (z, y) и КАУЗИРУЕТ (x, ИМЕЕТ (x, y))

Это небольшое количество формул значения одновременно может служить иллюстрацией выявления лексико-семантических связей и отношений (об определении некоторых из них с учетом компонентной дефиниции значения см. Bierwisch 1970/1981).

Несмотря на отсутствие единой и достаточно разработанной системы нотаций для семантических репрезентаций³, данное представление словозначения показалось многим специалистам привлекательным и многообещающим. К тому же, оно устранило выявленный Вейнрейхом (Weinreich 1966/1981, 75–76) существенный недостаток теории Катца и Фодора в той части, что репрезентация значения лексемы и предложения – не что иное, как неструктурированное множество СК. Но потом Фодор и его сотрудники (Fodor et al. 1980) – как и Лайонз (Lyons 1987, 169–170) – подвергли

---

³ Ср. два знака отрицания "–" и "∼", а также рассуждения о признаке пола и выборе названий его значений в соответствии с маркированностью (Кузнецов 1980, 26–28; Leech 1981, 113–117; Lyons 1977, 322–325).

сомнению даже основной тезис о разложимости. В свою очередь, на фодоровские соображения появились резкие отрицательные реакции. Упомянем некоторые возражения против концепции целостного представления, рассматривающей словозначения как далее не разложимые единицы и использующей постулаты значения. Во-первых, вызывают трудности не только обобщение отношений двух значений, характерных для целого ряда пар слов, но и теоретическая трактовка понятийной креативности, т.е. образование потенциально бесконечно многих понятий, а также овладения понятиями (Jackendoff 1990, 37–41). Во-вторых, одни психолингвисты (Gergely–Bever 1985, 405–411) обосновывают семантику декомпозиции также данными детской речи. К тому же, они сообщают об экспериментах, результаты которых доказывают ложность исходных предположений Фодора и его сотрудников (там же, 388–395). (Ср. еще Bierwisch 1983, 63; Bierwisch–Schreuder 1992, 28; Leech 1981, 117–118.)

Принимая возражения против семантики постулатов значения, сразу можно перейти к проблемам самого КА. В громадной специальной литературе о КА – здесь нет возможности, да и нет необходимости в одном месте перечислять работы, на которые выше было и ниже будет указано – поднимается немало вопросов, требующих ответа для эффективного употребления метода. Среди них самыми важными являются те, которые касаются сферы действия метода относительно одного значения и всего множества значений в лексиконе. Ведь ответы на них оказывают сильное влияние на удачное решение хотя бы части остальных проблем, и, главным образом, основной характер КА зависит от ответа на эти два вопроса. Здесь уместно предупреждение: несмотря на то, что вообще мы согласны с суживанием сферы действия КА, а также с сочетанием КА и других методов, мы критически относимся к определенным типам ограничения, отмечавшимся разными исследователями, и имеем в виду более принципиальные дополнения КА, чем находящиеся в части специальной литературы.

Вызывают критику следующие – имеющие отчасти какие-то глубокие связи между собой – ограничения на КА:

1. В классическом варианте предполагалось, что КА обнаруживает

необходимые и одновременно достаточные условия. Как в дальнейшем выяснится, нет смысла придерживаться такого строгого принципа, зачастую должно и можно удовлетворяться выделением некоторых необходимых условий.

2. Васильев (1984, 4) утверждает, что по сравнению с конкретными абстрактные значения расчленяются на элементарные компоненты без остатка (ср. Mel'čuk 1989, 96–97). Наши сомнения не касаются неправильности частотного несостоятельного распространения КА на конкретные значения, но названный тезис недостаточно ограничен. Ведь возникают проблемы полного анализа в терминах СК также в отношении абстрактных значений. Поэтому мы подчеркиваем важность осторожного обращения как к конкретным, так и к абстрактным значениям (см. подраздел 3.1).

3. КА соответствует лишь характеру закрытых систем типа терминов родства (ср. Слесарева 1990, 98; Цветков 1984, 61). Таким образом КА необоснованно слишком суживается; более того, не всякие закрытые группы поддаются анализу в терминах СК, см. подраздел 3.2.

Что касается сочетания КА и других методов, то упоминаются дистрибутивный, типологический и статистический методы (Зевахина 1982, 27–28; Слесарева 1990, 97). Вообще говоря, можно утверждать, что они как таковые не подвергают сомнению оправданность разложения значения, результирующего СК. Не беря каждый из них в отдельности, мы остановимся лишь на первом. По Слесаревой (1990, 97), целесообразно комбинировать дистрибутивный анализ, выявляющий синтагматические связи слов и таким образом очерчивающий их синтагматические поля, с компонентным. Такое сотрудничество вполне обосновывается – в рамках КА, совмещающего в себе выявление парадигматических и синтагматических компонентов – понятием селекционных правил словозначений, употребляемым начиная с работы Катца и Фодора (Katz–Fodor 1963). Не изменяется основной характер КА и в том случае, когда компоненты – как предлагает Зевахина (1982, 27) – извлекаются из сочетаемости с другими словами. Ведь кроме парадигматических, синтагматические отношения также дают важную информацию при вскрытии (несочетаемостных) значений (Nida 1975, 151–154).

Тем не менее, если бы мы были вынуждены ограничить круг семантических явлений, охватываемый КА, вопрос о дополнении КА другими методами требовал бы совсем иного подхода и вполне другой трактовки. Дело в действительности так и обстоит: выше мы выражали недовольствие лишь насчет содержания ограничений, а не насчет их самих; в дальнейшем же будут проведены контуры принципиальных дополнений (ср. Слесарева 1990, 99, хотя там указано такое положение, дополнительные методы не описаны).

2. КА и типы информации в значении

2.1. Исходя из априорно целесообразного предположения, согласно которому СК образуют конечное множество, из компетенции КА должны исключаться типы значения прагматической природы (коммуникативное, эмоциональное, стилистическое значения и т.п.), тем самым сфера метода должна ограничиваться семантическим (или когнитивным, денотативным) значением. Если бы мы поступали не так, мы не могли бы избежать огромного до бесконечности обилия СК, потому что прагматические типы значения не составляют точно описываемых систем. Здесь нужны два замечания. Во-первых, необходимость такого – как кажется – тривиального ограничения возникает только потому, что термин *семантика* употребляется неоднозначно: то в широком смысле (включая и прагматику), то в узком. Придерживаясь узкого смысла, не было бы возможности говорить о КА в стилистике (о такой процедуре см. Гулыга–Шендельс 1976, 297–299; Кузнецов 1980, 50; Nida 1975, 37–38). Во-вторых, отсутствие четкого определения границ между семантикой и прагматикой, а также объема двух дисциплин не изменяет истинностный характер нашего тезиса. Впрочем, понятие семантики постепенно будет уточняться в остальной части изложения.

2.2. Вопрос о конечном характере числа СК связан еще с тем, хотим ли мы разложить ту часть семантического значения, которая складывается из наших повседневных, энциклопедических

знаний (ср., напр., слова *птица, воробей, гусь, утка, кошка, собака, (полевая) мышь; мебель, стол, стул, кресло; золото, серебро*). Ведь если бы, допустим, значения слов *кошка* и *собака* были проанализированы и их различие было выражено в терминах СК, потенциальное количество минимальных элементов – по всей вероятности – было бы бесчисленным, потому что в состав СК вошли бы такие, которые охватывают все, что мы знаем об этих животных. Чтобы изложить мысль о роли СК и обыденных знаний более точно и научно, можно исходить из исследований Э. Рош (Rosch 1978) и Х. Патнэма (Putnam 1975).

2.2.1. Согласно классической теории, восходящей к Аристотелю, категория (или объем понятия) имеет четкие, хорошо очерченные границы и принадлежность к категории определяется необходимыми и достаточными условиями, общими для всех членов категории. В противопоставление классической теории, следовательно КА, в семантике прототипов (Rosch 1978) утверждается – в этом и заключается самое важное возражение против КА –, что члены некоей категории определяются не абсолютным способом, а прототипом (о противопоставлении этих конфликтующих теорий см. Coleman-Kay 1981, 26–28; Cuyskens 1984, 72–73; Fillmore 1978/1983, 30–31). Прототипом, или центром, является один или больше типических представителей категории, а вокруг центра до самой периферии находятся другие, менее типические представители категории по убывающей степени схожести с прототипом. Значит, категории владеют внутренней структурой и принадлежность к категории не может быть выражен ответом *да* или *нет*, а объект входит в категорию в большей или меньшей мере. Из сказанного следует два вывода. Во-первых, прототип не может отождествляться с помощью необходимых и достаточных условий (напр., у слова *птица* и *красный* необходимые условия исчерпаны – как кажется – компонентами ЖИВОТНОЕ и ЦВЕТ соответственно), а прототип – это тот представитель категории, который более или менее удовлетворяет определенному множеству условий типичности и/или центральности (насчет типов условий см. Jackendoff 1983, 121). Во-вторых, традиционное и прототипное понимания структуры категории расходятся не в разложимости/неразложимости

мости значения, а в характере выявленных условий.

Пользуясь данными Кифера (Kiefer 1989, 263–264), рассмотрим в качестве примеров слова *птица* и *красный*. В семантике прототипов значение *птица* может выражаться в терминах условий типичности, т.е. условий, которые характеризуют типическую птицу, прототип категории птиц. В числе этих условий фигурируют такие, как, например, птица имеет оперение, клюв и крылья; умеет летать; несет яйца; сведения о ее типической форме. Воробей владеет всеми этими свойствами, значит он типическая птица и является (в нашей культуре) прототипом птиц, вернее, одним из членов прототипа птиц. (Естественно, сказанное относится к воробью как к типу, так как относительно одного экземпляра может не выполняться из-за какой-нибудь аномалии, например, то, что он умеет летать). Курица, утка умеют летать в значительно меньшей мере, чем воробей. Они менее типические птицы. Страус же, пингвин – в отсутствии одного или больше условий типичности – находятся на периферии категории, они закрывают иерархию прототипичности птиц.

Перейдем к слову *красный*, значение которого описывается с помощью условия центральности. Условия этого типа выделяют центральную часть в непрерывной области. Иными словами, они определяют фокальную величину для постоянно меняющегося свойства, как в случае слов цветообозначения, в том числе и слова *красный*. При фокальной величине проявляется прототипический красный цвет, а по мере удаления от центральной области отождествление цвета становится все труднее. В таком смысле принадлежность к красному тоже постепенная. Но для степеней красноты характерно не то, что некоторые условия включения в категорию могут отсутствовать, а удаление от центра. Вместе с тем, если удаление переступает известную – точно не определимую – границу, проявляются другие, соседствующие с красным цвета в непрототипических вариантах. Значит, условия центральности не могут быть нарушены без выхода за пределы данной категории.

За недостатком места лишь укажем на другие исследования, использующие понятие прототипа. Условия типичности и центральности могут встречаться не только отдельно, но и совместно

при описании значения существительных, называющих разные сосуды: ср. Kiefer 1989, 264; Labov 1978/1983. Прототипной структурой могут обладать и абстрактные существительные (Cuyskens 1984, 77). Прототипный анализ распространяется и на глаголы: см. английские глаголы *kill, see, climb, lie* (Pulman 1983, 107–132; Jackendoff 1983, 150–151; Fillmore 1978/1983, 30–31; Coleman–Kay 1981), а также ср. описания русских глаголов *лгать* и *врать* (Mondry–Taylor 1992).

2.2.2. В то же время семантика прототипов вызывала критику. Необходимо упомянуть теоретические возражения, основанные на проблемах значения сочетаний понятий (Osherson–Smith 1981) и эффектов прототипичности, характерных для слов с точно определяемыми значениями (Armstrong et al. 1983). Оба класса возражений индуцируют те же самые модификации и исправления семантики прототипов, но так как с нашей точки зрения больший интерес представляет последняя проблема, то внимание уделим только ей. В экспериментах с английскими эквивалентами слов типа *нечетное число/нечет*, имеющими точно определяемые значения, были выявлены интуитивно неожиданные эффекты прототипичности, противостоящие характеру значений. По суждению испытуемых не все нечетные числа оказались одинаково типичными. В связи с словом *бабушка*, значение которого – соответствующим образом добавляя формулу (4) – можно определить как (9), также проблематична прототипичность, выражаемая с помощью включенных в (10) условий типичности:

- (9) РОДИТЕЛЬ (x, y) и РОДИТЕЛЬ (y, z) и не МУЖСКОГО ПОЛА (x)
- (10) а. дорогая, пожилая дама,
б. имеющая седые волосы, блестящие глаза, морщинистую кожу,
в. ставящая на стол куриный бульон и т.д.

Опираясь на предложения, выдвинутые в специальной литературе (Osherson–Smith 1981, 57; Armstrong et al. 1983, 291–295), при разрешении названной проблемы мы должны предположить, что

понятие (значение) репрезентируемо двояко, двумя видами представлений, так как оно имеет ядро и идентификационные характерные черты. Первое содержит те аспекты, которые релевантны для дефиниции и сочетания понятия с другим понятием, а последние – это те эвристические сведения о перцептуальных и функциональных свойствах, которые структурно определяют процессы когнитивной обработки, в том числе быстрое установление принадлежности к категории. Ядро описывается необходимыми и достаточными условиями, а идентификационные характерные черты – условиями типичности и/или центральности. Следовательно, классическое понимание категории, восходящее к Аристотелю и выражающееся – по сути дела – в традиционной версии метода КА, служит описанием ее ядра, а семантика прототипов фиксирует ее идентификационные характерные черты. Таким образом, понятно, почему прототипичность влияет на повседневное, быстрое суждение о принадлежности к категории и почему она не применима к дефиниционным заданиям.

2.2.3. В дальнейшем рассмотрим теорию Патнэма (1975), не забывая и об установлении ее связей с семантикой прототипов и с гипотезой двоякой репрезентации. Она предлагает решение как для проблемы использования повседневных знаний, так и для естественно возникающего в контексте 2.2.2 вопроса, как определяются ядра слов типа *воробей*, *гусь*, *утка*, *собака*, *золото*. (В конечном счете, к этому списку примыкает и слово *птица*.)

В представлении значения слова у Патнэма фигурируют различные типы информации. Проиллюстрируем такого типа описания с помощью примеров *вода* (Putnam 1975, 269) и *тигр* (последний пример был составлен автором данных строк с опорой на разные места указанной статьи).

- (11) а. неисчисляемое существительное, конкретное
б. естественный род (*natural kind*), жидкость

- в. не имеющая цвета, вкуса; прозрачная; утоляет жажду и т.д.
- г. H_2O (с загрязнением или без него)
- (12) а. исчисляемое существительное, конкретное
- б. естественный род (natural kind), животное
- в. дикое, кошкообразное, с большим телом, с желтой шкурой с черными полосами, (живет в джунглях) и т.д.
- г. соответствующий генетический код

Рассмотрим компоненты нормализованной формы представления значения в отдельности. Если первый компонент (синтаксические маркеры) содержит собственно синтаксическую информацию, то он должен быть исключен из репрезентации значения слов. Так как признак конкретности/абстрактности все-таки лучше считать семантическим, показатель "конкретный" принадлежит к семантическим маркерам.

Второй компонент (семантические маркеры) – в противоположность маркерам Катца и Фодора (Katz-Fodor 1963) – совмещает в себе не аналитические условия, а лишь метафизически необходимые. Ведь принципиально, логически не невозможно, чтобы, допустим, тигры представляли бы собой роботов направленных с Марса на Землю. Коль скоро установлено, что тигры, на самом деле, животные, а не роботы, тогда невозможно утверждение, что тигры не животные. Семантические маркеры у Патнэма только в таком смысле выражают необходимость, названную метафизической. Как нам кажется, во второй компонент могут входить еще другие метафизически или логически необходимые маркеры, в том числе показатель "живое существо", который следует из "животное", или показатель "не живое существо", который следует из "жидкость", а также показатель "конкретный", исключенный из первой составляющей.

В третьем компоненте описывается стереотип, который представляет собой конвенциональное соображение о признаках, характерных для типического естественного рода и общеизвестных для носителей языка – за исключением некоторых (см. заключенную в скобки часть в (12в)). По-видимому, стереотип имеет связь,

по крайней мере, с теми прототипическими признаками, которые находят выражение в условиях типичности, примененных семантикой прототипов. (В свете этого прототип является типическим представителем категории или понятия, характеризующимся прототипическими/стереотипическими чертами.) Следовательно, в стереотип входят не аналитические, даже не метафизически необходимые свойства. Нормальный, типический тигр – по нашим обыденным знаниям – имеет желтую кожу с черными полосами. Однако, тигр-альбинос также представляет собой тигра, он лишь просто не типичен. Отнесение определенного животного к классу тигров зависит не от цвета и рисунка кожи. К тому же, открытие того, что вышеуказанное описание стереотипа определения слова *тигр* является ошибочным, т.е. стереотип создан на основе свойств нетипического тигра, не привело бы к логическому противоречию. Как бы стереотип ни выглядел, следует подчеркнуть то, что усвоение слов значит и усвоение стереотипа, точнее той его части, которая является обязательно известной для всего языкового коллектива. Минимальная детализация стереотипа зависит от культуры. В культуре, в которой Х. Патнэм живет, говорящие при усвоении слова *тигр* должны знать, как выглядит тигр. Зато они не должны владеть такими мелкими деталями, как форма листьев, на основе которых стереотипы слов *вяз* и *бук* могли бы отличаться друг от друга. Поэтому стереотип слова *вяз* совпадает с стереотипической характеристикой другого обычного дерева, *бука*.

Из сказанного о семантических маркерах и описании стереотипа, по всей вероятности, становится ясным, что они не определяют экстенсионалов слов. Первые дают только частичную характеристику экстенсионала, а вторые выявляют лишь типического представителя. В то же время в экстенсионал могут входить нетипические предметы или предметы, в случае которых не выполняются не только некоторые признаки стереотипа, но и стереотип полностью нарушается. Итак, экстенсионал может быть задан только на основе экспертных знаний. Четвертый компонент содержит такие знания, т.е. описание экстенсионала естественного рода.

Экспертными знаниями (т.е. необходимыми и достаточными

условиями того, чтобы кто-нибудь/что-нибудь фактически входил(о) в объем слов *тигр*, *вода* и т.д.), как название указывает, средний носитель языка не владеет. Все компоненты дефиниции значения не известны для каждого, а располагает всем значением слова только общество в целом. По отношению к составляющим нормализованной формы значения – как в обществе вообще – существует разделение труда. Знание необходимых и достаточных условий относится к известным экспертам по научным дисциплинам и профессиям. Употребляя такие слова, в сомнительных случаях неспециалисты должны обращаться к экспертным группам общества. Эта разновидность разделения труда именуется Х. Патнэмом как языковая, изменяющаяся – как это вообще бывает – в соотношении с развитием научных и профессиональных знаний. Перед возникновением химии слово *вода* не попадало в сферу действия языкового разделения труда. Но когда открыли, что вода состоит из водорода и кислорода (H_2O), знание значения обязательно было разделено в обществе на две части. А ныне даже средние носители языка знают, что химическая формула воды – H_2O . Значит, описание экстенсонала вошло в компетенцию индивида. Тем не менее, отличать воду от жидкости, похожей на воду по несубстанциальным признакам, способны лишь некоторые (т.е. специалисты). В проблематических случаях мы имеем возможность опереться на суждения экспертов. Рассмотренный пример со словом *вода* направляет внимание на эксплицитно не сформулированное Х. Патнэмом различие, согласно которому четвертый компонент совмещает в себе два типа экспертных знаний. Первый тип – дефинирующего характера: необходимые и достаточные условия экстенсонала естественных родов, которые с повышением уровня общего образования могут проявляться в составе личных знаний, при этом не меняя своего экспертного характера. Кузнецов (1982, 27) несправедливо утверждает обратное: с расширением и углублением образованности многие слова-термины становятся все более общедоступными, их специальные значения будут и общезыковыми, общелитературными. Второй же тип включает в себя те знания, на основании которых специалисты устанавливают, выполняются ли вышеуказанные условия (истинности), т.е. входит

ли рассмотренный предмет в экстенсионал, заданный условиями.

2.2.4. Видно, что патнэмовская концепция содержит мысль, выражающуюся в паре терминов двоякой репрезентации понятий. Роль идентификационных характерных черт выполняет стереотип, так как он был связан нами с прототипическими свойствами. Ядро составляют сведения, охваченные семантическими маркерами и описанием экстенсионала. Стоит еще отметить, что с дуальным пониманием понятия имеет связь терминопотребления не только Х. Патнэма, но и других авторов. Оно лежит в основе вышеупомянутого джекендоффского (Jackendoff 1983, 121) различения трех типов условий: с одной стороны, необходимые условия, а с другой, условия типичности и центральности. По сути дела, оно находит выражение и у М.В. Никитина (1988, 61–66) в терминах интенционала и импликационала.

Возвращаясь к нормализованной форме представления значения, можно указать на выпущенное в 2.2.1–2.2.3 из виду, но выделяемое в теории Патнэма противопоставление, а именно противопоставление языковых знаний знаниям о мире. Хотя такое различие вызывает немало трудностей, в нем даже сомневаются или им не пользуются (Bolinger 1965/1981, 226; Jackendoff 1983, 1990; Langacker 1988; Никитин 1988), но в контексте нашей статьи оно – на чем так или иначе настаивает начиная с Катца и Фодора (Katz–Fodor 1963) ряд авторов (Kiefer 1983, 87–88; 1990; Leech 1981, 87, 118; Mel'čuk 1989, 97; Кузнецов 1982, 1987; в перечислении стоит отдельно упомянуть работы Бирвиша, к которым специально обратимся при ознакомлении с его концептуальной семантикой) – окажется нужным и оправданным.⁴

Проведение границ между двумя типами знаний, конечно, задача не всегда простая и легкая, а при лексикализации, пожалуй, и нет постоянной границы между ними. Несмотря на недостаток

---

⁴ Имея в виду данное различие, особенно в бирвишевском его понимании, важно заметить, что собственно лингвистическая семантика ограничивается исследованием значения, основанного на языковых знаниях, и отграничивается от изучения концептуальных аспектов значения. В этом случае значение и понятие перестают быть синонимами.

места, важно обратить внимание на неудачную гипотезу связывания присущих значению слова особенностей с т.н. скрытыми компонентами, выявляемыми только через сочетаемость, и на неадекватность мнения, согласно которому все остальное считается ни чем иным, как относящимся к знаниям о денотатах (Гинзбург 1978). Несостоятельность абсолютизации линейных/синтагматических отношений при выделении лингвистически значительных компонентов (селекционных: ср. англ. *laugh* – англ. *giggle*, а также неселекционных: ср. *ехать* – англ. *go*) может быть доказана следующими тремя положениями (см. еще вышесказанное о сочетании КА и дистрибутивного метода). Во-первых, селекционные правила во многих случаях основываются не на чисто языковых критериях, а они – как указывается (Bierwisch 1983, 92) – нередко зависят от концептуальных факторов. Во-вторых, Гинзбург упускает из виду собственно семантические парадигматические отношения, исследование которых, вместе с синтагматическими, может быть положено в основу методики вскрытия (парадигматических) СК (ср. Kiefer 1983, 312; Leech 1981, 89–109; Nida 1975, 64–67, 151–154.) В-третьих, так как языковую значимость приобретают не все внеязыковые свойства, нельзя оспаривать у компонентов языковую релевантность из-за их соотношений с признаками денотатов. Так и специалист по семантике должен описать не денотат, а структуру значения. Например, в число лиц, обозначенных русскими лексемами *двоюродный брат* и *двоюродная сестра*, входят те же самые существа, которые составляют денотат английского слова *cousin*. Как и первые, так и последние относятся к одному из двух полов, тем не менее это не отражается в семантической структуре английского слова. Ср. датский *farfader* 'отец отца' – дед (Кузнецов 1987, 66–68), а также см. неодинаковую роль сведений о старшинстве в поколениях и об абсолютном старшинстве при описании русских имен родства (Кузнецов 1982, 32).

Третий тезис совсем не паразителен, если будет принята следующая аргументация в пользу языковой релевантности метафизически необходимых условий, после которой мы должны вернуться к названиям родственных отношений. Правда, стереотипы (совокупности идентификационных характерных черт) имен

естественных родов могут быть заданы на основе наших обыденных знаний о мире, а большая часть их ядер, которая действительно определяет экстенционалы – на основе экспертных знаний, т.е. научных или профессиональных знаний о мире. Тем не менее, классифицирующие семантические маркеры, составляющие меньшую часть описания ядер, имеют отношение к языковым знаниям. Хотя одни из них могут выражать только метафизически необходимые свойства и как таковые коренятся в знаниях о мире, они находят свое место и в языковых знаниях потому, что в значениях имен естественных родов они закодированы для всех необходимым образом. За примером обратимся еще раз к слову *тигр*. Этот языковой знак непременно используется для обозначения определенного вида животных, а не роботов, направленных с Марса на Землю. Иными словами, для всех, кто усвоил его, из значения с необходимостью вытекает, что за именем "скрывается" некое животное. По сравнению с этим словом ядро слов типа *бабушка* (см. (9)) состоит из логически необходимых (и одновременно достаточных) условий, включающихся в собственно языковые знания. Этим мы не хотим сказать, что собственно языковые знания находят свои корни не в понятийном осмыслении действительности. (Поэтому неправильным считается разбиение дифференциальных признаков у Кузнецова (1987, 70) на понятийные, языковые и понятийно-языковые.) Мы утверждаем лишь, что, в отличие от метафизически необходимых условий, необходимость информации, содержащейся в значении слов типа *бабушка*, не ограничивают внеязыковые знания.

Подводя итоги анализа концепции Патнэма, мы можем установить, что были обнаружены новые соображения не только относительно экстенционала имени естественного рода, но и относительно характера ядра значения: ядро образуют языковые и/или неязыковые знания.⁵

---

⁵ Мы видели, что Патнэм – как Катц и Фодор (Katz–Fodor 1963), но из-за других причин – выделяют более одной составляющей представления значения. Ибо семантические маркеры дают (и) языковые сведения, в дальнейшем вместо этого термина

С точки зрения ограничения сферы действия КА по отношению к типам информации в значении получается следующее решение. При одновременном учете как различия ядра и идентификационных характерных черт, так и различия языковых и неязыковых знаний, данный метод должен быть направлен на выяснение языкового ядра, т.е. информацию, относящуюся (и) к языковым знаниям, а не к повседневным и/или экспертным знаниям. При этом – как из вышеизложенного следует – возможно, что языковое ядро неполно в том смысле, что в нем не имеется достаточной информации для однозначной подачи экстенционала. Тем не менее, это не изменяет основного тезиса, согласно которому в терминах СК должно быть охвачено значение, так или иначе связанное с языковыми знаниями. Обыденные знания о мире, заключенные в идентификационных характерных чертах, выражаемые с помощью прототипов/стереотипов. Находящиеся в экспертном ядре знания – хотя они являются необходимыми условиями – также не следует описывать с помощью СК. Их регистрация явно входит не в задачи лингвиста, а в задачи специалиста по данной дисциплине или профессии, по данной экспертной области, что подтверждается высказыванием Щербы, цитирующим по Кузнецову (1982, 27): "Слово *золотник* (в машине) всем хорошо известно, но кто из нас, не получивших элементарного технического образования, знает как следует в чем тут дело?" (см. еще отнесение Кузнецовым (1987, 72) определенных сведений даже за пределы "дальнейшего" значения). Языковед способствует дефиниции слов в их научных, профессиональных значениях лишь через общие принципы толкования. С позиции противопоставления (научных) знаний о мире языковым знаниям вполне понятно, почему мы не согласны с Куйкенсом (Cuyskens 1984), который заключает все знания необходимого рода в СК. То, что определенные знания

мы возвратимся к употреблению термина *семантический компонент*. – Еще одно терминологическое замечание: поскольку описания стереотипа и экстенционала отражают соответственно обыденную и экспертную концептуализацию, языковое разделение труда должно быть названо понятийным разделением труда (ср. Bierwisch 1983, 98).

обладают необходимым характером, не служит достаточным основанием их выражения с помощью СК.

2.2.5. Что касается (обыденных) знаний о мире, то они не исчерпываются приведенными выше словозначениями. Познакомиться с их новыми проявлениями важно, потому что они – как вообще повседневные знания – остаются вне компетенции КА.

Начиная с конца 70-х гг. в ряде своих работ М. Бирвиш (Bierwisch 1979, 1983, 1986; Bierwisch-Schreuder 1992) проводит последовательное разграничение двух видов знаний: неязыковых и языковых, а также соответственно разграничение двух уровней репрезентации значения: концептуального уровня и языкового, или собственно семантического уровня (о необходимости разграничения в бирвишевском духе двух уровней репрезентации значения см. еще следующие работы: Gergely-Bever 1985, Lang 1990). На фоне этих соображений он излагает способы концептуальной интерпретации, а именно: понятийное смещение, понятийную дифференциацию и понятийную селекцию. Прежде чем приступить к рассмотрению интерпретационных механизмов, заметим, что бирвишевская теория концептуальной семантики резко отличается от семантик, не использующих разграничения уровней представления значения, а полностью относящих значение к концептуализации (напр., Langacker 1988; Jackendoff 1983, 1990; Никитин 1988). При этом она может совпадать по признаку модулярности языковой способности и человеческого разума в целом с семантикой Джекендоффа, или не совпадать с семантикой Лангакера. Далее: и Бирвиш и Джекендофф признают – как это бывает в хомскианской теории управления и связывания – первичность синтаксиса перед семантикой.

Перейдем к механизмам концептуальной интерпретации (Bierwisch 1983). Рассмотрим следующие примеры:

- (13) Я ушел из школы в 1975 г.
- (14) Я ушел из школы около 10 ч. утра.
- (15) Сегодня школа надоела Марии.
- (16) Школа не может быть исключена из истории всемирной цивилизации.

К (13)–(16) может быть прибавлено еще одно употребление слова *школа* (ср. Kiefer 1989, 265; Kiefer 1990, 4).

(17) Вся школа поехала на экскурсию.

В (13) *школа* интерпретируется как учреждение (заведение), а в (14) – как физический объект (здание). В (15) *школа* указывает на тип работы, деятельности, т.е. на определенные процессы, связанные с профессией ученицы или учительницы по имени Мария, в (16) же – на учреждение как на принцип, или на тип. В последнем примере (17) идет речь о школе как о совокупности людей, которые работают в данном учреждении. Тем не менее, *школа* в (13)–(17) имеет и общее логико-семантическое ядро, которое – в неформальном виде – сводится к следующему: 'х имеет целью образование/учебу' (см. Bierwisch 1983, 86, где фигурирует его формализованная репрезентация в рамках лямбда-исчисления, атомарными предикатами которого являются СК).

Вышеупомянутые варианты толкования, названные буквальными, или дословными значениями, появляются на понятийном уровне смысла. Переменная *x* в общем ядре подставляется такими концептуальными единицами, как 'учреждение', 'здание', 'процесс', 'принцип' и 'совокупность людей', по обыденным знаниям человека, активированным т.н. нейтральным контекстом.⁶ Таким образом, с помощью обыденных знаний логико-семантическое значение преобразуется в буквальные значения. Иными словами, последние создаются путем концептуального смещения, т.е. интерпретация первого проходит не в одной, а в нескольких отдельных, отличающихся друг от друга понятийных областях. В заключение в связи с концептуальными единицами, нужными при толковании букварных значений слова *школа*, интересно отметить, что они релевантны для целого ряда других лексем. Ср.: *универси-*

---

⁶ Нейтральным контекстам противопоставляются ненейтральные, активизирующие также обыденные знания – для метафорических значений (см. Bierwisch 1979, 141–143).

тет, академия, музей, суд, парламент, министерство, правительство, театр, опера, радио, телевидение, фабрика, универмаг, больница, церковь и т.д.

Другая разновидность понятийной интерпретации – это концептуальная дифференциация, под которой понимается то, что разные варианты логико-семантического значения толкуются не в отдельных понятийных областях, а в одной и той же области. Иными словами, общее ядро значения лишь дифференцируется, а не смещается. Проиллюстрируем это явление глаголом *понять*.

(18) Понять Петра было трудно.

В зависимости от предмета, к которому относится процесс понимания (содержание высказывания, произношение, поведение), обозначаются разные виды этого процесса (интеллектуально понять, акустически понять, морально понять), хотя выделяется и ядро понимания, которое неформально дается как 'кто-л. приписывает что-л. какой-л. ментальной (умственной) структуре' (его формализацию см. Bierwisch 1983, 90).

По-видимому, варианты *понять* представляют собой виды (абстрактного) понимания и подходят под "главное понятие". Таким образом, они создаются путем концептуальной дифференциации: на основе того, какой именно ментальной структуре приписывается понимаемый объект.

В связи с концептуальной селекцией, определяющей согласование результатов дифференциации и сдвига, т.е. буквальных значений в пределах высказывания, и теперь не входящей в рассмотрение, укажем лишь на ее отношение к традиционным селекционным правилам. Селекционные ограничения, введенные в научный обиход Катцем и Фодором (Katz-Fodor 1963) и потом широко употребленные в семантических анализах (см., напр., Bierwisch 1970/1981, Leech 1981, 137–142; ср. еще вышесказанное о сочетании КА и дистрибутивного метода и о скрытых компонентах (Гинзбург 1978)), по своему характеру во многих случаях понятийны (Bier-

wisch 1983, 92). Поэтому для их выражения не всегда подходят СК.⁷

2.2.6. Вспоминая все сделанные выше выводы о границах сферы действия КА применительно к типам значения, можно установить, что этим методом не описываются прагматические, концептуальные аспекты значения, а только аспекты, имеющие отношение (и) к языковым знаниям. При этом в большинстве случаев СК выражают только необходимые условия, т.е. представление значения в терминах СК является от значения к значению в различной степени многогранно неполным, недостаточным (ср. слова *птица, тигр, вода, нечет/нечетное число, красный, школа, понять*). СК представляют собой необходимые и достаточные критерии лишь в немногих – может быть, редких – случаях (ср. слова типа *бабушка*). Итак, собственно СК охватывают, по нашему мнению, элементы логико-семантического, или собственно семантического значения. Из этого положения следует, что в терминах СК не выражаются элементы значения, представляемые в понятийной репрезентации, даже в случае экспертных знаний, когда последние обладают необходимым характером.⁸

Имея в виду такие ограничения, легко убедиться в том, что СК составляют конечное множество. А именно это и было нашим исходным предположением в начале 2.1, которое считалось априорно целесообразным.

Сюда примыкает другое тривиальное предположение – мы

---

⁷ Механизмы понятийной интерпретации оказываются полезными не только при фиксировании свойств лексической системы того или иного языков (основанный на концептуальной дифференциации анализ одной из групп венгерских глаголов коммуникации предлагается в исследовании (Bibok 1991)), но и при определении межъязыковых сходств и различий содержательной стороны лексем. О применении концептуального смещения в контрастивной лингвистике см. Бибок 1993, где сопоставляются лексемы *церковь* и *телевидение* с их венгерскими эквивалентами.

⁸ Подробнее об "удельном весе" СК в репрезентации значений лексем и о типологии слов, учитывающей неодинаковую пропорцию различных типов информации в представлении значений, см. Bibok 1991, 1991–1992.

уже в состоянии правильно понять характер СК –, согласно которому стоит оперировать только семантическим признаком, т.е. однородными СК, применимыми к более чем одной паре или группе словозначений (ср. Fillmore 1978/1983, 47–48; Kiefer 1983, 87). Однако, на вопрос, на какую часть словарного состава, на часть какой величены распространяется некий признак, дать уверенный ответ возможно лишь в случае всеобъемлющего и тщательного исследования всей лексики, от чего лексическая семантика стоит еще очень далеко. Необходимо также учесть, что в результате включения в поле зрения исследователя новых и новых групп значений лексем, ранее выделенные СК, вероятно, могут быть более обобщенно сформулированы (ср. Bolinger 1965/1981, 213–214, 217–219).

3. КА и словарный состав

3.1. Перейдем ко второму основному вопросу: ограничениям, накладываемым на КА в масштабе всего лексикона. В отличие от раздела 2, в котором внимание было сосредоточено на частичном исключении слов из сферы действия КА, здесь речь будет идти о случаях, когда значения полностью не подпадают под компетенцию метода.

Вспоминая о том, что слова типа *понять* не анализируемы исчерпывающе в терминах СК (ср. еще *нечетное число*) и что СК – хотя они составляют незначительную часть всей репрезентации значения – выделяются даже в связи с словами *птица*, *тигр* и т.д., вполне уместно признать неправомерность полного включения/исключения целых классов лексем в сферу/ из сферы действия КА, а именно абстрактных слов и конкретных слов соответственно. В отношении последних можно сослаться на Мельчука (Mel'čuk 1989, 97–98); ср. еще Васильев 1984, 4; Кузнецов 1980, 37. Имея в виду разграничение между семантическими описаниями лексических значений и энциклопедическими описаниями денотатов соответствующих лексем, можно утверждать, что многие конкретные слова семантически не представляются исчерпывающе в терминах примитивов: выделяются *genus* и некоторые *differentiae specificaе*,

названные ~~квазипримитивами~~, число которых измеряется тысячами.⁹

3.2. В случае неоднородности типов информации, характерной для (почти) каждого словозначения, совершенно понятно, что касательно сферы действия КА по отношению к лексическим группам необходимыми и достаточными оказываются следующие два ограничения. (Этой неоднородностью объясняется и оправдывается непропорциональность размеров второго и третьего разделов.)

Во-первых, образующие закрытые системы, т.н. грамматические, или логические слова (*не, и, или, все*, определенный артикль в венгерском и многих других языках и т.д.), которые в этой статье до сих пор оставались в стороне, должны быть исключены из сферы действия КА, потому что их (логико-семантические) значения могут быть представлены в виде известных из логики операций, выполняемых соответствующими словами (ср. Kiefer 1983, 88; 1989, 261).

Во-вторых, если СК отождествляются с примитивными предикатами некоего логического языка, то надо подчеркнуть, что для КА принципиальным препятствием оказываются такие лексемы, как *к сожалению, к счастью, наверно, по всей вероятности* и т.д., которые выходят за рамки семантики условий истинности, потому что они не описывают действительность, а (в непропозициональной форме) оценивают ее.¹⁰

---

⁹ Интересно отметить, что Вежбицка, которая раньше (Wierzbicka 1980, 77) считала неопределимыми с помощью примитивов названия основных классов животных (*кошка* приблизительно значит 'животное [ср. все-таки ЖИВОТНОЕ] такого рода, который называется кошкой'), изменила свою позицию: она (Wierzbicka 1988) старается систематически охватывать наивные, ненаучные концепты имен естественных родов типа *cat, tiger*, используя некоторые семантически/концептуально простые слова.

¹⁰ О словах-аттитюдах, представляющих собой принципиальный предел семантики условий истинности и описываемых путем выделения условий денотации, см. Kiefer 1985.

4. Заключение

В заключительном разделе стоит обратить внимание читателя на то, что выдвинутые гипотезы о сфере действия КА могут иметь автоматические следствия для решения вопросов, которым уделяются немало усилий в литературе. Таким образом, например, отпадает возможность выделения т.н. потенциальных, или дополнительных сем, которые выдвигаются на первый план при возникновении метафорических значений (ср. Васильев 1984, 7; Гулыга–Шендельс 1976, 299; Цветков 1984, 67; Nida 1975, 35–37, 126–129). Ведь ассоциации (коннотации), на которых семы данного типа основаны, явно имеют связь с наивным восприятием и представлением действительности (ср. сн. 6, ср. еще понимание условий типичности слова *бабушка* в (10) как идентификационную характеристику понятия). Следовательно, их выражение в терминах СК перемешало бы различные типы информации и сделало бы множество СК потенциально бесконечным.

В то же время мы должны подчеркнуть, что предлагаемая в разделах 2 и 3 трактовка двух кардинальных вопросов, возникающих в связи с разумным – ограниченным относительно как одного значения, так и всего множества значений в словарном составе – применением КА, конечно, не приведет к автоматическому решению всех проблем. Кроме достижения нашей главной цели, т.е. избежания тупика, она все-таки обеспечивает исследователей прочным фундаментом. Основываясь даже только на нем, мы располагаем возможностью (притом с надеждой на правильное решение) поставить взаимосвязанные вопросы о составе СК как одной из разновидностей словарных единиц общего семантического метаязыка, а также о том, обладают ли СК когнитивной реальностью и имеют ли свойства языка, выражаемые в терминах СК, универсальный характер. Естественно, что в связи с этими проблемами мы должны опереться и на другие соображения. Кажется, большой интерес представляет следующее различие, выдвинутое Бирвишем (Bierwisch 1986, 780–781). В семантическом метаязыке он отделяет априорные (или зафиксированные) компоненты, имеющие врожденно определенные – не непременно при-

митивные, а, может быть, сложные – концептуальные интерпретации, от апостериорных (или созданных опытом) компонентов. Ср. еще Bierwisch 1983, 97, где приводится LÖWE в качестве компонента семантического представления слова *Löwe* 'лев', выражающего признак "быть львом", и концептуально интерпретируемого на основе обыденных знаний. Тем не менее, исследование названных проблем, учитывающее также и это, важное не только с точки зрения создания словаря метаязыка различение, еще не вошедшее в научный обиход,¹¹ должно остаться на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- Бибок, К. 1993, К вопросу контрастивной лексикологии (на материале венгерского и русского языков). В кн.: Fejér Á. – H. Tóth I. – Bognár F. – Bibok K. (szerk.), *Magyarok és szlávok*. Szeged, 445–454.
- Васильев, Л.М. 1984, Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях. В кн.: Л.М. Васильев (отв. ред.), *Исследования по семантике: Межвузовский научный сборник*. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 3–8.
- Гинзбург, Р.С. 1978, Значение слова и методика компонентного анализа. *ИЯШ* № 5, 21–26.
- Гулыга, Е.В. – Е.И. Шендельс 1976, О компонентном анализе значимых единиц языка. В кн.: В.Н. Ярцева (отв. ред.), *Принципы и методы семантических исследований*. М.: Наука, 291–314.
- Зевахина, Т.С. 1982, Компонентный анализ: современное состояние и перспективы. В кн.: J. Kärklinš (отв. ред.), *Проблемы семантики: Сборник научных трудов*. Рига: Латвийский университет, 22–28.
- Кузнецов, А.М. 1980, *Проблемы компонентного анализа в лексике: Научно-аналитический обзор*. М.
- Кузнецов, А.М. 1982, Семантика слова и внеязыковые знания. В кн.: В.Н. Ярцева (отв. ред.), *Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях*. Кишинев: Штиинца, 26–33.

---

¹¹ Ср., однако, понимание квазипрIMITИВОВ как целых/комплексных единиц (Mel'čuk 1989, 98), и определение Васильевым (1984, 5) слова дуб как "дерево" + эмпирический остаток, включающий видовые признаки дуба, в терминах непосредственно составляющих значения, условно именуемых семантическими множителями. Ср. еще Leech 1981, 118–122.

- Кузнецов, А.М. 1987, Основа для контрастивной семасиологии. В кн.: В.Н. Ярцева (отв. ред.), *Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку*. М.: Наука, 64–72.
- Никитин, М.В. 1988, *Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие*. М.: Высш. шк.
- Слесарева, И.П. 1990, *Проблемы описания и преподавания русской лексики*. М.: Рус. яз., изд. 2-е, испр.
- Цветков, Н.В. 1984, К методологии компонентного анализа. *ВЯ* № 2, 61–71.
- Armstrong, S.L. – L.R. Gleitman – H. Gleitman 1983, What some concepts might not be. *Cognition* 13, 263–308.
- Bibok K. 1991, *A szójelentés tan néhány elméleti és gyakorlati kérdése (különös tekintettel a magyar nyelv kommunikációs tevékenységet megnevező igéire): Bölcsészdoktori értekezés*. Szeged. Kézirat [неопубликованная диссертация на степень доктора университета].
- Bibok K. 1991–1992, Szószemantika: egy elmélet vagy több elmélet? *Néprajz és Nyelvtudomány* [XXXIV], Szeged, 3–25.
- Bierwisch, M. 1970/1981, Semantics. In: J. Lyons (ed.), *New horizons in linguistics*. Harmondsworth: Penguin, 166–184. Русск. перевод в кн.: *Новое в зарубежной лингвистике X: Лингвистическая семантика*. М.: Прогресс, 177–199.
- Bierwisch M. 1971, On classifying semantic features. In: D.D. Steinberg – L.A. Jakobovits (eds.), *Semantics: An interdisciplinary reader in philosophy, linguistics and psychology*. Cambridge: CUP, 410–435.
- Bierwisch, M. 1979, Wörtliche Bedeutung – eine pragmatische Gretchenfrage. In: G. Grewendorf (Hrsg.), *Sprechaktheorie und Semantik*. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 119–148.
- Bierwisch, M. 1983, Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten. In: R. Růžicka – W. Motsch (Hrsg.), *Untersuchungen zur Semantik*. Studia Grammatica XXII, Berlin: Akademie-Verlag, 61–99.
- Bierwisch, M. 1986, On the nature of semantic form in natural language. In: F. Klix – H. Hagendorf (eds.), *Human memory and cognitive capabilities: Mechanisms and performances*. Amsterdam: North-Holland, 765–784.
- Bierwisch, M. – R. Schreuder 1992, From concepts to lexical items. *Cognition* 42, 23–60.
- Bolinger, D.L. 1965/1981, The atomization of meaning. *Language* 41, 555–573. Русск. перевод в кн.: *Новое в зарубежной лингвистике X: Лингвистическая семантика*. М.: Прогресс, 200–234.
- Coleman, L. – P. Kay 1981, Prototype semantics: The English word *lie*. *Language* 57, 26–44.
- Cuyckens, H. 1984, Towards a non-unified theory of word meaning. In: D. Testen – V. Mishra – J. Drago (eds.), *Papers from the Parasession on Lexical Semantics*. Chicago Linguistic Society, 71–80.

- Fillmore, C.J. 1978/1983, On the organization of semantic information in the lexicon. In: *Papers from the Parasession on the Lexicon*. Chicago Linguistic Society, 148–173. Русск. перевод в кн.: *Новое в зарубежной лингвистике XIV: Проблемы и методы лексикографии*. М.: Прогресс, 23–60.
- Fodor, J.A. – M.F. Garrett – E.C.T. Walker – C.H. Parkes 1980, Against definitions. *Cognition* 8, 263–367.
- Gergely Gy. – Th. G. Bever 1985, Az okozást kifejező igék mentális reprezentációja. *Pszichológia* 5, 379–434.
- Jackendoff, R. 1983, *Semantics and cognition*. Cambridge: MIT Press.
- Jackendoff, R. 1990, *Semantic structures*. Cambridge: MIT Press.
- Katz, J.J. – J.A. Fodor 1963, The structure of a semantic theory. *Language* 39, 170–210.
- Kiefer F. 1970, *Mondattani-szemantikai tanulmányok*. Budapest: OMKDK.
- Kiefer F. 1983, *Az előfeltevések elmélete*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Kiefer F. 1985, A *-hat/-het* képző jelentéséhez. *Általános Nyelvészeti Tanulmányok* XVI, 131–153.
- Kiefer F. 1989, A jelentéskutatás újabb irányzatai. *Magyar Nyelv* LXXXV, 257–271.
- Kiefer, F. 1990, Linguistic, conceptual and encyclopedic knowledge: Some implications for lexicography. In: T. Magay – J. Zigány (eds.), *BudaLEX '88 proceedings: Papers from the 3rd International EURALEX Congress, Budapest, 4–9 September 1988*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1–10.
- Labov, W. 1978/1983, Denotational structure. In: *Papers from the Parasession on the Lexicon*. Chicago Linguistic Society, 221–259. Русск. перевод в кн.: *Новое в зарубежной лингвистике XIV: Проблемы и методы лексикографии*. М.: Прогресс, 133–176.
- Lang, E. 1990, Primary conceptual space and inherent proportion schema: Two interacting categorization grids underlying the conceptualization of spatial objects. *Journal of Semantics* 7, 121–141.
- Langacker, R.W. 1988, A view of linguistic semantics. In: B. Rudzka-Ostyn (ed.), *Topics in cognitive linguistics*. Amsterdam–Philadelphia: Benjamins, 49–90.
- Leech, G. 1981, *Semantics: The study of meaning*. Harmondsworth: Penguin, 2nd edition.
- Lyons, J. 1977, *Semantics* I–II. Cambridge: CUP.
- Lyons, J. 1987, Semantics. In: J. Lyons – R. Coates – M. Deuchar – G. Gazdar (eds.), *New horizons in linguistics* 2. London: Penguin, 152–178.
- Mel'čuk, I.A. 1989, Semantic primitives from the viewpoint of the Meaning-Text Linguistic Theory. *Quaderni di Semantica* X, 65–102.
- Mondry, H. – J.R. Taylor 1992, On lying in Russian. *Language and Communication* 12, 133–143.
- Nida, E.A. 1975, *Componential analysis of meaning*. The Hague – Paris – New York: Mouton.
- Osherson, D.N. – E.E. Smith 1981, On the adequacy of prototype theory as a theory of concepts. *Cognition* 9, 35–58.
- Pulman, S.G. 1983, *Word meaning and belief*. London–Canberra: Croom Helm.
- Putnam, H. 1975, The meaning of 'meaning'. In: H. Putnam, *Mind, language and reality: Philosophical papers* 2. Cambridge: CUP, 215–271.

- Rosch, E.H. 1978, Principles of categorization. In: E.H. Rosch – B. Lloyd (eds.), *Cognition and categorization*. Hillsdale: Erlbaum, 27–48.
- Weinreich, U. 1966/1981, Explorations in semantic theory. In: T.A. Sebeok (ed.), *Current trends in linguistics*. The Hague: Mouton, 395–477. Русск. перевод в кн.: *Новое в зарубежной лингвистике X: Лингвистическая семантика*. М.: Прогресс, 50–176.
- Wierzbicka, A. 1980, *Lingua mentalis: The semantics of natural language*. Sydney–New York etc.: Academic Press.
- Wierzbicka, A. 1988, The semantics and lexicography of 'natural kinds'. In: K. Hyldgaard-Jensen – A. Zettersten (eds.), *Symposium on lexicography III: Proceedings of the Third International Symposium on Lexicography May 14–16, 1986 at the University of Copenhagen*. Tübingen: Niemeyer, 155–182.

BUNJEVAČKE KRALJIČKE PJESME IZ KAĆMARA

Predrag Mandić

(Mandić Predrag, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

O narodnim pjesmama kod Bunjevaca do sada se u više navrata pisalo. Revnosni sakupljač i strastveni zaljubljenik narodnog melosa, etnomuzikolog Tihomir Vujičić je – uz mnoge druge pjesme – sakupio i obradio i bunjevačke pjesme izdajući ih u svojoj zbirci. Zna se toliko da Bunjevci imaju bogatstvo narodnih pjesama. Što se same klasifikacije tiče, bunjevačke pjesme su veoma raznolike, međutim, koliko sam imao prilike da se njima pozabavim, primjetio sam da su najplodnije i najdragocjenije svatovske i kraljičke pjesme. Ove pjesme se ovamo u našim krajevima spominju i kao starovinske pjesme, o kojima je vrijedno više znati, kako o njima, tako i njih same. Po njima su i Bunjevci poznati; u njima je opjevan njihov mentalitet, njihov rad, odjevanje, nošnje, radosti, pa i tuga.

Porijeklo bunjevačkih narodnih pjesama nije mi toliko poznato. Svi su izgledi da su one, sa drugim predanjima, donijete ovamo iz starije postojbine. Ovo naročito svjedoče pjesme, u kojima su još očuvana povijesno poznata lica, kao i lokalni podaci uže domovine.

Što se kraljičkih pjesama tiče, one su bez povijesne pozadine, koje su u vezi sa bunjevačkim narodnim običajem KRALJICE. Smatra se da ih ima "valjda preko stotine".

Što se tiče, općenito, kazivanja bunjevačkih narodnih pjesama, poznato je da su se svatovske pjesme (pa i neke druge) "groktili". Sasvim je drugačiji način kazivanja kraljičkih pjesama. Prije svega, to je vrsta grupnog, horskog pjevanja. Vjerojatno je da je to prvobitan način pjevanja onih pjesama, koje su se nekad pjevale o prazniku (blagdanu) slovenskog Boga proljeća "Ljelja", čije se ime pomije kao pripjev pri ponavljanju svakog stiha.

Kraljice su narodni običaj o Duhovima (Dovima). Djevojčice od osam do četrnaest godina, obično osam po broju, obrazuju grupu u kojoj se prvi par zove "barjaktari", drugi "sablari", treći "kraljica i diver", i četvrti

"stražnjaci". Obučene su u šarenim, i zlatom iskićenim (izvezenim) haljinama/svilama. Kraljica je obučena u bijelu haljinu sa "krunom" na glavi. "Pridnjaci" nose "barjake", t.j. na štapovima vezano cvijeće okićeno i ukrašeno "pantljikama" ružičaste i plave boje.

Kraljice idu od kuće do kuće i pjevaju svoje pjesme. Nekada se pjesme pjevale već prema specifičnosti "ukućana" gdje bi kraljice zakucale na vrata. Druga pjesma se pjevala u kući gdje je udovica, druga, gdje je bolesnik, gdje je vojnik, te lovac, svećenik itd. Pri kraju svake pjesme, pjeva se refren: "Okreni se olo, okreni se olo, ljeljo, kolo naokolo. De s' pošetaj kralju, poklon barjaktaru ljeljo..."

Pošto ih daruju, one, polazeći drugom dvoru pjevaju:

Od dvora do dvora
Do careva stola,
Di car vino pije,
Car caricu budi
U oko je ljubi:
Ustaj car-carice,
Čuju se kraljice,
Otvoraj sanduke,
Pa vadi jabuke,
Te daruj kraljice:
Kralja i kraljicu,
Bana i banicu,
Sva četir pivača
I dva rastavljača
Što kolo rastavlja;
I sve kolo redom
Kolo naokolo.

Pri susretu s drugim kraljicama, jedne drugima pjevaju:

Vi male žabice,
Za vas nis' kraljice,
Već su za vas ljulje,

Da se ljuljuškate
I sise sisate.

Ili:

Vi matore dzore,
Vi nam se klanjajte
Il nam krune dajte!
Il ćemo se biti,
Pa će krvi biti,
Krv do kolina,
Meso do pojasa.

Kraljičke pjesme, zbog jednolike melodije kojom se pjevaju, uvijek su u šesterцу sa nastalom stankom (cezurom). Kod kraljičkog pjevanja on se ponavlja s pripjevom "ljeljo". U samom šesterцу kao vrsta potpripjeva koriste se riječi "nane" i "majka". U svari, one služe za nadoknadu nedostatka broja slogova. U stihovima se nerijetko koristi prvi padež (nominativ) umjesto vokativa. Npr.: "Gospodin-plebanoš" umjesto "Gospodin-plebanošu".

Budući da su kraljičke pjesme izličito lirske pjesme, one obiluju mnoštvo pjesničkih figura, kao što su anafore, epifore, slavenska antiteza.

Kraljičke pjesme spadaju među najljepše pjesme što Bunjevci imaju. U njima se najčešće opjeva djevojka sirotanka ili jedinica; momak jedinak, đak ili "katana" i njihove zgode i nezgode. Od običnih lirskih izjava gradacija osjećanja u njima ide preko vragolastog ašikovanja, pa sve do proklinjanja, sumornih jadanja i tragične smrti. Po tome bi se i mogle svrstati dijelom u romanse, a drugim u balade. U mnogima od njih osjeća se trag davnine. U njima se opijevaju vile "koje kolo vode", "tunja od sto liti i devet vrhova", "burundžuk", "grožđe i platno", "ruže i jabuke koje rastu u carevoj bašči", "duša koja se hvata u bili keceljac, u zeleni vinac". Koliko li je samo lijepih riječi koje su pošle već u zaborav: razi'od (razilaženje), žumberati (žuboriti), žalovito itd.

I pored sijaset vrijednosti i književnih kvaliteta, kraljičke pjesme, na žalost, imaju i onog lošeg, unakazavajućeg što remeti čistoću lijepog bunjevačkog izraza. Evo nekolicina: fela, pelcovati, peglati itd.

I sa sadržajne-emocijske strane u obradi u domećima ima i takvih prozaičnih kazivanja koja unakazuju često puta i lijepu pjesmu. Primjera radi evo jedne lijepo započete pjesme o vili i Ivi koja do polovine glasi:

Oj više višanja, više nego granja!
Savi, savi grane na sve četir strane,
Kuda vile 'ode, divno kolo vode,
I međ njima Ive sve dvi i dvi ljubi,

dok druga polovina, svakako iz modernog vremena, kviri prvu ovakvim dometkom:

I u njemu Jela vikom podvikiva:
"A što je to, Ive, sve dvi i dvi ljubiš,
A mene ne ljubiš. Dosta sam ti dala
Tri marame jaja, da ne spavam sama."
"A ja opet sama! Ja ću opet dati
Dvoja troja jaja, da ne spavam sama."

No, i pored "kukolja", u kraljičkim pjesmama ipak preovlađuje sklad i umjetnički izraz bunjevački. Slikovitost također svjedoči o stvaralačkoj snazi Bunjevaca. Tako ima neobično lijepih, uspjelih pjesama u svojoj vrsti, vrlo finih opisa i stihova koji su raskošni po ljepoti.

Neobično je dominantan i skladno korišten dijalog izražen distihom kada se "natpijeva" momak i divojka, nana i divojka... Kao npr.:

"Oj divojko lipa, ti mog sinka sušiš..."
"Ja ga to ne sušim, od mene ne vene –
Od ruže rumene, od trave zelene:
On se to sam suši, na me gledajući."

U svim kraljičkim pjesmama rijetko ima komičnih elemenata. Pravih šaljivih pjesama ima vrlo malo. Evo jedne:

Kad zec Boga moli, lisica ga dvori,
Na lisici perce, na kurjaku zvonice.

O maštovitosti i profinjenom ukusu umjetničkog izraza govore i ovi stihovi, no, dokazujući ovim putem to da je kraljička pisma mnogostrano sposobna da izrazi preduboku tugu:

Tuge, moje tuge!...
 Da su moje tuge,
 Kao tuge druge!
 Ali moje tuge
 Jesu jako teške:
 Kad bi samo male
 Na kamen padale
 Kamen bi razbile
 Na makovo sime.

Čitajući i slušajući kraljičke pjesme, čitalac mora osjetiti da je ovaj žanr narodnih umotvorina naših predaka obilan i bogat izražajem i spada među bisere naše manjinske, bunjevačke narodne književnosti. Kao takav, zaslužan je da se upozna, čuva, širi i sačuva mladim pokoljenjima, kako ga ne bi pokrio prah zaborava.

1. Poruka

Gospodin-plebanoš, ustaj, pa pošetaj
 Iz cele u celu, u bašču pod ružu.
 Kud gospodin hodi, za njim cviće rodi.
 Svakojake fele: modre i zelene,
 Žute i crvene.
 Ruža se razvila, u kalež savila,
 Na oltar nošena, misa govorena.

2. Jedinica Mara

Oj više višanja, više nego granja!
 Savi, savi grane na sve četiri strane,
 Tamo vile nane, divno kolo vode
 I u kolu Mara jedinica nane.
 Divno kolo vodi i pismu izvodi.

3. Divojka, nana i dragi

Zaspala je Marga pod ružom zelenom,
 Pod đulom rumenom. Budila je nana:
 Ustaj, ustaj Margo, puna su ti nidra
 Te zelene ruže, te đule rumene!
 Al ne sluša Marga na nanine riči
 Ondud ide Pajo pa Margi bisidi:
 Ustaj, ustaj, Margo, puna su ti nidra,
 Te zelene ruže, te đule rumene!
 Tad ustala Marga kao užezena,
 Pa istrše Marga ruže iz nidara.

4. Vezak vezla Mara

Vezak vezla Mara po debeloj svili,
 Na zelenom đerđepu, srebrnom iglicom,
 Zlaćanim pamučkom. Njoj dolazi Ive,
 Svilu poderao, đerđep polomio,
 Iglu izgubio, zlato pomrsio.
 Karala je majka i dva i tri dana.
 Al bisidi Mara: Ne karaj me majko.
 Sestra mi Grkinja, svilu ć' pokloniti,
 Brat mi kujundžija, đerđep će šaliti;
 Đerđep će šaliti, iglu pokloniti,
 Zlato odmršiti.

5. Lovac Ante

Lov lovio Ante litni dan do podne:
 Ništa ne ulovi. Tad u gori Ante
 Klekne Boga moli da lovak ulovi,
 Ako nije zeku, bar Lizu divojku.

6. Đaće samouče

Evo naših đaka na izbor junaka,
 I međ njima nane, đaće samouče.
 Đaće samouče sam knjigu nauči.
 Iz knjige mu kažu, da lulu ne puši;

Iz knjige mu kažu, da sablju ne paše,
 Da konja ne jaše, da curu ne ljubi.
 Iz knjige mu kažu da majke ne cvili.
 Al' on lulu puši, al' on sablju paše,
 Al' on konja jaše, al' on curu ljubi
 Pa on majke cvili.

7. Divojka i momak

Sidila je Kata liti pod narandžom,
 Pod popovom bašćom, sva je raščupana.
 Al naide Pere, uzo srebrn češalj,
 Triput zagladio, triput poljubio.

8. Divojačka cina

Stipinoga konja žicom pripinjali;
 Žica se prikine, Stipin konj pobigne,
 U Vitino žito, žito razovito.
 Skupo cini Vita: sve krst po desetak,
 A snop po šesdeset, a vlat po žut dukat.
 To niko ne plaća, već to Stipe plaća,
 Sve krst po desetak, a snop po šesdeset,
 A vlat po žut dukat, zbog Vite divojke.

9. Jedinkova majka

Jedinkova majka na drum kolo vodi,
 Sve divojke fali, a najlipšu kudi:
 Oj divojko lipa, ti mog sinka sušiš!
 Al bisidi majci najlipša divojka:
 Jedinkova majko, ja ga to ne sušim;
 Od mene ne vene, od ruže rumene,
 Od trave zelene.
 On se to sam suši, na me gledajući!

10. Sitna kiša pada

Sitna kiša pada u Marinu baštu,
 Di je lipa Mara bilo lice prala,

Tamo j lipu Maru zabolila glava.
 "Zovite joj, nane, fratra od oltara!"
 Al bisidi Mara: "Ne zovite, nane
 Fratra od oltare, već zovite, nane,
 Đuru gospodara.
 Nek triput poljubi, pa će glava proći!"

11. Divojkina poruka momku
 Plela, plela Mara tri zelena vinca.
 Prvoga je Mara sebi ostavila;
 Drugoga je Mara bratu poklonila,
 Trećega je Mara niz Dunav pustila,
 Pa govori Mara: "Plivaj, plivaj vince,
 Moj zeleni vince, do Vranjine nane:
 Ti upitaj vince, oće l ženit Vranju?
 Ako će ga ženit, nek ne prosi, nane,
 Mlade udovice,
 Već nek prosi, nane, mlade divojčice.
 Udovici, nane, magla prid očima,
 A divojki, nane sjajna misečina."

12. Ište Stipe Maru
 Ište Stipe Maru, pa bisidi Stipe:
 "Pođi za me, Maro, u mene je, Maro,
 Dvore na stubove, ide na krugove;
 I u dvoru, Maro, Devet paunova.
 To su tvoji, Maro, devet diverova;
 I u dvoru, Maro, devet jetrvica;
 I u dvoru, Maro, guče golubica.
 To je moja majka, tvoja svekrvica."

13. Loptala se Roza
 Loptala se Roza zlaćanom jabukom.
 Bacili je momci gori pod oblake.
 Al besidi Roza gori, oblacima;
 "Oj oblaci, đaci, po Bogu braćaci,

Vratite mi moju zlaćanu jabuku.
 Došli su mi gosti, gosti od radosti:
 Svekar i svekrva, diver i jetrva
 I mog Ive momci."

14. Bolesnica Teza

Jedinica Teza navik bolesnica,
 Navike joj glava na jasuku spava.
 Vodila je nana do devet vračara:
 Prvi vračar vrača i pogaču ruča:
 "Umriće vam Teza!"
 Drugi vračar vrača i pogaču ruča:
 "Ozdraviće Teza!"
 Treći vračar vrača i pogaču ruča:
 "Živiće vam Teza i odhranit će vas,
 Sinovom kašikom i sa svojom rukom,
 Zelenom jabukom."

15. Stipe i vila

Razboli se Kata, pa zaželi Kata
 Burundžuka grožđa, iz careva, nane,
 Nova vinograda.
 Što je carić, nane, rukom posadio,
 I srebrnom, nane, žicom povezao,
 I zlaćanom, nane, lecom ogradio.
 Al to čuo Stipe, pa on jaše, nane,
 Konja šarenoga, pa on leti, nane,
 Priko polja ravna, kao zvizda, nane,
 Priko neba sjajna, pa uzbere, Kati
 Burundžuka grožđa, iz careva, nane,
 Nova vinograda, pa on biži, nane,
 Priko polja ravna.
 Kao zvizda, nane, priko neba sjajna
 Pa uzbere Kati burundžuka grožđa,
 Iz careva, nane, nova vinograda,
 Pa on biži, nane priko polja ravna.

Al besidi, nane, beogradska vila,
 Beogradska vila, vila zagorkinja:
 "Mol se Bogu, Stipe, što si pritrčao
 Priko polja ravna: ja bih tebi, Stipe
 Odšalila šalu!"

16. Plakala je Ana

Plakala je Ana na crkveni vrati.
 Tišio je Grgo: "Ne plač, ne plač, Ane,
 Dosta ćeš plakati, dok ja na boj pođem,
 Pa kući ne dođem, pa kući ne dođem.
 Ti ćeš pitat, Ane, čovika putnika:
 Jeste li vidili, moga gospodara?"
 "Nismo ga vidili, već smo za njeg čuli,
 Da je poginio, glavu izgubio:
 Rusa mi se kosa po trnju povlači,
 Šarac mu se konju po ogradi kreće,
 Zobi zobit neće, bez svog gospodara,
 Piti vode neće.
 Bez svoje gospoje: kad gospodar dođe
 Zobi zobit oće, kad gospoja dođe piti vode oće."

17. Odlazak momka u katane

Sinoć kasno knjiga iz Budima stigla
 Dulićevom Ivi: "Kupi, kupi, Ive,
 Momke u katane: di jedan u nane
 Ne vodi od nane,
 A di su dvojica, braću ne rastavljaj,
 A di su trojica otud po jednoga,
 Di su četvorica otud po dvojicu."
 Rano rani Ive u nedilju ranu,
 Prije mise rane, prije blagoslova.
 Baš kad su junaci na blagoslov pošli,
 Kupi, kupi Ive momke u katane.
 Kad su očli mladi pod budimske ravne
 Al besidi Ive: "Okrente se braćo

Našem bilom dvoru, kako nam je braćo
 Dvore potamnilo!
 Sad se naše majke u crno uvile,
 Sada naše sele venu kao jele,
 Sada naše ljube venu kao ruže,
 Sad naša dičica sinja kukavica,
 Nit po svitu smidu, niti krušca jidu,
 Nit vodice piju, da krušac zaliju!"

18. Ranko katana

Opravljala majka u katane Ranka:
 Bilu svilu, majko, konju do kopita,
 Zlatnu uzdu, majko, konju do kolina,
 Sitan biser, majko, konju u pol grive.
 Kad ga opravila, tripot poljubila,
 Da je ko brojao bilo bi sto puti.
 Pita majka Ranka: "Oćeš znati, Ranko
 Konja nazobiti, oćeš znati, Ranko
 Konja napojiti? Oćeš znati, Ranko
 Konja osedlati? Oćeš znati, Ranko
 Sablju pripasati? Oćeš znati, Ranko
 U pušku pucati?"
 Al beside Ranko: "Sve ću znati, majko,
 Samo jedno neću: u pušku pucati,
 El će puška puknit, pa tvog Ranka ubit."
 Ali ode Ranko pod budimske ravne.
 Kad je stigo Ranko prid careve dvore,
 Istrčale, nane budimske divojke,
 Pa beside, nano, budimske divojke:
 Gle onog junaka, kako ga je majka
 Prigoriti znala: caru pokloniti?"
 Sve carice majko, izišle pa glede...
 Svi katani, majko, u red postajaše,
 U Ranka trevljaše, ni jedan ga, majko,
 Utrevio nije: Al izašo, nane Miloš Kapetanoš,
 Tako ga je, majko, lako udario,

Odma ga je, majko, zemljom sastavio.
 Mrtva glava, majko, jezik progovara:
 "Srce mi vadite, u papir mećite,
 Pa majci šaljite.
 Nek i majka znade, da Ranka nestade,
 Nek i sele znadu, da brata nemaju."

19. Tri katane

Šetala se majko, tri cuga katana
 Ispod vinograda, velikoga hlada –
 I međ njima Stipe, Stipe podvikiva:
 "Jao, sunce žarko, da me vidiš majko,
 Kako sam ti, majko tanak u pojasu,
 Kao jablan, majko, od godine dana."
 I međ njima Ive, Ive podvikiva:
 "Jao, sunce žarko, da me vidiš, majko,
 Kako mi je, majko, uvenilo tilo,
 Vene tilo, majko, ko u jesen sino."
 I međ njima Albe, Albe podvikiva:
 "Jao, sunce žarko, da me vidiš majko,
 Kako mi je, majko uvenilo lice,
 Baš ko zemlja, majko, kad je kiše žedna."

20. Oklada za divojku

Kladila se, nane, dva mlada junaka.
 Tome kaže, nane, da j' njegova Kata,
 Pere kaže, nane, njegova j' divojka.
 Al besidi Kata: "Neć'mo tako, momci,
 Već ovako, momci:
 Ja ću se popeti, jablanu na granu,
 Pa ć' zamahat, momci, svilenom maramom:
 Koji prije dođe – toga je divojka
 Koji posli dođe – toga je marama."
 Tome prije dođe, njegova j' divojka;
 Pere posli dođe – njegova j' marama.
 Idi kući, Tome – kući pivajući,

Ide kući Pere – kući plakajući.

21. Sirotica Mara

Sirotica Mara nigdi nikog nema,
 Ni sele, ni brata, samo jednu strinu
 I jos jednu ujnu.
 Strina zastriniva, ujna zaujniva:
 Kad joj kruva daju – kamena joj dadu;
 Kad joj kosu pletu – guštera upletu;
 Kad na vodu šalju – ka vragu je šalju.
 Nigde nikog nema, ni sele, ni brata –
 Samo jednu strinu i još jednu ujnu.

22. Prosi Bela Maru

Prosi Bela Maru i isprosio je,
 Al' se nana srdi i po dvoru šeta.
 Al' besidi Bela:
 "Il' vam nisu, nane, ugodni svatovi,
 Il' vam nije, nane ugodna divojka?"
 "Ta meni su, rano, ugodni svatovi,
 Već mi nije, rano, ugodna divojka."
 Al' to nana misli, da niko ne čuje,
 Al' to čula, nane, sirota divojka:
 "Ako sam ja, nane, sirota divojka,
 Zato j' meni nana založila dara:
 Svekru – babi, nane, srebrnu stolicu?
 Diverima, nane, šujtaš bile svile;
 Jetrvama, nane, crne marceline,
 A vama je, nane, tunju od sto listi –
 Od devet vrhova, od deset krajova."
 Da li je izrasla? da li j' procvatala?
 Da li j' sazrijala?
 Izrasla je, nane, u carevoj bašči;
 Procvatala, nane, caru na ormaru;
 Sazrijala, nane, carici u ruci.

23. Kletva pokuđene divojke

Dva pri brigu, nane, gorom pribigoše.

To ne bilo, nane, ta dva briga mlada,

Već to bilo, nane, momak i divojka?

To je junak, nane, Taj Petrešev Pajo,

A divojka, nane, Jagićeva Mara.

Sumori se Pajo, razboli se Mara.

Al' besidi Pajo: "Što si mi se, Mare,

Tužna razbolila?"

"Nisam ti se, Pajo, tužna razbolila,

Već te kušam, Pajo, jesam li ti draga?"

"Ti si meni, Mare, dosad draga bila,

Sad te kude, Mare troji kudioci:

Prvi vele, Mare, sanjiva divojka;

Drugi vele, Mare, da si uda roda;

Treći vele, Mare, da si ljuta guja."

"Ko govori, Pajo, sanjiva divojka –

Taj ne im'o, Pajo, u bolesti sanku;

Ko govori, Pajo, da sam uda roda –

Uda mu se roda u rod urodila;

Ko govori, Pajo, da sam ljuta guja –

Ljuta mu se guja oko srca vila

I na srcu, Pajo, gnizdo načinila.

Liti litovala – zimi zimovala –

Na proliće, Pajo, izvela mladiće,

Te mladiće, Pajo, šarene zmijiće!

24. Kletva udate divojke

Dvi su druge, nane, virno drugovale,

U jednoj se vodi, nane, umivale.

Tu su vodu, nane, pod bor salivale.

Kad je boru, nane, voda dodijala,

Ispod bora, nane, kogod progovara:

"Idi vidi druge

Ili vi dvi druge virne rastavljajte

Il' menekar mladog otud izbavljajte!"

Žavo bilo j' nani bora zelenoga,
 Već rastavlja nana te dvi virne druge:
 Janju uda, nana, di izlazi sunce,
 Tezu uda nana, di zalazi sunce.
 Jedna drugu, nane, po suncu pozdravlja:
 "Je l' je tebi, Tezo, slično i obično?"
 "Sve je meni, Janje, slično i obično,
 Samo jedno nije: Kad zaište, drugo,
 Svekar vode 'ladne, u mom dvoru, Janje,
 Kapi vode nema."
 Svekar ogovara, a svekrva kara,
 A zaova kaže: "Udrite je, babo!"
 Mladan diver kaže: "Nemojte je, babo,
 Velike su kante, tankovite ruke,
 Sitnog Teza 'oda, a daleko voda."
 Uzme kante Teza, pa vode donese:
 "Na, pij, svekre-babo, živ se ne napio! -
 A svekrva draga lipsala od žeđi!
 A zauva draga nikad s' ne udala
 Dice ne imala!
 I kad ga imala, na vojsku ga dala,
 Iz vojske čekala, mrtva dočekala!
 Mladan diver dragi, srićno s' oženio!
 S njim se veselili i veseli bili
 Veliko i malo, i mlado i staro,
 I snašicu Tezu u svatove zvali."

25. Divojka neće za nedragog
 Zaspala je Kata gori, na čardaku.
 Kraj nje sidi majka, bile dare slaže:
 "Spavaj, spavaj, Kato, moje dite drago!
 Kome te je, Kato obećao babo -
 Obeć'o te, Kato, Stipićevo Josi."
 Al' besidi Kata: "Kad vidite, nane,
 Josine svatove,
 Iznes'te me, nane, prid dvor na sunašce,

Pokrite me, nane, bilim burundžukom,
 Podviknite, nane, tanko glasovito:

«Umrta mi Kata!»

Kad je doš'o Joso s njegovi svatovi,

Ali ide Joso u zelenu goru,

Pa privrće Joso drvlje i kamenje,

Pa on traži, nane, zmiju šarovitu.

Pa on meće, nane, Kati oko vrata –

Ne bi l' mu se Kata mlada nasmijala.

A on meće, nane, uglja-vatre žive

Kati na srdašce –

Ne bi l' mu se Kata mlada odgrijala.

A on meće, nane, tu junačku ruku

Kati u nidarce –

Ne bi l' mu se Kata mlada nasmijala,

Ali ide Joso kući plakajući,

Ali ide Kata kući pivajući.

Pita majka Katu:

"Koja l' ti je, Kate, veća muka bila?"

"Kad pitate, majko, pravo ću vam kazat:

Kad metnio, nane, zmiju šarovitu,

Mislila sam, nane, da je niz dukata;

Kad metnio, nane, uglja-vatre žive,

Malo sam se, mako, mlada zagrijala,

Al' prokleta, nane, ta junačka ruka –

Mal se nisam, nane, na nju nasmijala."

26. Smrt boljanog Ivše

Razboli se Ivša i zaželi, nane,

Da mu Manda dođe. Al' besidi Ivša:

"Gradi, gradi, nane, u avliji bašču,

Pa nasadi, nane, cvića svakojaka

Žutog tulipana, bilog lilijana:

Ne bi l' došla, nane, Manda mi divojka."

Sve su cure, nane, redom dolazile,

Cvićem se kitile.

Ne dolazi, nane, ta Manda divojka.

Al' besidi Ivša:

"Kopaj, kopaj, nane, bunar pod pendžerom,

Sve se cure, nane, redom dolaziti

I vodu nositi.

Ne bi l' došla, nane, ta Manda divojka."

Sve su cure, nane, redom dolazile

I vode nosile –

Ne dolazi, nane, ta Manda divojka.

Al' besidi Ivša:

"U subotu, nane, kolo sakupite,

Sve će cure, nane, u kolu igrati,

Ne bi l' došla, nane, ta Manda divojka."

Kad je bilo, nane, sunce na za'odu,

I kolu je, nane bilo rasi'odu

Al' izišo Ivša pod pendžer na gredu,

Pa s' obazre Ivša na četiri strane:

"Ondud idu, nane, Mandini svatovi, –

Ne vidi se Mandi toga bilog lica

Ispod toga, nane, zelenoga vinca;

Ne vidi se Mandi ti plavi' očica,

Ispod tije', nane, dugi' trepavica!"

To Ivša izusti, pa dušicu pusti.

Pritrčala Manda, dušu pridržala

U bili keceljac, u zeleni vinac.

27. Marin grih

Pogadjala Mara devet kamenara,

Da pogubi Mara Josu gospodara.

Kad ga pogubila, ona s' razbolila.

Lipo j' pita nana:

"Oćeš isti, Mare, medeni kolača?"

"Nije meni, nane do vaših kolača,

Već je meni, nane, do mojih nevolja,

Što sam pogubila, koga sam volila."

28. Zavada sestre i brata

Majka Katu viče priko polja ravna:

"Je l' si, je l' si, Kato, ubilila dare?"

Još ja nisam, majko, ni do vode došla:

Gledala sam, majko, di se brat i sela

Strašno omrziše;

Da j' za čega, majko, ne bi ni žalila,

Već za jednu, majko, tananu košulju.

Sela j' ište, majko u dar da ponese,

Al' bratac joj ne da. Al' besidi sela:

"Neću te se, brate, skoro zaželiti,

Dok crnom gavranu ne pobili perje,

Dok ne rodi, brate, javor jabukama,

Ne zapiva, brate, riba u Dunavu!"

Nije prošlo, majko, ni nedilju dana,

Al' se sela, majko, brata zaželila.

Ona ide, majko, tom crnom gavranu:

"Je l' je tebi, gavro, pobililo perje?"

Nije njemu, majko, pobililo perje,

Već što je starije sve to garavije.

Ona ide, majko, u goru zelenu.

Kiti, kiti sela, javor jabukama:

Vitar dune, majko, a jabuke spanu.

Ona ide, majko, ribi i Dunavu.

Pa besidi sela: "Zapivaj mi, moja

Ribo u Dunavu!"

Riba zine, majko, voda je zaliје.

Osta sela, majko, bez brata rođena.

29. Suze materine

U petak se, nane, đaće razbolilo,

U subotu, nane, bolom болоvalo,

U nedilju, nane, đaće umiralo.

Ne htela ga majka u groblje mećati,

Već u bašču, nane, pod žutu narandžu.

Svako jutro majka na groblje hodila:

"Je l' ti teška, sine, ta crna zemljica?
Je l' ti teška, sine, zelena travica?"
"Nij' mi teška, nane, ta crna zemljica,
Nij' mi teška, nane, zelena travica,
Već su teške, nane, suze materine."

P.S. Pri završetku svoga rada smatram da je obavezno istaći zasluge naših kaćmarskih majki, pokojne starice Petrone Petreš i Đule Išpanović (Kestić). Tokom svog boravka u Kaćmaru njihovoj memoriji i pamćenju, njihovoj urođenoj ljubavi prema narodnom, umnom blagu mogu zahvaliti da ove dragocjenosti naše baštine Bunjevaca nisu nestale bestraga i iščezle u nepovrat.

Trebam navesti još i to, da je običaj o Dovima, vođenje Kraljica u Kaćmaru obnovljen i već deset godina kako djevojčice, učenici obilaze bunjevačke domove u nastojanju da očuvaju bisere bunjevačke narodne kulture.

ГЛАСЕЖ И РАЗВОЙ НА Ъ

Благой Шклифов

(България, София 11–34, ж.к. "Младост-1", бл. 73, вх. 9, ап. 52)

В българската езиковедска наука досега не е водена дискусия за уточняване гласежа на ъ. В "Граматика на българския език" (София, 1964, 86) Ст. Стоянов констатира: "В старобългарския език е имало широк преден гласен звук, отбелязван с кирилската буква ъ (ятъ) и с глаголическата А. Този звук е наподобявал изговора на й+а (йа), което се потвърждава от факта, че в глаголическата азбука съществува една буква А за означаване на звуковете, отбелязвани с кирилските букви ъ и я. [...] Смята се [...] в науката, че произношението на ъ като [ê, ä] до XI век е било общобългарско, макар че някои факти се противопоставят на такова допускане". Съмненията на Ст. Стоянов не са без основание. Като вникнем по-дълбоко, ще установим, че глаголическата графема А е лигатура, която отговоря на гръцкото буквосъчетание ια в ударено положение (διαβολος), на ια в неударено положение (διαβολη), но би могло да съответствува и на ιᾱ (δημοκρατίᾱ), тъй като в старобългарски не се отбелязва нито ударение, нито интонационна дължина. Следователно глаголическата лигатура А би могла да има две звукови стойности: йá и йа. Лигатурата ъ сигнализира дифтонг от преден ред: и°. Очертанията на ъ се състоят от ъ, пресечен с черта, която наподобява обърната гръцка буква ι. И глаголическата лигатура А, и кирилската следователно сочат и-начало в звукосъчетанието. Това е ключът към разгадаване на тяхната същност. Дори в микродиалекта, въз основа на който е създадена глаголическата азбука, дифтонгoidът ъ (и°) да беше се развил в йá, пак е налице начален и-компонент: и > й, а не предходна мекост. Ако и двете славянски азбуки бяха създадени върху една и съща диалектна основа, нямаше да има разлика в отбелязването на този звук. Разсъжденията на И. Гълъбов, че глаголическата азбука е създадена преди кирилицата, са

приемливи.¹ Развойните процеси не протичат едновременно. По всяка вероятност през IX век в Солунско *и^е* се е развило в *и^а* или *и^а*, явление, което по-късно става характерно и за източните говори.

При разглеждане характера и развоя на *ѣ* (*и^е*), досега неточно отбелязван с *ѣ*, не бива да се предполага предходна мекост, тъй като не става дума за мека съгласна + *ѣ*, а за дифтонгоид с начален *и*-компонент. Днешното формално становище за мекост при съгласните фонemi не може да бъде пренасяно върху състоянието на консонантната система през старобългарския период. Въз основа на състоянието на еквивалентите на *ѣ* в славянските езици и диалекти днес може със сигурност да се констатира, че *ѣ* в езика на старите славяни е бил дифтонгоид *и^е*, състоящ се от преден вокал *и* и *е*-призвук. Тъй като основният компонент, носещ ударение или интонационна дължина е бил *и*, той е бил напрегнат, а вторият компонент е бил само *е*-призвук, наподобяващ задноучленено *ъ*. Поведението на задноучленените съгласни *к*, *г*, *х* пред *ѣ* недвусмислено подсказва, че *ѣ* е предноучленен дифтонг с основен компонент *и*: *чловѣкъ*, *богъ*, *доухъ* (им.п. ед.ч.) – *чловѣцѣ*, *бозѣ*, *доусѣ* (местн.п. ед.ч.). Ако *ѣ* е имал широк характер, щеше да бъде задноучленен, близо до полето на *к*, *г*, *х*, а те не биха се прегласили от най-задни в предни. Така например същите остават непроменени пред задноучленения вокален звук *ьг*: *ржкы*, *ногы*, *грѣхы*.

Тази постановка се потвърждава също така и от сегашните застъпници на дифтонга – в украински *і* (*дід*, *сіно*, *хліб*), наличие на *и*, *ије*, *је* в сърбохърватски, на *í* < *ie* (*víra*, *vím*) в чешки. В лужишките езици е налице дифтонг *іе*. Полските якавски форми и прегласът на *ѣ* в *іе* в руски пак говорят за дифтонгоид с и-начален компонент, който в резултат на премет на ударението се е прегласил в *і*. Пръв А.А. Шахматов обръща внимание на дифтонгоидния характер на *ѣ* като го риконструира в *іе*. Такъв дифтонг

---

¹ И. Гълъбов, Старобългарски език с увод в славянското езикознание. София, 1980, 42–53.

гоид си среща и в архаични руски говори: *л'йес*, *с'йел*, както и *и*.²

Историческият развой на дифтонга *йѣ* (*ѣ*) е добре проследен от Р. Бошкович в "Основы сравнительной грамматики славянских языков" (Москва, 1984, 43–48). Докато концепцията му за развоя на *ѣ* в сърбохърватския и в другите славянски езици е на научна висота, в пассажа посветен на българския и старобългарския, се забелязва липса на причинно-следствен подход при разглеждане на явленияето и неправилно отношение към българската езикова територия.

Застъпниците на *ѣ* в българските диалекти в ударено положение са три: *ѣа* (*'а*), *ѣ*, *е*, факт, който ни дава основание да твърдим, че историческият път на развитие е сложен и е резултат на нееднакво функциониране на учленителната инфраструктура в говорните области и нееднакво въздействие на акомодацията, която от своя страна оказва силно влияние върху нея. Всеки дифтонг има силен и слаб компонент. Иначе би си получило съчетание от две равностойни гласни. Прегласът на задноезичните *к*, *г*, *х* в предни *ц*, *з* (*с*), *с* пред *ѣ* (*ржцѣ*, *нозѣ*, *доусѣ*) изисква преден гласеж на този дифтонг. Този гласеж обаче не може да бъде само *и*, тъй като за този звук е имало отделен буквен знак *и*. Също така се изключва възможността за съществуването на друго предно *е* освен *е*. Ако се съгласим с досегашните твърдения, че *ѣ* е била широка предна гласна³ – т.е. по-широка от *е* (!?), ще са нужни научни доказателства, които да сочат, че *е* е била тясна. Не е възможно гласната

² Н.И. Букатевич, С.А. Савицкая, Л.Я. Усачева, Историческая грамматика русского языка. Киев, 1974, 96–99; К.В. Горшкова, Г.А. Хабургаев, Историческая грамматика русского языка. Москва, 1981, 41–42; Русская диалектология (под редакцией П.С. Кузнецова). Москва, 1973, 255–260.

³ Поместената в труда на Г.А. Хабургаев "Старославянский язык" (Москва, 1974, 88) таблица на гласните в старобългарски език (съставена въз основа на особености в артикулацията) не отговаря на реалното фонетично състояние. Не могат да функционират три предноучленени гласни *е* (*е*, *ь*, *а*). Гласните *ь* и *а* са задноучленени с наличие и отсъствие на носовост, дифтонгът *ѣ* – предноучленен, *ы* задно, а не средно, *ѣ* е била ниска лабиална, задна, а не средна гласна.

да е широка, наподобяваща *а* и същевременно да е предноучленена. Задноучленена широка гласна *е* е съществувала в старобългарски език. Състоянието в нашите диалекти и в сърбохърватския език подсказва, че *ъ* в така наречената силна позиция е била широко *е* (задноучленено). Иначе не би се прегласило в задна гласна при това в ударено положение: *ден, дън, дан*. Гласната *а*, която е била задноучленена, също е имала по-широк характер от *е* (предноучленено). Гласните *а* и *ъ* са се различавали само по наличие и отсъствие на носов призвук.

Гореизложената постановка изключва възможността *ѣ* да се определя като широка гласна *е*, определение, което само по себе си в никаква степен не уточнява същността на гласежа на *ѣ*. Славянските топоними в гръцките заемки имат субстратен характер. Те отразяват диалектно състояние до еленизирането на българското население, процес, който е протекъл много по-късно от старобългарския период. А така също фонетичният им облик не може да не е бил приспособен към учленителните възможности на приемащия език. В тези топонимии на мястото на *ѣ* се срещат *а*, *а* и *е*, явление познато за българските диалекти.⁴

Промените настъпили при *ѣ* не са явление изолирано в историята на българския език. Останалите силно напрегнати гласни *ж*, *а*, *ъ*, *ь* също така се прегласят, губи се интонационната дължина, възникват различни типове акцентоложки системи, появява се определителна морфема, настъпва разлагане на падежната система. Поради придържане към традицията само отделни са регистрираните случаи на отклонение след твърдите съгласни *ц*, *з* (*з*),⁵ които говорят за следните промени: *ѣ* > *ѣа* > *ѣа* и елизия на *ѣ* след споменатите съгласни (*цало, блаза*), явление, което и днес се среща и в яковски говори: *ца́да, ца́л-ден, блаза́-му* – Сарая, Пазарджишко.

Наличието на две букви, които обозначават вокали с различен гласеж, в двете старобългарски азбуки свидетелствува, че още

⁴ Вж. И. Гълъбов, Избрани трудове по езикознание. София, 1986, 247.

⁵ Вж. К. Мирчев, Историческа граматика на българския език. София, 1963, 107.

през IX век в едни говорни области се запазва стария гласеж на *ѣ* (*йѣ*), а в други е вече налице развоен процес (*А* // *йа*). През по-късен период в цялата българска езикова територия е-компонентът се преглася в *а* (*йа*), променя се структурата на дифтонгоидното *а* чрез премет на ударението върху него и така се образува съчетание *й + а* – слабонапрегнатото *й* и по-предноучленено *а*, явление, характерно и сега за източнобългарските говори и за някои западни (Бобошица). Преглас на неударена гласна *е*, *ие* в *а*, *иа* съществува и днес в някои източни и западни говори, също така и в руски диалекти. Това явление се развива много по-късно от прехода на *йѣ* в *йа*. Това личи и от редуването *ѣ* // *а* (*ѣ* – неударено *е* в по-ниско положение в посока назад) в говора на с. Черешница, Костурско: *рѣдѣн* // *рѣдан*, *стрѣшѣн* // *стрѣшан*, *зѣлѣн* // *зѣлан*, *гѣлѣм* // *гѣлам* и др. В долновардарските говори, които стигат чак до Солун, гласната *е* в следударена позиция се преглася в *а*, пред *и* и *е* в *иа*: *дѣта*, *сѣма*, *мѣра*, *магѣра*, *ѣн пѣѣа*, *ѣн крѣѣа*, *ѣн пѣѣа*. В подбалканските диалекти гласната *ие* дори и *ии* предимно в следударено положение също се преглася в *а* като запазва слабата йотация: *срѣѣдиан*, *дѣѣвиар*, *бѣѣдиан*, *гѣѣдиан*, *шариан*, *кѣриан*, *Сѣѣвиан*, *чѣриан*, *мѣчан*, *прѣѣиан* // *прѣѣиан*, *пѣпиал*, *гн'ѣздо*, *тѣрчан*, *ийѣстиана* и др. (с. Недялско, Ямболско).⁶

Какво е характерно за акомодацията *й + а*? Тъй като гласната *а* е подчертано широка – най-задна и най-ниска, а *й* се учленява при тесен проход между средната част на езика и палатума, те взаимно се приспособяват. Гласният звук *а* измества по-напред учленителното си поле (по-предноучлененото *а* по международната славистична транскрипция се отбелязва с точка отдолу [*ạ*]). Досегашната практика в българската диалектология с точка под широките гласни в неударено положение да се отбелязва така наречената полуредукция е излишно, тъй като неудареното

⁶ Транскрипцията, която се ползува тук, не отразява досегашните виждания за мекостта при съгласните в българския език. По въпроса вж. Б. Симеонов, Към въпроса за броя на фонемите и техния състав в съвременния български език. Сб. Съвременна България, том 5. 1984, 49–56.

положение на широките гласни само по себе си изразява това състояние. Проходът при учленението на *й* се разширява и езикът само със страните си едва докосва горните кътници. По този начин се получава слабонапрегната съгласна *й* (*и*), която има придихателен характер. Тази констатация е в пълно съзвучие с изложеното в "Граматиката на съвременния български книжовен език" (София, 1982, 130–131) за поведението на *а* след шушкави съгласни и след т.н. мека съгласна. Но се твърди неправилно, че "гласната [а] след мека съгласна получава в началната фаза на звученето си е-призвук, който обаче не създава слухово впечатление за дифтонгоидност: *бял* [б·ал], *място* [м·áсто], *сянка* [с·ánка], *хиляда* [хил·áда], *поляна* [пол·ána], *седя* [сед·á]. Началният призвук може да бъде с *й*-окраска. Той се получава най-вече, когато изговорът на цялата дума е по-наблегнат, та по този начин се подчертава *и*-елементът в звученето на гласната [а]. Именно в тези случаи се създава слухово впечатление за дифтонгоидност, т.е. не за свързване на мека съгласна с гласна [а], а за свързване на твърда съгласна с [й] и гласна [а]: *б^тал*, *д^тал*, *с^танка*, *л^татна*, *сн^так*" (с. 131).

1. Е-призвук няма, а има сближаване на учленителната зона с тази на *й* и по този начин учленението на *а* се доближава до това на *й*, което е близко до учленителното поле на *е*. 2. Когато говорът е по-наблегнат не *и*-елементът се подчертава в звученето на гласната *а*, а съгласната *й* се произнася напрегнато и гласната *а* без да променя учленителното си място. При такова звукосъчетание челюстният ъгъл е значително по-широк. По този начин якат носителите на западните говори на книжовна норма. Това явление е характерно и за руския език при съчетание на съгласна с *й* + гласна. Постановката на Б. Симеонов важи и за руския език. 3. Алвеолната съгласна *н* пред *и* + *а* се превръща в палатална и не може да се отбелязва дори условно с *й*, а със знак за мекост – *н'*. Сонорната *л*, която по място на учленение е алвеодентална, не може да се съчетава с *й*, тъй като при такава позиция тя автоматически се превръща в алвеолна, т.е. в *л*. Мека съгласна *л* (*л'*) в българския книжовен език няма, тя се среща само в диалектите в крайна позиция или пред съгласна: *сól'* – *сól'та*.

Прегласът на ъ в $\text{й}^a > \text{и}^a$ в миналото е бил характерен и за западните говори. В посочената говорна област този процес се е развил по-рано и съответно по-рано е започнала трансформацията му в ѣ и е . Затова свидетелствува българската топонимия в гръцките земи, отбелязването на ъ с Δ в глаголицата, българо-гръцкият речник от XVI век от с. Богацко, Костурско⁷ и сегашните диалектни особености (якане) в солунските села Сухо, Висока, Зарово и Корчанските микродиалекти на Бобошица и Дреновяне.

С течение на времето учленителната инфраструктура дава друго решение на това междинно положение (и^a), като измества фонацията малко по-назад или по-напред и при двете положения настрани от зоната на й . И така и^a се преглася в ѣ (задноучленено е) или в е . Състоянието на българския субстрат в румънски език свидетелствува, че и в заддунавските райони е бил реализиран преглас на и^a в ѣ , звук несвойствен за румънския език, и чрез дифтонгоид ѣ^a в ѣ^a (veas), срв. $\text{сеа} \parallel \text{сѣ}^a$, $\text{деа} \parallel \text{дѣ}^a$ (Долна Преспа). С.Б. Бернштейн в "Разыскания в области болгарской исторической диалектологии" (Москва, 1948, 100) пише: "Контакт коренного славянского населения Валахии с валахами может быть отнесен к XII–XIII вв. Нет никаких данных, которые бы могли привести исследователя к выводу, что до XII в. на территории Валахии были валахи. К XII–XIII вв. относится начало того процесса, который лишь через несколько столетий привел к ассимиляции славянского населения". Следователно това явление е много късно и не може да отразява стар гласеж на ъ , както се твърди в някои пособия.⁸

Сегашното положение на застъпника на ъ в източните говори с редуване на $\text{и}^a \parallel \text{ѣ}$ е междинно. Тенденцията към пълен преглас в е се задържа от книжовната норма. Не случайно предсричка с предна гласна и^a се преглася в ѣ : $\text{би}^a\text{л} - \text{бѣ}^a\text{ли}$. Тук оказва влияние междусричковата акомодация. Сричките, съдържащи предни гласни, издърпват по-напред учленението на и^a и то попада в зоната на фонацията на ѣ . В неударено положение обаче

⁷ Вж. Бл. Шклифов, Костурският говор. София, 1973, 11.

⁸ Вж. К. Мирчев, п.с., 70.

компромисната съгласуваност на мека съгласна + а или на твърда съгласна + и + а се нарушава и съчетанието минава в е: *сн'ѣк* – *снегѣт*, *дриѣн* – *дренѣт*, *биѣл* – *белобрат*, *биѣс* – *бесѣт*. Така също и щушкавите съгласни дърпат учленението на *иѣ* по-напред и то се преглася в *ѣ*.

Историческият развой на ѣ в българския език е сложен, извършил се на няколко етапа. Изясняването на протеклите развойни процеси на ѣ през тези етапи е особено важно за нашето езикознание. Същността на ѣ и А в старобългарския език отново потвърждава значението на този най-стар славянски писмен език като основна достоверна изходна база за славянското съпоставително езикознание.

ДАЖБОГ, СВАРОГ І ВОГОНЬ-СВАРОЖИЧ: ІЗ ІСТОРІЇ ДАВНЬОРУСЬКОЇ МІФОЛОГІЧНОЇ ЛЕКСИКИ

Микола Іванович Зубов

(Николай Иванович Зубов, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék.

H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. – Одесский госуниверситет, Кафедра общего и славянского языкознания. Украина, 270056 Одесса, Французский бульвар 24/26)

Для характеристики давньоруського язичництва міфологічні назви, винесені у заголовок статті, мають у певному сенсі ключове значення. У сучасній славистиці прийнято вважати, що, як сказано в Іпатіївському літопису, бог на ім'я *Сварог* мав сина на ім'я *Дажбог*. Підсилюється дана генеалогія давньоруською назвою ритуального вогню *сварожич*, у якій прийнято вбачати друге, патронімічне, ім'я Дажбога. Поеднується ця генеалогія солярними уявленнями: Сварог у літопису ототожнюється з Гефестом, тобто небесним вогнем, а Дажбог – з Геліосом, тобто сонцем.

Солярна атрибутика персонажів ще у ХІХ ст. відволікла увагу дослідників від іншої їхньої суттєвої ознаки – покровительства. Тому, як видається, аналіз цієї останньої функції не знайшов належного місця в оцінці літописних свідчень про Сварога і Дажбога.

Проблема пов'язана з давньоболгарським перекладом відомої візантійської хроніки Іоанна Малали, який уключено в давньоруське літописання. Відповідне місце хроніки розповідає, зокрема, про небесних царів-покровителів єгиптян Гефеста та його сина Геліоса: *μετὰ δὲ τελευτῇν Ἡφαιστοῦ ἑβασίλευσεν Αἰγυπτίων ὁ υἱὸς αὐτοῦ Ἠλίου ἡμερὰς* (ЛПС, ХХІІ). У літописній уставці це місце має такий вигляд: по ѿмрзтвиѣ же Оеостовѣ его ж и Сварога наричуть и царствова Егѣптяномъ сзидъ его Солнце именемъ его ж наричуютъ Дажьбог (ПСРЛ, II, 278–279).

Нема сумніву, що викладена хронікою схема родинних стосунків вплинула на давньоруських книжників незалежно від того, якими були реальні язичницькі уявлення дохристиянської

Русі. Тому неодноразово висловлювалась і скептична думка щодо генеалогії Сварог – Дажбог.

Свого часу Д. Шеппінг писав, що хисткість нової, освяченої іменами Срезневського і Соловйова системи генеалогії слов'янських богів очевидна, оскільки сімейні зв'язки можливі лише за умов вільного індивідуального життя богів, до якого ніколи не встигла розвинути слов'янська міфологія (Шеппінг 1889, 11–12).

Енергійно спростовував ідентифікацію Дажбога як Сварожича О. Брюкнер, наполягаючи на тому, що назва *Сварожич* – це зменшувальна форма самого імені *Сварог*, але ні в якому разі не патронім (Brückner 1922, 195; 1924, 28–29).

Останню цілком оригінальну гіпотезу висунув також польський дослідник Л. Мошинський, який, посилаючись на македонського професора П. Ілевського, вважає, що слов'янські книжники не розуміли імені *Гефест* (ΗΦΑΙΣΤΟΣ), а тому із прочитання *ἡ Φαιστός* під впливом давньогрецького *θεός* 'бог' сконструювали з нього ім'я *Θεост* = 'бог'. З іншого боку, стверджує дослідник, для давньоруських книжників слово *сварог* мало невмотивоване апелятивом значення 'язичницький бог'. Тому це слово і було використане як слов'янська паралель до еллінського імені: тобто еллінський бог = слов'янський бог.

Щодо теоніма *Дажбог*, то, на думку Л. Мошинського, його сконструйовано книжниками з язичницької оптативної формули **dadj bogъ*, яка у протигагу новій концептуальній формулі християнства *съпаси Богъ* начебто стала, за оцінкою книжників-християн, символом поганства. Отож, робить висновок дослідник, нічого спільного з реальним язичництвом теоніми *Сварог* і *Дажбог* не мають (Moszyński 1989, 285–291).

Безсумнівно, автор цієї гіпотези має рацію в тому, що християнський книжник доклав своє бачення проблеми. Але в цілому гіпотеза, як видається, має хибкі місця. По-перше, її головні аргументи у тому плані, що слово *сварог* мало значення 'поганський бог' і що формула **dadj bogъ* була протигагом новій формулі *съпаси Богъ*, не спираються на достатньо переконливі докази. Так, існує спеціальне дослідження, яке показує, що форми типу *да(ж)дь*

Господи, даи Бог зберігались у східнослов'янському православ'ї з чіткою диференціацією: перша з них уживана в урочистому стилі, контекстах книжного характеру (Сорокина 1971, 242–249), тобто саме там, звідки її мали б вилучати у першу чергу в разі толкування як язичницького пережитку.

По-друге, слід урахувати, що в язичницькій релігійній номенклатурі русичів фіксується назва ритуального вогню – *сварожич*. Причому такий вогонь виконує важливішу сільськогосподарську функцію: пор. *ѡгнь творить спорзіню сѡшить. і зрѣть того ради и особенно ѡгнь бѣз егда сѡхне жито. тогда спорзіню творить. того ради ѡканнии полѣднѣе утѡуть и кланяются на полѣднѣ ѡбративше* (див. Тихонравов 1862, 89, 97, 101 та ін.).

Не можна залишити поза увагою і запозичене у слов'ян румунське слово *sfarog*, яке позначає 'все перегоріле, обвуглене, спалене, висушене спекою, взагалі всяку суш' (Якобсон 1970, 615; див. також: Иванов и Топоров 1965, 147; Леже 1908, 190).

Таким чином, коли врахувати, що у візантійському протографі хроніки Малали йдеться про небо і сонце, то слов'янська уставка про Сварога має семантичне підґрунтя. Тому варто якомога ретельніше розглянути ті мотиви, які, вірогідно, могли б надихнути давньоруського книжника на те, щоб добрати для своїх ономастичних уставок саме ці імена і саме у такій послідовності – Сварог-отець і Дажбог-син.

Звертає на себе увагу, що ніде ні разу у відомих переліках слов'янських богів не згадується бог Сварог. Натомість назва вогню *сварожич* відома серед таких переліків із різних списків церковних повчань. Але, у свою чергу, ця назва ніколи не співвідноситься із Дажбогом (церковні переліки його також не називають). Взагалі ж аналіз цих переліків спричиняється до цікавих спостережень.

Як уже помічено, міфологічні назви у такому разі розташовані досить строго за рангом: на першому місці стоять чоловічі теоніми, потім жіночі, потому йдуть назви нижчих демонічних істот, а відтак – назви природних об'єктів поклоніння: камені, дерева, джерела, вогонь тощо (Якобсон 1970, 610). Навіть у відхиленнях від такої послідовності спостерігається та ж ієрархіч-

ність. Наприклад, у так званому "Слові св. Григорія..." (див. Гальковский 1913, 22–31) на першому місці названі жіночі божества. Річ у тому, що візантійський протограф цієї пам'ятки належить визначному церковному діячеві Григорію Богослову, який обстоював необхідність святкування Різдва Христового і за часів якого це свято було упроваджене. А протограф, про який ідеться, саме і був спрямований проти поширених елліністичних культів богині-матері і її сина-бога (проти *рода, рожаниці та родопочитанія* в давньоруських термінах цієї пам'ятки). Отже, жіноче природне начало в даному разі стоїть вище чоловічого.

Ще один випадок відхилення від зазначеної закономірності стосується безпосередньо назви *сварожич* і цікавий тим, що показує, як дана назва іноді сприймається книжниками на рівні власної назви. Це видно із співставлення різних списків церковних повчань.

1. і вѣрѹють в Перѹна, і в Хорса, і в Мокошь, і Симѹ, і вѣрѣгла і вѣз вилѣз [...] і мнѹть богѣзінѹми, і покладѣзѣваѹть имѣз терѣбѣз, і кѹрѣз имѣз рѣжѹть, і ѡгнѣвѣ молѹтсѹ, зѹвѣще єго сварожичемѣз (Тихонравов 1862, 89).

2. то соѹть идолослѹжитѣли, иже ставѹть трапѣзѹ рожаницѹмѣз, коровѹи молѹть вилѹмѣз и ѡгнѣви под ѡвином (Тихонравов 1862, 94).

3. [...] но и нѣзінѣ по оѹкраинѹмѣз молѹтсѹ емѹ проклатомѹ богоѹ Перѹнѹ, Хорсѹ, Мокоши, вилѹмѣз. [...] вѣрѹють оѹпирѣмѣз [...] и берѣгенѹмѣз [...] ѹ дрѹзѹи вѣрѹють в Сварожитьца и ѹртемиѹда и ѹртемиѹдию [...] ѹ инии кѣз кладѣземѣз приносѹща молѹтсѹ и в водоѹ меѹють вѣлѣѹхѹ жертѹвѹ приносѹще, ѹ дрѹзѹи подѣз ѡвином и в повѣтѣхѣз скотѣхѣз молѹтсѹ [...] (Гальковский 1913, 33–34).

4. ѹ дрѹзѹи [молѹтьсѹ – М.З.] Перѹнѹ, Хѹрсѹ, вилѹмѣз и Мокоши, оѹпирѣмѣз и берѣгѣзінѹмѣз [...] ѹ инии вѣз Сварожитьца вѣрѹють и вѣз ѹртемиѹдѹ. [...] ѹ дрѹзѹи кѣз кладѣзамѣз приносѹща молѹтсѹ и вѣз водоѹ меѹють Вѣлѣарѹ жертѹвѹ приносѹще. ѹ дрѹзѹи ѡгнѣви и каменію, и рѣкамѣз, и истоѹникамѣз, и берѣгѣзінѹмѣз, и в дрѹва (Тихонравов 1862, 107–108).

Порівняння показує, що назва *сварожич* (огнь, овин) завжди знаходиться серед назв природних об'єктів після назв першорядних і другорядних персонажів. Це свідчить на користь того, що початково назва *сварожич* не співвідносилась у пам'ятках з вищим богом чи демонічною істотою. Але в останніх двох прикладах спостерігається розрив прийнятої послідовності: після нижчих демонічних істот знову називаються антропоморфні божества Сварожич, Артемід, Артеміда, а надалі послідовність відразу закінчується переліком неживих природних об'єктів.

Логіка, судячи з усього, така. Книжники убачають у назві *сварожич* власну назву, але відчують, що її місце не відповідає її ономастичному рангу. І щоби переконливіше підкреслити ономастичність назви, додають до неї еллінське ім'я *Артеміда* і навіть ім'я вигаданого принагідно бога – *Артемід* (стоїть воно, як і слід, перед жіночим іменем).

Ці спостереження допускають, щоб їх екстраполювати на ономастичні уставки у переклад хроніки Малали. Загальні настанови давньоруського книжника зрозумілі: церковні повчання (а укладались вони за візантійськими взірцями), називаючи античних богів, іноді прямо підкреслюють, що "тем же богам требу кладут и творят и славянский язык" (див. Гальковский 1913, 23). А це і є вагомий привід назвати імена слов'янських богів. Далі зрозуміло, що такий книжник вочевидь бачив, що у хроніці йдеться про богів-покровителів єгиптян. Тому на сучасному йому церковно-учительному, літописному та іншому літературному Олімпі і його народних пережитках мав, слід здогадуватися, відшукувати саме таких персонажів у першу чергу.

Один із цих персонажів відомий сучасним дослідникам і із іншого джерела: це Дажбог, по відношенню до якого "Слово о полку Ігоревім" визначає русичів як внуків Дажбога.

Іншим претендентом на "святе місце", за логікою обставин, міг бути вогонь-сварожич (пор. вище *огнь бог*), він же, у новій давньоруській трактовці, Сварожич. Але в такому разі давньоруський автор під кутом зору сучасного йому іменника і під впливом хроніки Малали у формі *Сварожич* неминуче побачив би патронім,

із якого ім'я батька обчислюється автоматично – *Сварог*! Причому вже не мало б приципової ваги, чи зберігався на той час у релігійному вжитку русичів незафіксований пам'ятками апелятив *svarogъ з його невідомим тепер конкретним значенням: однієї форми *сварожич* було б досить для висновку про Сварога-отця. Тим самим проблема потрібної книжнику ономастичної уставки і навіть її ранжування вирішувалась би: Дажбог – покровитель, а його батько – Сварог.

У межах даної гіпотези знаходить своє пояснення, чому ім'я такого вагомого, головного бога (виходячи з літопису) зустрічається у пам'ятках один-єдиний раз: мабуть таки дійсно не було такого бога у русичів напередодні хрещення Русі, його ім'я, як і він сам, сконструйовані книжниками. Але, як видно з іншого боку, книжники могли мати вагомий, з їхнього нав'язаного хронікою Малали погляду, підстави на користь існування цього бога.

Додаткового обговорення потребує проблема вірогідності існування в реальному язичництві бога на ім'я *Дажбог*. Цей теонім двічі засвідчується літописом (окрім перекладу хроніки Малали ще раз у так званому пантеоні Володимира) і, як уже зазначено, "Словом о полку Ігоревім". Ближчий за часом матеріал, яким охоче послуговуються дослідники на користь теоніма *Дажбог* (пор. Топоров 1989, 38–40), мало що дає у цьому відношенні безпосередньо. Так, у двох майже ідентичних варіантах однієї української весільної пісні "з дуже давніх часів" (як сказано у примітці до видання) приводиться така розмова князя (тобто жениха, молодого) з Дажбогом:

Поміж трьома дорогами, рано-рано,
Поміж трьома дорогами, ранесенько,
Там здибався князь з Дажбогом, рано-рано,
Там здибався князь з Дажбогом, ранесенько.

- Ой ти, боже, ти, Дажбоже, рано-рано,
Зверни ж мені з доріженьки, ранесенько (Весільні
пісні 1982, 219).

Але, зазначимо, факт членування на слова з боку збирача фольклору і орфографія цього збирача є фактом інтерпретації тексту. Сам же наведений текст як фонетико-смісловé явище піддається і іншому тлумаченню. Достатньо взяти до уваги фонетичну невиразність збігу приголосних [з'] і [з] у мовному відтинку [кн'аз' з дажб́огм], з одного боку, та припустити смисловий варіант здибався князь да ж з богом і ой ти, боже, ти да ж, боже, з іншого боку, щоби піддати значній критиці позицію тих, хто вбачає у пісні теонім *Дажбог*. Скоріше за все, тут початково виступали підсилювально-експресивні частки *да ж* (еквівалент *та ж*) у типовій для українського мовлення комбінації.

Подібний же випадок нагадування Дажбога маємо ще в одній українській обрядово-весняній пісні:

– Ой ти, соловейку,
 Ти, ранній пташку,
 Ой чого так рано
 Із вир'їчка вийшов?

"Не сам же я вийшов,
 Дажбог мене вислав [...]" (Пісні 1970, 31–32).

Радше, знову ж таки, тут співалось *да ж бог мене вислав* з експресивним паралелізмом до підсилювальної частки *же* у попередньому рядку і у зв'язку з підсилювальними частками *ой* у всьому попередньому тексті.

Ще більше підтримується цей висновок широким східно-слов'янським народно-пісенним матеріалом, у якому рефренів типу *ой дай же, боже* і *ой дай, боже* (з частками підсилювальної експресії) можна знайти буквально розсипом (див. ще Золотослов 1988, 56, 63–65 та ін.). У світлі всіх цих фактів правдивість нагадування Дажбога у піснях постає досить проблематичним питанням.

Інший ряд випадків пов'язаний із різними варіаціями формули **dadj bogъ*, яка продовжувала свою історію цілком незалежно від факту існування теоніма *Дажбог* і подеколи набувала

семантичних модифікацій, здатних переводити її на ономастичний рівень (знову ж таки, незалежно від історії теоніма *Дажбог*). Виразний і досить давній випадок такої семантичної модифікації знаходимо в "Енеїді" І. Котляревського (1968, 106):

Се, що з порожніми сумками
Жили голодні під тинами,
Собак дражнили по дворах;
Се ті, що *біг дасть* получали,
Се ті, яких випроводжали
В потилицю і по плечах.

Як видно, вираз-відповідь жебракам *біг дасть* має цілісне об'єктне значення, причому автор поеми виділяє його як правдивий українізм. Приведений Б. Грінченком такий же вираз *дазь-бі* = *дасть-бі* у значенні 'бог подасть' (Грінченко 1907, 356) доводить, що у першому випадку спостерігається звичайна мовна метонімія: вислів того, у кого просять, стає тим, що одержує той, хто просить. Наступний крок такої метонімії – зворотний: той, хто одержує відповідь, повертає її вже як прізвисько-характеристику на того, хто дає відповідь. Типологічно подібна еволюція таких виразів підтверджується українськими прізвищами на зразок *Колядинемаю*, *Недайколяда* тощо. У першому з них метонімічна оберненість проступається особливо яскраво за рахунок етимологічного збереження дієслова у першій особі однини: так людина відповідала колядникам, так колядники її прозвали.

Це чи не краще пояснює польські топоніми *Дадзибоги*, *Дацьбоги* (терен Білостока), на які указував ще О.М. Афанасьєв у зв'язку з теонімом *Дажбог* (Афанасьєв 1865, 65). Найімовірніше, йдеться про топоніми, утворені або від антропонімів-прізвиस्क, або від колективної експресивно-прізвиськового характеру назви жителів певних сіл (про останнє свідчить граматична множина топонімічних форм). До цього ж ряду прилучаються, очевидно, і антропонім *Dadzbog*, указаний С. Роспондом (1965, 9), а також інші подібні, до яких апелюють у зв'язку з теонімом *Дажбог* (див.

Топоров 1989, 40). Слід зголоситися з думкою Мошинського (Moszyński 1989, 289–290), що ці власні назви існування теоніма *Дажбог* потвердити не можуть.

І все ж типологічно подібні факти показують, що вираз **dadj bogъ* весь час знаходився на такому мовному стрижні, який надзвичайно уможлиблював перехід цього виразу на ономастичний рівень. У сукупності з давньоруськими писемними свідченнями, а також з реконструктивними даними на широкому індоєвропейському фоні (див., наприклад Топоров 1989, 40–42) ці факти скоріше говорять на користь теоніма *Дажбог*, аніж спростовують можливість його існування.

Висвітлена на прикладі давньоруських міфологічних назв *Дажбог*, *Сварог* і *сварожич* проблема верифікації давньоруських християнських свідчень про язичництво русичів є надзвичайно складною для розв'язання. На жаль, після ґрунтовного дослідження Є.М. Анічковим давньоруських пам'яток під подібним кутом зору (Аничков 1914) ця проблема подальшого опрацювання не одержала. У той же час зрозуміло, що некритично сприйняті факти давнини і хибні, але стійкі надалі тлумачення цих фактів у науці минулого сторіччя не наближають до більш об'єктивного знання про давньоруське язичництво і про мовні релікти тієї давнини.

ЛИТЕРАТУРА

- Аничков, Е.Н. 1914, *Язычество и древняя Русь*. Санкт-Петербург.
- Афанасьев, А.Н. 1865, *Поэтические воззрения славян на природу*. Т. 1. Москва.
- Весільні пісні 1982 – *Весільні пісні у двох книгах*. Кн. 2. Волинь, Поділля, Буковина, Прикарпаття, Закарпаття. Київ: Наукова думка.
- Гальковский, Н. 1913, *Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси II: Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе. Записки Московского Императорского археологического института*. Т. 18. Москва.
- Гринченко, Б.Д. 1907, *Словарь украинского языка*. Т. 1. Киев.
- Золотослов 1988, *Поетичний космос Давньої Русі*. Упорядкування, передмова та переклади Михайла Москаленка. Київ: Дніпро.
- Иванов, В.В. – В.Н. Топоров 1965, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*. Москва: Наука.

- Котляревський, І. 1968, *Енеїда*. Київ: Дніпро.
- Леже, Л. 1908, *Славянская мифология*. Воронеж.
- ЛПС – *Летописец Переяславля Суздальского*. Издание К.М. Оболенского. Москва, 1851.
- Пісні 1970 – *Пісні з Волині*. Упорядк. текстів та прим. О.Ф. Ошуркевича. Київ: Дніпро.
- ПСРЛ – *Полное собрание русских летописей*. Т. 2. Ипатьевская летопись. Москва: Наука, 1962.
- Роспонд, С. 1965, Структура и стратификация древневосточнославянских антропонимов. *ВЯ* № 3, 3–21.
- Сорокина, В.К. 1971, К истории императива нетематических глаголов *дати* и *ѣсти*. В кн.: *Проблемы истории и диалектологии славянских языков*. Москва: Наука, 242–249.
- Тихонравов, Н.С. 1862, *Летописи русской литературы и древности*. Т. 4. Москва.
- Топоров, В.Н. 1989, Об иранском элементе в русской духовной культуре. В кн.: *Славянский и балканский фольклор*. Москва: Наука, 23–60.
- Шеппинг, Д.О. 1882, *Наши письменные источники о языческих богах русской мифологии*. Воронеж.
- Якобсон, Р.О. 1970, Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии. В кн.: *VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Август 1964 г. Москва*. Т. 5. Москва: Наука, 608–619.
- Brückner, A. 1922, Osteuropäische Götternamen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung* 50: 161–197.
- Brückner, A. 1924, *Mitologia polska*. Warszawa.
- Moszyński, L. 1989, Daz(ь) bogъ – rzekomy prasłowiański teonim. *Slavia orientalis* XXXVIII, № 3–4, 285–291.

GRAFIJA I JEZIK U PISMIMA SRPSKIH GRAĐANA U JUŽNOJ UGARSKOJ U DRUGOJ POLOVINI XIX VEKA

Josip Buljovčić

(Jugoslavija, 24000 Subotica, ul. Alberta Einsteina 8.)

1. Privatna pisma članova porodice Magarašević – koja se čuvaju u Muzeju "Ferenc Mora" u Segedinu¹ – zahvalan su materijal za filološku analizu jer se u njima reflektuje način pisanja obrazovanih Srba u periodu posle izvršene jezičke i pravopisne reforme Vuka Karadžića. Analizirana su četiri pisma: dva je napisao otac porodice Leontije Magarašević; jedno je uputio kćeri Kristini, a drugo sinu Pavlu. Po jedno pismo napisali su stariji sin Julijan (majci Jeleni) i mlađi sin Pavle (sestri Kristini).

2. Leontije Magarašević (1806–1879)² završio je prava i bogosloviju, bio je propovednik Save Tekelije u Aradu, a od 1850. do 1879. paroh u Tisa Sent Miklošu (Tizsászentmiklós, danas Ostojićevo), gde je bio veoma cenjen kao jedan od najobrazovanijih sveštenika koji je službovao u tom mestu (Veselinović 1970, 104).

Julijan Magarašević, stariji sin Leontijev (1844–1865), školovao se u Baji i Kežmarku, odakle je otišao u Galiciju da kao dobrovoljac učestvuje u borbama za oslobođenje Poljske; bio je sudski pripravnik u Segedinu (v. o tome Andrić 1901).

Pavle Magarašević (1858–1937) bio je opštinski beležnik a njegova sestra Kristina (1851–1946), udata za Kalmana Seleša, pravnika, živela je u Segedinu. Njoj su upućena dva od postojeća četiri pisma.

3. Iako je korpus analiziranih tekstova po obimu skroman, zanimljiv je prvenstveno po tome što se u njemu ogledaju tri različita odnosa prema

---

¹ Tekst pisama Leontija, Julijana i Pavla Magaraševića, kao i dragocene informacije o njihovim autorima, dao nam je dr István Tot, naučni saradnik Muzeja "Ferenc Mora" u Segedinu, te mu se ovom prilikom srdačno zahvaljujemo.

² Podaci su navedeni prema tekstu na spomen-ploči postavljenoj crkvi u Ostojićevu i monografiji Ostojićeva (Veselinović 1970).

savremenoj azbuci nema, odnosno na način označavanja pojedinih fonema i sekvenci fonema.

5. **Vokal a** se beleži istim znakom kao i danas, a glasovna grupa *ja* se, u skladu s tradicionalnim pravopisom, označava ligaturom *ѣ* (primere v. u t. 9. i 11).

6. **Vokal e** se obeležava sa tri znaka: *е*, *є* i *ѣ*, od kojih je *е* najčešće i piše se bez ograničenja, a *є* vrlo retko, sa vrednošću sekvence *je*: *є* (3. l. jedn. prez.) i *єсть*.

Grafemom *ѣ* označava se vokal *e* jedino u primeru *цѣлон*, dok se i ostalim slučajevima javlja *e* umesto etimološkog *ѣ*: *свету*, *леп*. (O drugim funkcijama ovog slova v. t. 12.)

7. **Vokal и** L. Magarašević piše na tri načina: *и*, *і*, *ы*. – Prvi znak ima najširu upotrebu te nema potrebe navoditi primere, *i* se javlja u vlastitom imenu *Тінка* i u zamišljenim i glagolskim oblicima *моіои* i *ніе*, a *ы* u primerima *ты*, *вы*, *выше*, *быти*, *были*, ali se ne upotrebljava dosledno pa nalazimo i ovakve primere: *бити*, *чтоби*.

8. **Vokal o** se beleži grafemom *о*, a samo u jednom slučaju je upotrebljeno slovo *ω* (sa značenjem uzvika): *ω како*. Znak *ѿ* nalazimo takode jedanput: *ѿ Мажора*.

9. **Vokal y** je obeležavan slovima *y* i *γ*. U inicijalnom položaju se piše *y* – bilo da je u pitanju predlog (napisan odvojeno ili sastavljeno sa narednom rečju): *y*, *уком*, *увеликим*, ili kakva druga reč, npr. *узрок*.

U medijalnom i finalnom položaju javlja se isključivo *γ*: *кγһи*, *тγги*, *дργго*, *бγде*; *сγетγ*, *тγ*, *подмажγ*, *послаһγ*.

10. **Sonant j** se obeležava slovima *й*, *і* i *и*, a glasovne grupe u kojima je prvi glas *j*, a drugi vokal *a*, *y* ili *e* beleže se ligaturama *ѣ* (*ja*), *ю* (*ju*), odnosno slovima *е*, *є* i *ѣ* (za *je*).

Slovo *й* nalazimo u finalnom položaju: *нѣой*, *овой*, *твой*, *владай*, *подай*, dok se u ostalim pozicijama sonant *j* beleži sa *и*: *воиник*, *немоими*, ali u primeru *моіои* *и* je upotrebljeno i na kraju reči. Valja istaći da se slovo *й* često upotrebljava i za označavanje kratkih vokala, a naročito se često tako piše veznik *и*: *й то*, *й како*.

Grafema *i* upotrebljena je dva puta: u intervokalnom položaju ispred vokala *о* – *моіои*, kao i ispred *е* – *ніе* (samo u P₁).

Za pisanje sekvenci *ja* i *ju* u inicijalnom položaju služe ligature *ѣ*

i ю: *я, ясам, ючесам*. Ligatura *ю* upotrebljena je i u grupi vokal + *ју*: *даю, порцію*.

U inicijalnom položaju vrednost sekvence *је* ima znak *є* (v. t. 6). U intervokalnom položaju, ako iza *ј* u sekvenci sledi vokal prednjeg reda (*е, и*), glas *ј* se ne beleži: *ухлѣблѣние, ние, твое, коимѣш*.

L. Magarašević je u jednom slučaju upotrebio i slovo *ј* – u primeru: ѣ *Мајора* (prezime).

11. Glasove *ћ, ѣ* Magarašević u svim rečima gde se javljaju obeležava istim slovom – *ћ*: *гдићеш, живићеш, опетће, хоће, чимћу, люблѣћи, кѣћи, срећан*.

Znak *ћ* ima vrednost glasa *ћ* u dva primera: *наћоше* (3. l. množ. aor.) u *P₁* i *наће* (3. l. jed. prez.) u *P₂*.

12. Sonanti *љ, њ* obeležavaju se na različite načine jer L. Magarašević za ove glasove nema posebne grafeme.

Ispred vokala *а* i у glasovi *љ* i *њ* se pišu kao *л* i *н*, a palatalnost se označava pisanjem *я* i *ю* iza njih: *ігнят, шиляти, любезний, люблѣи, любезна, люблѣи*.

Grupe *ље* i *ње* obeležavaju se digramima *лѣ* i *нѣ* te *ѣ* služi za označavanje palatalnosti prethodnog sonanta: *неделѣ, пошалѣм, при-млѣн, шилѣмти, владанѣ*.

Zanimljivo je da je isti glagolski oblik u završnoj rečenici jednog i drugog pisma napisan jednom sa *е*, a drugi put sa *ѣ*: *люблѣи* (*P₁*) i *люблѣи* (*P₂*), što svedoči o nestabilnosti upotrebe ovog slova, čija glasovna vrednost i pravila za njegovu upotrebu ni obrazovanim spisateljima nisu bila jasna (v. Kašić 1968, 14–16).

Samo u jednom slučaju glas *њ* je označen sa *нѣ*: *нѣой*. (Ovaj primer ni u rukopisu nije najjasniji jer se čini kao da je autor prvobitno napisao znak *њ*, a potom ga prepravio dodavanjam *ѣ*, a ne *ѣ*, kako bi se, prema tradicionalnom načinu pisanja, očekivalo.)

Nema primera u kojima bi glasovi *л* i *н* imali vrednost palatalnih *љ* i *њ* ispred vokala prednjeg reda.

13. Jerovi se javljaju samo u *P₂* u primeru *нѣой* (v. t. 12) i u obliku pomoćnog glagola *есть*, što je u skladu s pravopisnom tradicijom. Nema primera u kojima bi bio upotrebljen znak *ѣ* na kraju reči.

14. Vokalno *ѣ* se piše bez posebnog znaka za označavanje vokalnos-

ti: *срдити, срце*.

15. Glasovne promene koje su se vršile u jeziku uglavnom se ne reflektuju u pravopisu pisama P₁ i P₂.

Jednačenje suglasnika po zvučnosti se ogleda u primeru *ОПШТИНА*. Suglasnička grupa *чт* se češće piše na tradicionalan način (npr. *чтоте*), ali su nađena i dva primera sa *шт*: *етоштаћемо, штаси*.

B. Pismo J. Magaraševića

16. Azbuka kojom se služi Julijan Magarašević, za razliku od Vukove, nema slova *j, љ, њ, џ*, a sadrži slova *i, ъ, ы, ѣ, ю, я*, kojih u Vuka nema.

17. Vokal *e* se obeležava slovom *e* i kada je u pitanju etimološko *e*, a i slučajevima u kojima bi po tradiciji trebalo pisati *ѣ*, dok se za označavanje sekvence *je* ne upotrebljava (v.t. 6): *вече, памети, тешко; месецъ, лебацъ, увек, овдесу*.

Znak *ѣ* upotrebljen je samo u primeru *послѣднѣгъ* (javlja se dva puta), ali se ne može sa sigurnošću tvrditi da ima vrednost glasa *e*. Moguće je da, kao i u narednom slogu (*нѣ*), ima funkciju da označi i palatalnost prethodnog sonanta *л*, a ne glasovnu sekvencu *je*. Na to upućuje i primer *нѣиовоме*, u kojem je *ѣ* upotrebljeno kao ortografski znak za obeležavanje palatalnosti prethodnog sonanta.

18. Vokal *и* beleži se slovoma *и* i *ѣ*, dok *i* i *ы*, koji se takode upotrebljavaju, imaju drugu funkciju (v. t. 19 i 21). Primere za pisanje slova *и* nema portebe navoditi, ali valja napomenuti da se znak *ѣ* javlja samo u dva primera: *чѣиръ* i *чакшѣрама* i može imati vrednost kratkog vokala *и*, mada se kratkoća vokala u drugim slučajevima ne beleži, što pokazuje i primer *чакшире*. Ovaj znak nema vrednost glasa *j* ni u jednom slučaju.

19. Sonant *j* se obeležava slovima *i* i *и*, a sekvence glasova u kojima je prvi glas *j* a drugi *y* – ligaturom *ю*.

Grafema *i* ima široku upotrebu i nalazimo je u različitim pozicijama ispred vokala *a, e, i o*: *ia, iасамъ, госпоia; ie, iедно, двоie, iести, коie, каснie, оставноie; ioштъ*.

Sekvenca *ju* obeležava se ligaturom *ю*, koja se javlja u inicijalnom

полоžaju u primeru *у ютру*, te u grupi vokal + *ју*: *гледаю, куваю*.

U intervokalnom položaju, ako iza *j* u sekvenci dolazi *и*, glas *i* se ne piše: *шнаидер, кои, коиѐ, коимиѐ*.

Za pisanje sonanta *j* kada ne stoji ispred vokala upotrebljen je znak *и*: *наипре*.

Postoje i dva sporna primera za koja se ne može sa sigurnošću tvrditi da je u njima upotrebljeno *я*: *добиямо* i *поздравлямъ*. (Razlog za nesigurnost je nedovoljno čitak rukopis i nekarakterističan oblik spornog slova).

20. Za glasove *ћ* i *ѣ* J. Magarašević upotrebljava samo ova dva znaka, ali ih ne razlikuje uvek. Većina primera je pravilno napisana: *куће, биће* (3. l. jedn. fut.) *ваћала, даћевамъ, оћете, самоће* (3. l. jedn. fut.); *ѣак, хрѣаво*.

Jedino je u primeru *доћемъ* umesto *ѣ* napisano *ћ*.

21. Sonanti *љ* i *њ* pišu se na više načina i nedosledno jer ne postoje posebni znaci za njihovo obeležavanje.

Za pisanje sekvence *ља* u već spomenutom spornom primeru (v. t. 19) *поздравлямъ* upotrebljeno je slovo *я* kojim se označava palatalnost prethodnog sonanta.

Funkciju označavanja palatalnosti u sekvenci *љу* ima *ю*: *любѣѣи*. Sekvence *ље* i *ње* obeležavaju se sa *лѣ* i *нѣ* u primeru *послѣднѣгъ*.

Palatalnost sonanata *л* i *н* obeležava se i slovom *ѣ* u primerima: *нѣиовоме, нѣиовогъ*. Ovde je *ѣ* upotrebljeno u funkciji znaka *ь*.

Za označavanje palatalnosti glasova *л* i *н* upotrebljen je i znak *ы*, takođe u funkciji *ь*, što samo pokazuje da autor pisma nema osećaja za glasovnu vrednost znaka *ы* jer ga ne piše nigde gde mu je po etimologiji mesto već samo u primerima: *алыине, кныиге, пошлыите*.

22. Od jerova se upotrebljava samo jedan znak – *ъ*, kojim se ne obeležava glasovna vrednost već se redovno piše na kraju reči: *отацъ, синъ, лебацъ, здравъ, насъ, осамъ, нисамъ, садъ, кодъ*.

23. Vokalno *р* se piše bez posebnog označavanja vokalnosti: *строта* (< *strahota*), *крпио, раздрле, издртим*.

24. Rezultati asimilacije suglasnika se ne ogledaju u pismu J. Magaraševića. On ostaje privržen tradicionalnom načinu pisanja, što potvrđuju primeri: *Србскогъ, изпратим, одкудъ*.

C. Pismo P. Magaraševića

25. Pavle Magarašević je, za razliku od svog oca i starijeg brata, u potpunosti usvojio vukovicu. U njegovom pismu se nalaze sva slova Vukove azbuke (izuzev znaka *и* – jer reči sa tim glasom nema u tekstu pisma).

Pavlovo pismo sestri (P_4) napisano je iste godine kada je i otac pisao njemu (P_1), međutim, između ovog pisma i Julijanovog (P_3) vremenska razlika iznosi punih 17 godina, što je od izuzetnog značaja za odnos prema Vukovoj reformi, koja je u međuvremenu postala opšteprihvaćena.

26. U kratkom pismu P. Magaraševića nema materijala koji bi bio relevantan s pravopisnog stanovišta. Na osnovu primera *обширније* da se zaključiti da nije usvojio Vukov fonološki pravopisni princip.

Fonetske osobine pisama

27. Kako se u pogledu fonetskih (i morfoloških) osobina pisma trojice korespondenata znatnije ne razlikuju među sobom – jer su bazirana na vojvođanskim govorima – u analizi se mogu tretirati kao celina. Navešćemo najkarakterističnije slučajeve odstupanja od književnojezičke norme u kojima se ogleda vojvođanski dijalekatski uticaj (v. o tome Ivić 1985, 68–82).

28. Kad je reč o zameni jata, odstupanja od norme se ogledaju u pojavi ikavizama u infinitivnoj osnovi glagola VII vrste (prema Beličevoj poeli): *видићемо, живити, живићеш* u prilogu *гдићеш* i prefiksu *прѣ-*: *прида*. – Nađen je jedan primer u kojem mesto prefiksa *при-* dolazi *пре-*: *преправити* (novac).

Zabeležen je i jedan slučaj ijekavskog refleksa jata: *овијех* (P_4).

29. Vokalska grupa *ao* se redovito sažima (u P_1 i P_2) i daje *o*: *дошо, казо, осто, имо, посло, узмого*. – U P_3 je kontrakcija izvršena u slučajevima: *дошо, иско, мого, моро*, a u primerima: *имаосамъ, имао* (dva puta) grupa *ao* je ostala neizmenjena.

Posle gubljenja *x* došlo je do kontrakcije *ao* > *o* u primeru *строта*.

Zabeležen je jedan primer kontrakcije grupe *eo*: *доно*.

U P_4 nema oblika u kojima bi moglo doći do kontrakcije, kao što ni

u jednom od pisama nema oblika sa vokalskom grupom *yo*.

30. Redukcija vokala *e* registrovana je u obliku 2. l. množ. prezenta: *моште* (P₃), pored oblika *неможете* u istoj rečenici.

31. Konsonant *x* se najčešće gubi u svim položajima: *альине* (P₃), *лебаць* (P₃), *оћете* (P₃), *тео* (P₃); *њиовогъ* (P₃), *нѣиовоме* (P₃), *одма* (P₃), *небиму* (P₃), ali nalazimo i oblike sa sačuvanim *x* u inicijalnom i finalnom položaju: *хоће* (P₂), *их* (P₁), *овијех* (P₄).

U primeru *куваю x* je supstituirano sa *в*. Grupa *хв* v prelazi u *в*: *ваћала* ili u *ф*: *фала* (P₃). Sekundarno *x* se nalazi u primeru *хрђаво* (P₃).

32. Depalatalizaciju velara *г* i *к* imamo u dva primera: *туги* (P₂) i *апатеки* (P₃).

33. Rezultat podnovljenog jotovanja ogleda se u analoški dobivenom obliku trpnog prideva *пушћен* (P₃). – Analogijom su dobiveni i oblici *пропушћимъ* (P₄) i *ваћала* (P₃).

34. Metateza suglasnika izvršena je u jednom slučaju: zamenica *ко* javlja se u obliku s inicijalnim *т* – *тко* (P₂) (prema starijem *къто*).

Morfološke osobine pisama

35. U promeni imenica – ako se izuzmu primeri depalatalizacije (v. t. 32) – nema odstupanja u odnosu na standardni jezik.

Nastavak *-ом* u obliku *свѣцомъ* (P₃) rezultat je disimilacije vokala. Neobična je upotreba ovog oblika u sintagmi *по свѣцомъ i свакиданомъ* (v. t. 44).

36. Lična zamenica za 2. l. u primeru *пет подай Путићу а три тебе* (P₁) ima stariji nastavak, uz noviji – *теби* u istom pismu.

Pored češćeg nastavka *-ма* u D-I-L množine lične zamenice za 2. l. zabeležen je jednom i oblik *вами* (dativ), koji je čest i kod starijih pisaca, a potvrđen je i u vojvođanskih govorima (v. Jerković 1972, 139).

37. Dijalekatski nastavak *-им* zamišljeno-pridevske deklinacije javlja se samo u lok. jedn.: *у великим свѣту* (P₁).

38. Kod glagola VII vrste nađen je jedan oblik analoški prenesenog nastavka *-у* u primeru *чудусе* (P₃), što je karakteristična osobina vojvođanskih govora.

39. Prilog vremena sadašnjeg (registrovana su tri primera) glasi kao i u savremenom jeziku u jednom slučaju – *любѣћи* (P_3), dok su oblici *люблећи* (P_1) i *люблѣћи* (P_2) obrazovani prema formama trpnog prideva.

40. Pored formi obrazovanih od glagola *slati*: *пошалѣм* (P_2), *посло* (P_2), *послати* (P_3) nalazimo i oblike od glagola *šiljati*: *шиляти* (P_1), *шилѣмти* (P_2), *пошлынте* (P_3).

41. Od priloških reči se kao dijalektizam izdvaja prilog *zdravo* koji nalazimo u primerima: *здро̀во іе хрѣ̀аво* i *здро̀во ску̀пе*.

Neke osobine sintakse

42. Jedna od značajnih razlika u odnosu na savremeni književni jezik tiče se reda reči, prvenstveno mesta atributa uz imenicu, i razmeštaja enklitika.

Pored uobičajenog poretka "atribut–imenica", nalazimo i primere u kojima atribut (prisvojna zamenica) stoji iza imenice koju određuje: *све родове наше* (P_1), *сестре твое* (P_1), *писмо твое* (P_2).

Enklitike se često ne nalaze iza prve reči u rečenici ili iza prve akcenatske celine, što potvrđuju primeri *били пак нема њх* (P_1); *да у ютру самоће іедну кифлу добити* (P_3); *кодъ насъ строта великаіе зима* (P_3); *іедно осамъ дана имаосамъ грозницу* (P_3).

Morfema *se* takode može stajati i iza glagola: *на све стране троши ее* (P_1).

Jedna od karakterističnih osobina jezika pisama (osobito P_1 i P_2), zajednička i piscima onoga vremena, jeste stavljanje glagolskih oblika na kraj rečenice: *сневеселиломе мало чтоте за способног воинника наѣшоше* (P_1); *чим љу овог кукавца у Беч оправити* (P_2); *немоите се вы намене срдити* (P_2); *зато самъ моро іедне чакшире купити* (P_3); *шнаидеру коимие алыине крпио* (P_3). Ova crta se objašnjava delovanjem literarne tradicije, ali je moguć i uticaj drugih jezika (v. o tome Mladenović 1964, 136; Kašić 1968, 109).

44. Za iskazivanje vremenskih odredaba upotrebljena je – umesto instrumentala bez predloga – neobična konstrukcija *po* + instrumental: *по свецомъ и свакиданомъ* (P_3), što predstavlja projekciju mesnih odnosa

(koji se izriču lokativom) u sferu temporalnog instrumentala.

45. Predlog *чрез* u konstrukciji *чрез телеграма* (P_2) upotrebljen je u značenju koje bi se u savremenom jeziku iskazalo predlozima *preko* ili *потоу* s genitivom.

46. Posebno je karakterističan oblik futura II u primeru: *я и опет кажем будем узмого преправити послаћу* (P_2). Umesto ovakvog oblika očekivali bismo ili prezent složen s prefiksom *уз-* (*uzmognem*) ili oblik futura II s glagolom bez prefiksa *уз-* (*budem mogao*).

Osobine leksike

47. U leksici triju korespondenata nalazimo znatan broj slovenizama, germanizama i relativno malo vojvođanskih dijalektizama.

Od slovenizama koje su upotrebljavali vojvođanski pisi prošloga veka beležimo ove primere: *воспит* (P_1), *любезний* (P_1), *почитаіема* (P_3), *прилѣжност* (P_1), *ухлѣблѣние* (P_1), *чрез* (P_2), *чтоби* (P_1).

Znatan je broj pozajmljenica iz nemačkog jezika: *фруштукь* (P_3), *на косту* (P_3), *солдачка* (P_3), *шнаидер* (P_3), *урлауб* (P_4).

Iz latinskog i talijanskog jezika potiču reči: *порцию* (P_2) i *профунта* (P_3).

Od dijalektizama je registrovan prilog *здраво* (P_3).

Zaključak

48. Tri autora čija smo pisma analizirali reprezentuju tri različite faze u procesu napuštanja stare ortografije i prihvatanja nove.

Leontije Magarašević je najstariji i po svom odnosu prema ortografiji najkonzervativniji, najverniji ruskoslovenskoj tradiciji u kojoj je vaspitavan, što se prvenstveno ogleda u grafiji kojom se služi. Njegov jezički izraz za literarnu tradiciju vezuje i mesto atributa iza imenice, zatim stavljanje glagola na kraj rečenice i česta upotreba slovenizama (sve navedene rusko-slovenske reči, izuzev jedne, uzete su iz njegovih pisama).

Pisma Julijana Magaraševića pružaju najviše potvrda o dilemama i

nesigurnosti njihova autora kad je u pitanju grafija.

Po doslednoj upotrebi znaka *ъ* on je najtradicionalniji, ali valja istaći da je njegovo pismo napisano sedamnaest godina pre ostala tri i da se u to vreme knjige još štampaju starim pravopisom. – Za beležnje glasova *љ* i *њ* ne nalazi valjana rešenja, ne oseća vrednost znaka *ь* i upotrebljava ga umesto *ъ*. U morfologiji dominiraju crte karakteristične za vojvođanske govore. U sintaksi se mestimično oseća uticaj mađarskog jezika (npr. u rečenici: [...] *госпоиѧ му казала да ако у једанаистъ сати леба ѧде, да у ютру самоѧе ѧдну кифлу добити*).

Pismo je pisano kolokvijalnim stilom, germanizmi su česti, a slavizmi se javljaju samo u ustaljenim frazama (npr. *почитаѧема мати*).

Julijanovo pismo odslikava ortografska i jezička previranja u razdoblju kada je nastalo i zanimljivo je kao prelazna etapa između stare i nove ortografske prakse.

Pavle Magašević je najmlađi i najradikalniji od trojice korespondenata. U potputnosti je prihvatio Vukovu reformu jezika i pravopisa (izuzimajući asimilaciju suglasnika po zvučnosti).

Pisma sva tri autora temelje se na jeziku kojim se govorilo u njihovom zavičaju – vojvođanskom poddijalektu.

LITERATURA

- Albin, A. 1968, Prilog proučavanju jezika Save Tekelije. *Prilozi proučavanju jezika*, IV. Novi Sad, 1–21.
- Andrić, M. 1901, *Slike iz moga albuma*. Temišvar: Južno-ugarska štamparija Tome D. Čirovića.
- Ivić, P. 1985, *Dijalektologija*. Novi Sad: Matica srpska.
- Jerković, J. 1972, *Jezik Jakova Ignjatovića*. Novi Sad: Matica srpska.
- Kašić, J. 1968, *Jezik Milovana Vidakovića*. Novi Sad: Matica srpska.
- Mladenović, A. 1964, *O narodnom jeziku Jovana Rajića*. Novi Sad: Matica srpska.
- Mladenović, A. 1989, *Slavenosrpski jezik*. Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada.
- Veselinović, R. 1970, *Monografija Ostojićeva*. Novi Sad: Matica srpska.

Милени Тавре!

Примио сам како бововуреба тако и да бовене
 „мо, и еребесурсоме мадо римоу са ситосод,
 „ноу бовнуке патоме, ситоматхемо нукид
 „никемо, но оуеите сити дофо са исе, оуби,
 „теу збесиким севид, згитику бовиуи одвем
 „коу севид притиуи, акитом дофо бованте
 „и згитомоси, згиде да титхем, и тид мот
 „оуи згити сити долиуи згитоме, но
 „бигитоме и тид. Датио самтиу каро негу,
 „ниу мотхем сити притоме так беве тид,
 „мак.

Да сам доу бововуреба 100ф даиуе каро
 „доу и тидам но елжора згитиу, нелиу
 „доу доу но само сити, тидиу севиде тиде рек,
 „доу ние доу доу тидматхем тид нелиу севид, ег
 „ниу бовнуке а и 100ф збесиким бововуреба тиди
 „доуи, ситиу так нелиу ил, так онда одкид
 „да итанд повне? Каг на севиде тидиу итанди

се

Ambera Minko!

Пречам течно твое пристоу з'ком ишам
за слава, сачам з'рес п'еахр'ама нова
ишо, и он е' коху и'р'оре нег'е' коху гоу
з'кореће об'е е'ш'иу б'у'г'е'н'е. -

закораче обаче едни изгубени. —
 Зоро имаше да ги постави во врата, но
 какоси им да го поведе, само каде и што, а
 другите коти немаат вие и дојде и то оди.
 Дојде и да ги постави да ги постави имаше
 и ако дојде да постави, онда коти овој кт.
 Како зборот отпави, оди и нема да ги
 да, коти тоа и тоа и тоа тресе за овој
 тоа зрачност а саз коти тоа податно да го од
 "коти и како коти тоа саз немаат коти да
 ме со коти. — а тоа зрак теми тоа тоа
 етано — иети иети сазет патиро.

Вид убогой толпы людей преследующий ища-
щий, и все топочущий немолчком вь паче же
сродниться как гусе Каймага без урока убо-
гой берет мечет джоган. — та и огили кажет
вдотом джогану прейравиний асслати за сад
не можно.

Chenopodium var. *Chenopodium boumboetha*
 Lemn. in bou

Leont. ue bou

Ocean
(7/11/17)

Мудра Сестро!

Ја војника сам на слободу на,
 јер и муштенам као мисао
 у Магу крвљу на 2 месеца на
 умиру, а нити ја до 10-14 саревос-
 но омиру, да време не проиу.
 Њим дајо ва сутра јавен мот-
 девицу на Јене Команди' одо
 умирува у мучку.

Обице дајојути маво обми-
 нје мави, омирујети сви
 здрави и на миру које вама оми
 и до вае с јуна руду.

у М. С. М. 14/10 878. искрен брoди
 јубој

Павла Магарашевића

СЕМАНТИКА ИМЕНИ В ДРЕВНИХ ТЕКСТАХ: ЕЩЕ РАЗ О ЗАГАДОЧНЫХ УЛИЧАХ

Владимир Николаевич Шапошников

(Россия, Ивановская обл., 155600 Шуя, ул. Кооперативная 24)

Истинная сущность слова далеко не всегда обретается на поверхности письменного памятника и порою трудна для подлинного и полного прочтения. Существует вероятность того, что попытки проникнуть в тайны древних знаков могут непроизвольно подменяться их приведением к той или иной научной концепции. Поэтому задачей изучения (и известной гарантией от исследовательских смещений) должно быть следование логике самого слова: не изолированное рассмотрение, но его анализ как объективной принадлежности структуры текста, не статично, но в подвижной сфере непосредственного функционирования. Последовательно и всесторонне прослеживая объективную логику бытования имени в композиции памятника, можно надеяться на углубление и уточнение имеющихся знаний, на нахождение дополнительных критериев их оценки.

Этнонимы являются древнейшими носителями уникальной лингвокультурной информации. Поскольку (в отличие от обозначаемых этносов) это знаки языка, то для многих древних имен единственная реальность бытия – письменные тексты, из коротких, собственно, они и известны. Очевидна самостоятельная ценность лингвистики текста, анализа структуры письменного памятника и этнического знака как ее элемента, сравнения этнонима в разных списках и редакциях. Это подход к этнокультурному явлению "со стороны слова", в отличие от (но и "наряду с") нелингвистических дисциплин, изучающих его предметно-материальный план/этническую ситуацию, касающихся этнических знаков со стороны их объектов.

В сложных и многосоставных произведениях, каковыми являются летописи, семантика этнического имени не всегда

остаётся неизменной – об этом могут свидетельствовать его структурно-семантические связи в развертывающейся хронологии контекстов. История функционирования отражает смену языковых и культурных ориентиров, мировоззрений и политических тенденций. Важно учесть все употребления знаков, рассматривая их в текстах и тщательно сопоставляя реализуемые взаимосвязи.

Согласно летописному представлению имя, которое принято презентировать формой *уличи*, занимало в славянском мире особое положение. Ученые всегда отмечали загадочность этого племени и немногочисленность имеющихся сведений о нем. Согласно краткому определению последнего времени, это "восточнославянское племя, часть которого в конце IX – начале X века переселилось из Поднепровья под натиском кочевников в Нижнее Поднестровье (Агеева 1990, 45). Этот вывод интерпретируют разные дисциплины; но например, на базе археологических разысканий он не является единственной результирующей (ср.: Федоров 1960, 69, 186 и д.). Отметим, что если археологи и склоняются к этому мнению, то не только на основе собственного материала, но и на основании некоторых сообщений письменных памятников, см. ниже. Информацию материальных памятников резюмировал В.В. Седов (1982, 132): "Данных слишком мало, чтобы очертить ареал улличей... Пока очертить территорию улличей по археологическим данным нельзя".

Мнения ученых об улличах, начиная с прошлого века, расходились по ряду вопросов. Различны географические трактовки загадочного племени: мнения колебались между Поднестровьем (Н.П. Барсов) и Поднепровьем (А.А. Шахматов). Нет и полного хронологического единства: в отличие от цитированного, высказывались мнения о более позднем перемещении улличей, в середине X века (Хабургаев 1979, 153). Наконец, исследователи опираются на разные формы этнонима, зафиксированные текстами: *уличи*, но *улучи*, *угличи*, однако и ими не исчерпывается коллекция текстовых форм.

Спорен вопрос о происхождении этнонима, свидетельством чему разнородный этимологический багаж; различия сводятся не только к конкретным несовпадениям версий, но затрагивают самое

качество этимологических решений. Ранняя этимология приводила данное имя к общему географическому понятию, выражавшемуся у славян термином *лука* – за последним мыслился не только изгиб берега, но и территория у изгиба моря или реки (Барсов 1885, 97). Данное уточнение в какой-то мере снимает противодействие того обстоятельства, что понятие "залив" летопись передает греческим словом *лимень* и лишь позже прибегает к слову *лука* (Трубачев 1961, 188, со ссылкой на С.М. Середонина).

Эта этимология была поддержана Б.А. Рыбаковым, который пытался ее усилить, объяснив расхождение между *ж-лжка* и *у-улучи* поздним характером летописной преобразованной формы этн. *улучи*, которая, по мысли ученого, со временем могла превратиться даже в *уличи*. Но следует принять то обстоятельство, что слово *лука* осваивается на несколько более позднем летописном этапе; текстовых сближений рассматриваемого этнонима с данным географическим термином не обнаружено. Кроме того, принятие приставочной структуры накладывало бы хронологические ограничения: приставочное словообразование является относительно поздним способом (в летописном корпусе только одна сходная единица *поморяне* – признаваемая позднейшей (Лециевич 1988); к тому же последняя вряд ли образована непосредственно с помощью приставки, но более вероятно с помощью суффикса от готового географического названия).

Другая этимология приводит славянский этноним также к географическому, но иному понятию – "угол". В. Кипарский (Kiparsky 1958, 263), разумея под данным именем славянское племя в древней Бессарабии, связывал его со ср.-греч. *ὄγγλος*, слав. *qglъ, османс. *Budžak*. Попутно, в современном топониме *Углич* хельсинский ученый видел *Qgъльсь как обозначение колена Волги.

В дальнейшем эту этимологию капитально преобразовал О.Н. Трубачев. Он обосновал не только этимологическое значение, но и иное реально-семантическое наполнение этнонима, связав понятие угла не с морем, но с взаиморасположением рек (Трубачев 1961, 186–190). Исследователь отметил на юге схождение Днестра и Буга, но наряду с тем поставил "вопрос о связи уличей с другим

Углом – на Днепре", что "еще задолго до перехода к Черному морю уличи уже жили в местности Угол". Это обстоятельство по мнению О.Н. Трубачева "позволяет окончательно усомниться в точности названия Угол от изгиба, залива Черного моря". Данная этимология включает не только одну ф. *угличи*, но также и ф. *уличи*. О.Н. Трубачев объясняет последнюю тюрко-славянской интерпретацией.

При интерпретации иноязычных контактов возникли и мнения, сводящие этн. *уличи* к неславянскому самоназванию, "иранскому или угорскому, но вероятнее всего тюркскому" (Хабургаев 1979, 53–54). Конкретизированное выражение эта тенденция получила, например, в построениях Б.В. Кобылянского, однако он приходит к другой форме этнонима (из *улус*; оценку данной гипотезы, а также этимологии О.Н. Трубачева, см.: Худаш 1981, 53–54).

Последняя современная этимология отправляется от другого – словообразовательного критерия, для этого избирается ф. *уличи*. Суффикс *-ич-* истолковывается в ином – патронимическом ключе: производящая основа выбирается не из апеллятивной лексики, а из ономастики; этн. *уличи* возводится к собств. имени *Уль* как возможному сокращению составного славянского антропонима. Автор гипотезы М.Л. Худаш (1981) считает, что прочие функции суф. *-ич-* 'выходцы из некоторой местности') вторичны и развились из патронимического значения (специально обсуждать вопросы словообразования в данной статье не представляется возможным, однако отметим среди "других" форму I Новг.лет. *угльче*).

Существующие этимологии этнонима используют ту или иную аргументацию, основанную на различных сторонах письменных сообщений. Однако взаимная критика, заложенная в концепциях наряду с позитивными утверждениями, приводит к мысли, что они не охватывают всего существующего материала памятников. Попробуем же взглянуть на этноним в реальности его текстового бытования. Необходим детальный анализ композиции летописных вариантов и их сопоставление друг с другом.

II. Повесть временных лет упоминает уличей всего 2 раза: в

последнем восточнославянском перечне предхронологической части и под 885 годом. Первое сообщение Лавр.лет. таково: *а Оулучи Тиверьци сѣдаху бо по днѣстрѹ. ѡли до моря. сѹть гради их. и до сего дне*. 5л. Иное сообщается другими летописями: *а Оуличи Тиверьци сѣдаху по Бугѹ. и по днѣпрѹ. ѡли до моря*. Ипат. бл.

Приведенная группа сообщений имеет внутри себя различия по двум основаниям: морфемно-derivационным особенностям *улучи* – *уличи* соответствуют предметно-смысловые расхождения. Налицо разные географические ориентиры, обнаруживающие две древние концепции если не расселений улличей, то по крайней мере, топографической привязки их этнонима. Лавр.лет. связывает улчей только с Поднестровьем без упоминания других (sic!) областей; Ипат. и др. лет. связывают улличей с более широким регионом, простирающимся с Юго-Запада до Днепра. В последнем блоке формально выделяется Радз.лет.: она дает форму *улучи*.

На месте этого дохронологического упоминания улчей/улличей ряд источников, которым в принципе знаком рассматриваемый этноним, предъявляют не ф. *уличи*, но совершенно другие и иначе ориентированные. Таковы списки I Соф.лет., где мы находим *лутичи*. Концептуально важно и то, что в Ипат.лет. дохронологический экземпляр этнонима переправлен в *лутичи*, а в Радз.лет. сверху другими чернилами дописано *-ти-*, так что получилось *улутичи*. Это своего рода сближения инициии *ули-* с гнездом *улучи*.

Наряду с отмеченными различиями, Лавр., Ипат. и все остальные сообщения обнаруживают общую – хронологическую черту: летописная композиция трактует улчей/улличей в Причерноморье не как поздних пришельцев. Хотя летописная память может иметь и собственные измерения, но по текстам, улличи не только не новоселы в Поднестровье, а скорее наоборот, поскольку летописец отметил, что "есть города их до сего дне". Хронологическое исчисление этого "обустройства" небезразлично к тому обстоятельству, что, как подчеркивал О.Н. Трубачев (1961, 186) – улличи "исчезли очень рано – в сущности до начала письменного периода русской истории" (то же: Хабургаев 1979, 198).

Второе и последнее сообщение означенной группы летописей по своей структуре и базовым признакам отличается от вышеприведенного. Из всех летописей складывается иной морфологический набор: лишь одна форма *уличи* напоминает нам о первом сообщении – она фигурирует только в двух памятниках. А со Оуличи и Тиверьци имѣнаше рать. И 10л., Л 80б. Эта фраза находится в контексте сообщения о древлянах, полянах и радимичах, которыми, не в пример уличам и тиверцам, Олег к тому времени уже "обладал". В ее структуре этн. *уличи* взаимодействует с другими единицами по социально-политическому признаку.

Заметим, что в 1Соф.лет., где при первом употреблении произошел формальный отрыв от парадигмы, подобная запись отсутствует – этим она смыкается с другой группой сообщений, см. ниже.

Предметно-логический итог сообщениям выделенной группы: в их 1-м свидетельстве идет речь о юго-западном по отношению к днепровскому региону, не-днепровском племени. Лишь Ипат. и Радз. лет. распространяют своих уличей с юго-запада на восток, до Днепра, но от этого юго-западная отнесенность этнонима не утрачивается. Наиболее продвинутым на юго-запад этноним оказывается согласно Ипат.лет., которая упоминает земли вплоть до Подунавья. Словообразовательной приметой данного блока выступают формы Лавр., Акад., Троиц. лет. *улучи*.

В структурах 2-го сообщения ф. *улучи* исчезает повсеместно, уступая другим написаниям – *уличи* и *суличи*. Они, в особенности последняя форма, реально подтверждают выделимость конечного форманта *-ичи*. В семантике этнонима появляется днепровское звучание. Но и в этом упоминании нет безусловных и явных свидетельств об исключительно днепровском проживании уличей, как и вообще отсутствует их географическая характеристика. Их имя в текстовой структуре отъединено от "классических" днепровских племен, и опять они выступают обособленно в смысловом блоке с тиверцами. Учитывая формы *суличи/посуличи*, и вкупе с фактами предшествующего сообщения (*лутичи, улутичи*), есть основания говорить о разновидностях этнических представлений,

нарушающих единство летописной парадигмы.

II. Этим летописный банк знаний не исчерпывается. В летописном корпусе отыскивается сходный по форме этнический знак, однако он обнаруживает иную линию бытования: она очерчена 1 Новгородской и отчасти Софийской летописью. Отличие уже в том, что в их дохронологических разделах нет толкования имени уличей, поэтому нет возможности сопоставить этнические знаки в не осложненном социальными признаками виде. Впервые имя упоминается позднее, в хронологическом ключе, уже при Игоре, причем, в отличие от предыдущей группы памятников, употребляется не 1, но несколько раз.

Под 852 годом 1Новг.лет. (1Соф. 7об. – 862 г.), в отличие от рассмотренного материала, появляется фонетически и морфологически иная форма – *угличи*. Вместе с тем среди вариантов обнаруживается словообразовательное отличие – *угльче*, 1Новг.лет.

Тексты этой группы содержат и лексико-семантические отличия: этноним вступает в межсловесные смысловые оппозиции иного качества. Он сближается с днепровским этн. *древляне* (по социально-политическому признаку) до такой степени, которой не обнаруживали тексты вышерассмотренной группы: *и владѣюща Полами. и бѣша ратни съ Древланы и съ Уличи*. Таким образом рассматриваемый этноним несколько не отделен от назв. *древляне*, что имело место в предыдущей группе, см. выше, но составляет с ним одно смысловое целое, обозначая единовременный предмет полянской экспансии. В отмеченной структуре налицо явная привязка к днепровскому региону, причем не очевидно к низовьям Днепра. Данное обстоятельство еще более выпукло в Соф.лет., где обозначена как стабильная территория полян, название которых не отделено синтагматическим знаком, что можно расценивать как несколько большую близость: *и науща владѣти Полянскою землею и бѣша ратни съ Древланы и Угличи*. Выявленное включение в днепровскую этно-политическую ситуацию повторяется в структуре названных источников и далее, под 922 г., когда рассматриваемый этноним образует подобную лексико-семантическую конструкцию с этн. *древляне*: *Игорь же сѣдаше. в Киеве княже. и воюя на*

древаны и на Угличѣ. 1Новг.лет.

Как характерную черту этой второй линии летописного корпуса следует отметить то, что этн. *углич* не обнаруживает в ее сюжетах не только устойчивых признаков, но даже ассоциаций с Юго-Западом. Поэтому новгородско-софийские формы *углич*/*улицы* коррелируют не со своей совокупностью, но только с той разновидностью киевской-низовской концепции, см. выше, которая содержала явный разрыв парадигмы этнонима, где (при формах *лутичи*, *улутичи* первого сообщения) имеют место ф. *суличи*, *посуличи* второго сообщения об этносе, указывающие на связь некоторых этнических представлений с Днепром, непосредственно с Киевской волостью.

Однако при отсутствии сюжетных ассоциаций новгородцу был известен этнический знак другой географической зоны; северный писатель посчитал нужным сказать о попадании днепровского этнонима в юго-западный район. Следом за приведенной цитатой, см. выше, запись 922 г. 1Новг.лет. вдруг завершает историко-географическим разъяснением: *и бѣша сѣдаше Улицѣ по Днѣпру вниз. и посемъ приидоша межѣ Бз и Днѣстроу. и сѣдоша тамо.* Таким образом существование перекликающихся этнонимов на Днестре и на Днепре объясняется вынужденной миграцией племени. Те, о ком новгородская летопись вела речь до этого, *углич* рисуются изначально днепровским народом, причем выражение *по Днепру вниз* само по себе строго не означает, что они сидели именно в далеких низовьях, так как этноним привязан летописью к среднеднепровскому континууму, что и было показано.

Многие современные ученые согласны с летописным сообщением о передвижении улечей с Днепра на Днестр; собственно, на этом строятся трактовки в рамках всех дисциплин. Однако следует подчеркнуть, что причину миграции в Днестровский бассейн новгородский повествователь объясняет не посторонними силами, см. выше, но имманентными для восточнославянского мира факторами – натиском полян, а не кочевников. Данной причине соответствует и хронологическая

отметка новгородского летописца: и посем приидоша межи Бог и Днестр, – говорит он после описания Свенельдова вояжа. Под 940 годом упомянут город уличей Пересечен, однако его местонахождение в точности не определено (Седов 1982, 131), хотя в современном мнении его и принято нередко связывать с Днепром.

Это единственная – внесюжетная – ассоциация угличского этнонима с Юго-Западом в северном секторе летописного корпуса. Кроме этой проскользнувшей ремарки, несколько запоздалой в композиции летописного рассказа, новгородский текст событийно никак не связал угличей с Поднестровьем–Подунавьем, отмеченным предыдущей группой источников. Отсутствуют в севернорусском изложении и лексико-семантические связи *уличи-тиверцы*, установленные выше по структуре других летописей, как отсутствует в новгородском тезаурусе сам этн. *тиверцы*. Со словообразовательной точки зрения обращает внимание переход от употребившейся перед этим формы *уличи* к форме *улицѣ* при упоминании Юго-Запада.

Отмеченные черты заставляют думать о возможно ином содержании этнического знака в новгородских летописях, не исключая и его географической характеристики; новгородский этноним маркирован формой *уличи*.

Если принять во внимание обнаруженные ипостаси этнического знака в памятниках отмеченных групп, то получают объяснение некоторые явления варьирования. Так, при первом упоминании, перед годовыми записями, этноним фигурировал в форме *улучи* и соотносился с юго-западным районом, см. группу I. Данным образом знак презентирован не в одной, а в нескольких редакциях Повести времен. лет, что дает основание говорить об известной традиции, по крайней мере, не сводимо только к случайной описке. При втором же, хронологическом упоминании, где этноним сопределен днепровской стихии (но не сливается с ней, как мы видели, в отличие от новгородско-софийских представлений), форма *улучи* не употребляется ни одним из этих списков. Во втором употреблении этнического знака эти летописи переходят к другим формам, однако не только к форме *уличи*. Неправоммерно .

проходить мимо форм *суличи*, *посуличи*, в них также просматривается отдельная этногеографическая традиция (речь о способах номинации, вне хронологической оценки).

Произведем словообразовательную группировку этнонимических форм в текстах памятников:

Лавр.лет.	оулучи	уличи
Ипат.	оуличи/лутичи	оуличи
Радз.	улучи/улутичи	суличи
Акад.	улучи	суличи
Троиц.	улучи	посуличи
1Соф.	лутичи	угличи
1Новг.	–	угличи, улицѣ, уличи

Вместе со словообразовательным распределением, этнографическая картина I-ой из выделенных групп памятников (киевские и низовские летописи, не помнящие о поляно-уличской войне) распадается на две части, то есть представленный в них набор знаковых форм определяется двумя типами. 1 тип – в котором отличительной выступает ф. *улучи* и формы с корнем *лут-* в двух случаях из трех они вторичны. 2 тип – киевская интерпретация знака: ф. *уличи* и формы с корнем *сул-*.

Со вторым типом интерпретации этнического знака в Пов.врем. лет, но не со всеми употреблениями, увязывается новгородский этн. *угличи* и вторая презентация этнонима в Соф.лет., также *угличи*. Таким образом, корреляция *уличи*–*угличи* – далеко не единственная в словообразовательно-номинативной парадигме; во всей совокупности реальных форм летописного этнического знака несколько противопоставлений, лингвистических и экстралингвистических.

Каково место формы *уличи*? Поле ее функционирования неоднородно. С одной стороны, она окказионально сопутствует форме *угличи*, в Новг.лет. Софийская же, выдерживающая почти всегда одну с новгородской линию, отличается тем, что совсем не знает ф. *уличи*, называя только *угличи*; ее предхронологическая

форма *лутичи*. Другая – основная, а не сопутствующая сфера ф. *уличи* – это второе упоминание племени в киевско-низовских летописях, а также предхронологический экземпляр Ипатьевской летописи.

Намечается распределение предметной отнесенности выделенных типов форм. Гнездо *улучи*, как показывают структурно-семантические связи его единиц в текстах, тяготеет к юго-западному району, а гнездо *угличи* – к Поднепровью (при демонстративной отнесенности ф. *суличи*); форма *уличи* включена в обе сферы.

Между типами есть и сходства. Словообразовательное схождение заключается несомненно в том, что большинство из всех единиц представляют морфемные структуры с суф. *-ич-*. Реализация этой модели объединяет не только формы редакций Пов.врем. лет, но и шире, обе названные группы памятников. Словообразовательная модель взаимосвязана с типом номинации, ср. в разных летописях: *угличи* – Угла, Угол, *суличи* – Сула, – где производящие основы являют опору на топонимы, и вообще связь с географическими представлениями: *улучи* при этимологии Н.П. Барсова. Таким образом наблюдается схождение обозначенных линий и в общем, географическом, принципе номинации.

Итак, анализ сферы реального функционирования, сопоставление текстовых форм показывает, что знак, в интерпретации которого сложилась определенная схема исследовательских операций, может не быть монолитным образованием. В конкретных структурах текстов порою предстает более сложный набор явлений, и только одно из них невозможно признать "главным" или по преимуществу характеризующим.

Иллюстрацию семантики имени в древних текстах уместно завершить сравнением с западной словесностью. Памятник IX века Географ Баварский-Дескрипцио цивитатум упоминает этноним, созвучный летописному – *Unlizi* (исследователи признают в нем уличей), и разъясняет его: многочисленный народ, [у которого] СССХVIII городов. Этот народ замечен неизвестным баварцем на Дунае. Обращает внимание весьма большое по сравнению с

другими племенами в этом памятнике число городов, а следовательно, численность народа и занимаемая территория. Unlizi были скорее большой группировкой, чем небольшим племенем, и потому не могли размещаться в слишком ограниченных пределах; с другой стороны, они мало похожи на новопоселенцев в указанных краях. Кроме того, это может быть не единственная переключаящаяся форма даже в рамках данного небольшого источника (о дублетности этнонимов как принципе построения этого памятника см.: Херрманн 1988).

ЛИТЕРАТУРА

- Агеева, Р.А. 1990, *Страны и народы: происхождение названий*. М.
- Барсоб, Н.П. 1885, *Очерки русской исторической географии*. Варшава.
- Лециевич, Л. 1988, Летописные поморяне. В кн.: *Древности славян и Руси*. М., 133–137.
- Рыбаков, Б.А. 1950, Уличи. *Крат. сообщ. Ин-та ист. матер. культуры XXXV*. М., 6–11.
- Седов, В.В. 1982, *Восточные славяне в VI–XIII вв.* М.
- Трубачев, О.Н. 1961, О племенном названии "уличи". В кн.: *Вопросы славянского языкознания*. М., 186–190.
- Федоров, Г.Б. 1960, *Население Прутско-Днестровского междуречья*. М.
- Хабургаев, Г.А. 1979, *Этнонимия Повести временных лет*. М.
- Херрманн, И. 1988, Ruzzi, Forsderen, Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах "Баварского Географа" (перв. пол. IX века). В кн.: *Древности славян и Руси*. М., 163–168.
- Худаш, М.Л. 1981, Про походження давньоруських етнонімів дреговичі й уличи. *Мовознавство* № 5, 52–58.
- Descriptio civitatum et regionum... In: *Monumenta Poloniae Historica*. Т. 1. Lwow. 1864, 10–11.
- Kiparsky, V. 1958, Über die Betonung altrussischer Völkernamen. *Scando-Slavica* IV. Copenhagen, 262–269.

НЕКОРРЕЛЯТИВНЫЕ ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вадим Борисович Крысько

(РАН, Институт русского языка, Россия, 121019 Москва, ул. Волхонка 18/2)

Абсолютное большинство возвратных глаголов, засвидетельствованных в древнерусских памятниках¹, составляют рефлексивы, образованные непосредственно от невозвратных глаголов с помощью аффикса *-ся/-си* (т.е. постфиксальным способом). Этот класс возвратных глаголов определен нами как коррелятивные рефлексивы². Вместе с тем немалая часть (в текстах XII–XIII вв. – более 20 %) возвратных глаголов не является постфиксальными дериватами от нерефлексивов; этот класс – класс некоррелятивных рефлексивов – разделяется в зависимости от способа словообразования на два подкласса: (1) возвратные глаголы, сопоставимые с невозвратными и (2) возвратные глаголы, несопоставимые с невозвратными (*reflexiva tantum*). Среди сопоставимых некоррелятивных рефлексивов выделяются, в свою очередь, (1.1) глаголы, образованные от коррелятивных рефлексивов, т.е. опосредованно производные (*Vся < Vся < V: развеличатися < величатися < величати*), и (1.2) глаголы, образованные от нерефлексивов конфиксальным (префиксально-постфиксальным) способом (*V > PrefVся: наѣстися < ѣсти*). Несопоставимые возвратные глаголы распадаются на три типа: (2.1) рефлексивы, семантически несопос-

---

¹ Сплошному обследованию были подвергнуты тексты конца XII–XIII вв., отраженные в Картотеке Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) (КСДР); сокращенные обозначения источников соответствуют принятым в этом словаре. Привлекался также материал "Словаря древнерусского языка" И.И. Срезневского (Срезн.), "Словаря русского языка XI–XVII вв." и его картотеки (КДРС). Графическая подача цитат упрощена.

² В.Б. Крысько, Коррелятивные возвратные глаголы в древнерусском языке. В кн.: Имя и глагол в исторической перспективе. Рига, 1991, 115–126.

тавимые с нереклексивными, т.е. синхронно несоотносительные (лучиться 'случиться' ≠ лучить 'встретить'); (2.2) абсолютно несопоставимые (бояться); (2.3) несопоставимые, производные от несопоставимых (убояться).

1.1. Опосредованно производные возвратные глаголы образуются от коррелятивных рефлексивов преимущественно префиксальным способом, причем приставки (изредка суффиксы) выражают чаще всего различные видовые (точнее, связанные со способами глагольного действия) значения: начинательное (например, *въскуритися* 'задымиться' < *куритися* 'дымиться': *възвеселити ся гѣ о дѣлѣхъ своихъ. призирая на землю творяи трясти ся. прикасая ся горахъ въскоурять ся* СБЯр XIII, 138об.), ограничительное (*потрудитися* 'поработать': *азъ потроужю ся на сѣлѣ его* ПрЛ XIII, 72б), окончательное (*примилитися* 'умолить': *ими же прогнѣва ба тѣми же оумоли его нынѣ. прогнѣваль еси граблениемъ имения. тѣмъ же примили ся* емоу ПрЛ XIII, 104а-б), интенсивно-результативное (*устеречися* 'принять меры предосторожности' < *стеречися* 'быть осторожным, остерегаться': *придоша полочяне. с литвою на лоукы. и пожгоша хоромы. а лоучяне оустерегоша ся. и избыша въ городѣ* ЛН XIII-XIV, 60об.), многократное (*съчѣтоватися* 'сочетаться браком (о многократно осуществляющемся действии)' < *съчѣтатися* 'то же (однократно)', ср.: *аще отълучена о(т) него жена съ инѣмъ съчтаниемъ съчѣтаетъ ся* КН 1280, 512в (об одном человеке) – *И сочтовающимъ ся на бракъ* Там же, 529а (о многих людях)), однократное (*просвьѣтитися* 'просиять': *просвьѣте ся лице его яко слнче* ПрЛ XIII, 87б). В ряде случаев, однако, приставка добавляет к семантике глагола новый лексический оттенок (*растьрзатися* 'быть растерзанным' – *сърастьрзатися* 'быть растерзанным вместе с кем-либо': *сърастьрзѣ же ся съ симъ. и людии немало* ЖФСт XII, 87об. (*συναπορριζυνται*)); *боротися* 'вести борьбу с кем-либо' – *противуборотися* 'противоборствовать, сопротивляться кому-либо': *хытрѣцю не противуборотеть ся* УСт XII/XIII, 222). Среди анализируемых рефлексивов отмечен также оложный глагол *новородитися*, первая часть которого придает производящему глаголу значение 'только что, недавно': *яко же новородившю ся*

дѣтицю. болно боудеть. яко не мощи ни съсати мѣтри КН 1280, 510в. Что же касается соотношения с исходными неререфлексивами (т.е., в традиционной терминологии, "подзалоговых значений"), то в данном аспекте рассмотренные возвратные глаголы ничем не отличаются от производящих рефлексивов, и если абстрагироваться от дополнительных Aktionsart-ных и лексических значений, вносимых приставками и суффиксами, то все опосредованно производные возвратные глаголы могут быть включены в семантические словообразовательные подтипы, характерные для коррелятивных рефлексивов: так, например, *ростязатися* 'завести тяжбу' в залоговом отношении аналогичен взаимно-возвратному глаголу *тязатися* 'судиться', *въстрястися* – каузативно-возвратному (автокаузативному объектному) глаголу *трястися* и т.д.

1.2. Конфискальные возвратные глаголы, так же как и коррелятивные, по соотношению с исходными неререфлексивами могут быть разделены на субъектные и объектные. У субъектных глаголов субъект действия тождествен субъекту невозвратной конструкции; к их числу относятся рефлексивы, образованные от непереходных или некаузативных неререфлексивов и передающие значения: 1) начала действия, выраженного мотивирующим словом (*горѣти* > *възгорѣтися*: *възгорѣ ся церкви та... и горяше црѣкы о(т) върха* СкБГ XII, 19а); 2) однократного, мгновенного действия (*молити* > *възмолитися*: *и възмоли ся котянь зяти своему* ЛН XIII–XIV, 97); 3) достижения результата действия (*мъркнути* > *съмъркнутися*: *бы(с) знамение въ слнѣци. въ полѣднѣи. и бы(с) яко м(с)ць и съмерче ся* ЛН XIII–XIV, 48); 4) взаимного воздействия (*съвъпрашатися* 'дискутировать': *и остоупиша стефана. съвъпрашающе ся с нимъ. побѣдени же бывъше разгнѣваша ся* ПрЛ XIII, 107г); 5) достаточного, длительного, результативного действия (*сочити* 'искать' > *досочитися* 'доискаться': *аже кто своего холопа самъ досочить ся* РПр сп. 1280, 626г); 6) чрезмерного действия с нежелательным результатом (*Аще калугерь упиеть ся. то акы блудъ сътвориль е* СбТр XII/XIII, 49); 7) ошибочного действия (*буду кде опѣсалъ ся. хоудымъ (о)умомъ грѣшнымъ* ЕвГал 1266–1301, 175об.); 8) совместного движения (одно- или разнонаправленного: *съходити*

ся самѣмъ братии въ келія УСт XII/XIII, 221; *разбѣгоша ся вси* ЛН XIII–XIV, 67об.). Объектные конфиксальные рефлексивы, у которых субъект действия тождествен объекту невозвратной конструкции, образуются от каузативов и выражают общее значение 'достичь состояния, каузированного действием, названным в исходном глаголе', ср.: *зѣвати* 'звать, побуждать откликнуться' > *озѣватися* 'откликнуться' (и *озва же ся друугий дѣмонъ* ПрЛ XIII, 92г), *хопити* 'хватать' > *въсхопитися* 'привстать, вскочить, букв. схватиться' (и *лежа въ немощи въсхопивъ ся глаголааше. побѣгнѣмы еще* СкБГ XII, 15г).

Как можно заключить, две части конфикса выполняют в возвратных глаголах различные функции. В то время как приставки указывают на разные способы глагольного действия и вносят добавочные лексические оттенки (например, *раз-* используется для выражения разнонаправленного действия), употребление аффикса *-ся* в целом идентично его функционированию при коррелятивных рефлексивах: он устраняет прямой объект либо заменяет его косвенным, ср.: *бѣ ж(е) самъ ѣда хлѣбъ соухъ... и водоу пия* ЖФП XII, 50в–г – *напи ся адамъ яда см(ь)ртнаго* КН 1280, 375в – *лакомьствѣмъ объядъ ся* СбТр XII/XIII, 49, а в рефлексивах, образованных от интранзитивных глаголов, – маркирует невозможность присоединения аккузативного объекта (*разгорѣтися*). Таким образом, в плане соотношения с производящими неререфлексивами конфиксальные возвратные глаголы обнаруживают полный параллелизм с глаголами первого деривационного класса.

2.1. Семантически несопоставимые возвратные глаголы отражают первый этап лексикализации рефлексивных дериватов, утрачивающих непосредственную словообразовательную и семантическую связь с исходными неререфлексивами, но сохраняющих в своей семантической структуре определенные элементы, которые позволяют все же соотнести их с глаголами без *-ся*. Так, например, рефлексив *клятися* 'клясться' входит в ту же сферу сакральной лексики, в ту же группу глаголов со значением 'произносить заклятие', что и неререфлексив *кляти* 'проклинать'; показательно, что в существительном *клятва*, мотивированном обоими глаголами,

значения 'клятва' и 'проклятие' совмещались. Глагол *съступитися* 'отказаться' может быть сопоставлен с *съступити*, также выражающим отдаление от исходной точки, ср.: *и се видѣ црѣвь оу облака соущу... състоупи црѣкы и ста на своемъ мѣстѣ* ЖФП XII, 47в ('спустилась') – *състоупи ся твърдиславъ посадничества ЛН XIII–XIV, 76об.* Рефлексив *сумьнѣтися* 'бояться, трепетать, благоговеть' (*егда стоиши въ црѣвѣ съ братиею. соумни ся. и стои съ страхъмъ* ЖНиФ XII, 3об.–4) соотносится с *мьнѣти*, тоже входящим в число глаголов эмоционального отношения (*потомъ паки къ николѣ преходить. мьня его слабѣиша предѣннихъ ради ранъ обрести* ЖФСт XII, 134 – *οἰόμενος* 'надеясь'). Пример с глаголом *познатися* 'открыться' ([*видѣ*]ша оногo... подроуга... слѣпа тако. яко ни вѣкомъ [ъ ни р]язнамъ не познати ся) СкБГ XII, 23г) демонстрирует переносное значение, восходящее к основному значению нерелексива *познати* – 'узнать, понять', т.е. 'сделать ясным, открыть'. Семантическая связь с невозвратными глаголами с большей или меньшей степенью очевидности ощущается и в таких синхронно несоотносительных релексивах, как *лечися* 'заботиться' (ср. *печи* 'печь')³, *рассѣстися* (первоначально, по-видимому, 'сестъ в разные стороны' > 'распасться': *расѣдоша ся на всѣхъ насъ оковы* ПрЛ XIII, 79в), *сѣнятися* 'собраться' (ср. *яти* 'брать'), *угодитися* 'согласиться' (*ни отиноудъ оугожоу си. ни словъ вашихъ оубою ся* ЖФСт XII, 123 – *παράδεξιόν ην*, ср. *угодити* 'угодить, услужить'), *сулитися* 'хвалиться' (*иже величаеть ся или соулитъ си яко исправивъ жизнь* СбТр XII/XIII, 61 – *φυσιοῦται*, ср. *сулити* 'обещать, давать посулы'), *лучитися* и *сълучитися* 'случиться' (ср. нерелексивы со значением 'встретить').

2.2. Абсолютно несопоставимые возвратные глаголы (собственно *reflexiva tantum*) в зависимости от их происхождения могут быть разделены на две группы.

1) Производные *reflexiva tantum* отыменного происхождения образуются суффиксально-постфиксальным способом (*бѣсьноватися*, *гнѣздитися*, *гърдитися*, *крутитися* 'снаряжаться' < *крута*

³ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка III. М., 1987, 227.

'одежда', мужатися, правитися 'оправдываться', ротитися, рядитися < рядъ 'договор', стыдѣтисѧ, свѣтълѣтисѧ, тѣсьнитисѧ, яритисѧ) и префиксально-суффиксально-постфиксальным способом (въцѣсаритисѧ, извинитисѧ, изнажитисѧ, обечеритисѧ, отъдалятисѧ, поплъзнутисѧ 'поскользнуться' (мотивировано прилагательным плъзкъ 'скользящий', а не глаголом плъзти), умилитисѧ, умилосърдитисѧ); в глаголе усмихатисѧ дополнительным словообразовательным средством является чередование гласного (ср. смѣхъ). Некоторые из отыменных reflexiva tantum представляют собой гапаксы и не фиксируются историческими словарями, ср.: въздѣвитисѧ 'пребывать в девичестве' – Приложи сѧ въздѣвѧщии сѧ преже времеѧ ·Ѣ· лѣ(т). да продаеть (с) ЗС 1280, 3396 (в греческом – существительное: 'Ο φδεῖρων κόρη'); дѣвоитисѧ 'повторяться' – ·Ѣ· гла(с). поеть (с)... двоюубѣна. аллу(г)я... обаче ·рлѣ· псл(м). не двоить (с) аллу(г) УСт XII/XIII, 257об. Значение глагола чужатисѧ, определенного И.И. Срезневским как 'свиристовать', нуждается, на наш взгляд, в уточнении: в контексте, где описывается необычайно сильный и долгий пожар в Новгородской земле (по вся дѣи загараше сѧ невидимо. и ·Ѣ· мѣсть. и боле... и тако сѧ чюжяше о(т) всѣхъ стѣхъ. до гѣина дѣи ЛН XIII–XIV, 54об.), данный рефлексив реализует, как представляется, значение 'твориться, происходить (о необычных, сверхъестественных, чудесных явлениях)', ср. в Академическом списке: и таково чюдо бысть.

Особого анализа требует форма лабноують сѧ, отмеченная в "Правиле черноризцам" по спискам КН 1280 (о/т/рекшеи сѧ ни единою вещью. да не лабноують сѧ пакы с мирьскими 509а–б) и КВ к. XIV (285в). Этот же контекст в сборнике XV в. демонстрирует форму ладноують (Срезн.). Учитывая наличие большой группы отадъективных глаголов типа лукавьновати, печальновать, безумьновати, виньновати и др.⁴ (ср.: моужь грѣшьнъ възмятеть другы. и посрѣдѣ мирьноующихъ въвържетъ съвадоу СбТр XII/XIII, 72об.) и принимая во внимание более широкий контекст (см. продолже-

⁴ Indeks a tergo do Materiałów do Słownika języka staroruskiego I.I. Srezniewskiego. Warszawa, 1968, 70.

ние цитаты: *ни сродникъ своихъ печалници да не боудуть. злата и сребра да не скрываютъ. и многихъ вещи да не збирають. нъ да боудоуть въ всемъ иноци по имени си* КН 1280, 5096), следует, думается, признать более предпочтительным второй вариант глагольной формы, соотносящийся с прилагательным *ладьнь* 'подобный; равный, одинаковый'; в таком случае значение глагола определяется как 'уподобляться, равняться'. Искажение исходной формы *ладьнують ся*, по-видимому, фигурировавшей в протографе "Правила", объясняется, как можно предположить, неупотребительностью данного возвратного глагола, уже неизвестного переписчикам конца XIII и конца XIV в.

2) В то время как *reflexiva tantum* отыменного происхождения являются синхронно мотивированными, для глаголов второй группы установление производности возможно только в диахроническом плане. К их числу относятся, например, рефлексивы *възрючатися* 'метаться, падать (в припадке болезни)' и *върютитися* 'упасть, обрушиться', содержащие связанный корень (радиксоид) *-рют- (-рут-)*, который вычленяется также в глаголах *изрутитися* 'ниспасть', *пору(ю)тити* 'повалить; ударить', *порутитися* 'разрушиться', *сърютити* 'сбросить', *сърутитися* 'броситься', *урутити* 'бросить', *урутитися* 'обрушиться, упасть', *урючатися* 'бросаться'. Хотя соответствующий невозвратный глагол зафиксирован в ряде славянских языков (ср. пол. *rzucić* 'бросить', откуда, вероятно, *ру(ю)титься* в русских текстах конца XVII – начала XVIII в. – см. КДРС), а также в русских говорах⁵, для древнерусского периода данные рефлексивы должны быть расценены как членимые, но непроизводные, или "косвенно-сопоставимые", по терминологии Н.А. Янко-Триницкой⁶. Аналогичным образом следует квалифицировать глаголы *сълипатися* 'сходиться в бою, врукопашную' (ср. *прилипати*) и *съльнутися* 'слипнуться' (*обрѣте нища лежаща на земли. строупы сълепша ся* ПрЛ XIII, 134г; ср. *приль(п)нути, уль(п)нути*),

⁵ М. Фасмер, Ук. соч., 523, 533.

⁶ Н.А. Янко-Триницкая, Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962, 43.

тягаться 'вести тяжбу' (ср. *тяжа, тяжатися, тяжьба, тязати*). Вследствие праславянских фонетических изменений несколько затемненными оказались связи с родственными словами таких глаголов, как *росхрыпаться* 'расхохотаться' (*ἀνακαγχάζω* – ЖФСт XII, 129; ср. *хритатися* 'насмехаться', *охрить, похрить* 'осмеяние, надругательство'), *съньзнутися* 'склониться вниз, поникнуть, по-нуриться'. Большинство reflexiva tantum вообще не имеют синхронно сопоставимых слов (кроме дериватов), и производность их может быть установлена лишь в результате углубленного этимологического анализа: *бояться* (ср. *бити*), *годиться* 'случаться', *касаться, клочиться, надѣяться, ошаяться, пружатися* 'метаться, рваться', *скытатися, смятисся*. В эту же группу входит глагол *алаксатися*, синонимичный собственно-возвратным *облачатися* или *одѣтися*, но образованный с помощью славянских аффиксов непосредственно от греческого корня: *Аще дьяконъ алаксаеть ся. не херотонисанъ. да имать епитимию* СбТр XII/XIII, 51 (ср. *ἀλλάσσω* 'менять (одежду)' – Срезн.).

Все перечисленные рефлексивы обнаруживают несомненный параллелизм с коррелятивными возвратными глаголами: так, некоторые выражают состояние, каузированное каким-либо действием, т.е. семантически близки общевозвратным глаголам (*яритися, умилилися*); отдельные лексемы соотносятся с глаголами собственно-возвратными (*крутитися, изнажитися*), взаимно-возвратными (*тѣсьнитися, тягатися*), моторно-возвратными (*отъдалятися, съньзнутися*), каузативно-возвратными (*гнѣздитися, съльнутися*) и т.д.⁷ Поэтому не вызывает удивления возникновение рядом с исконными reflexiva tantum вторичных нерефлексивов⁸, обусловленное стремлением к регуляризации словообразовательных отношений в кругу возвратных глаголов. Знаменательно, однако,

⁷ Ср.: А.А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, 195–196; А.М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, 120–121.

⁸ Ср.: A. Margulíes, Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924, 241.

что бо́льшая часть подобных "дерексифов" появляется в текстах исключительно редко, причем преимущественно в XIV в. Характерной чертой этих глаголов является полная семантико-синтаксическая тождественность производящим рефлексивам. Указанные факторы не позволяют рассматривать вторичные нерексифы в качестве самостоятельных лексем; более адекватным было бы, на наш взгляд, определение их как окказиональных вариантов возвратных глаголов, ср.: *гнушати* (95 примеров в КСДР) – *гнушати* 'гнушаться' (4), *дивитися* (215) – *дивити* 'дивиться' (6), *лѣнитися* (149) – *лѣнити* 'лениться' (2), *поститися* (353) – *постити* (4), *противитися* (335) – *противити* (3), *пърѣтися* (83) – *пърѣти* (1), *радоватися* (≈ 1000) – *радовати* 'радоваться' (7), *ругати(ся)*, *старѣти(ся)*, *трезвити(ся)*, *чудити(ся)*, *попълзнути(ся)*, *улютити(ся)*.⁹ Очевидно, образование вторичных невозвратных глаголов было связано с функциональной избыточностью компонента *-ся*: в то время как в большинстве рефлексивов, производных от транзитивов, *-ся* являлось субститутутом прямого объекта, в глаголах исследуемого типа, мотивированных главным образом именными основами или вообще немотивированных, возвратный элемент служил лишь добавочным показателем интранзитивности, и устранение его не вело к изменению семантической и синтаксической структуры. Необходимо также иметь в виду, что отсутствие *-ся* в ряде примеров вызвано влиянием соответствующих греческих активных форм, ср.: *бѣсьноюуаи онѣ. исьцѣление скорѣе приемъ* ЖФСт XII, 154об.–155 – *ὁ δαιμονῶν*; *браку роугати ноудимъ ся* КЕ XII, 47а – *καθυβρίζειν*; *тѣмъ словесемъ радовати останѣте ся* ГБ XIV, 39а – *χαίρειν*; *яко же и самому дивити варламу* ЖВИ XIV–XV, 130г – *θαυμάζειν*.

2.3. Последний тип некоррелятивных возвратных глаголов составляют несопоставимые рефлексивы, образованные от других несопоставимых рефлексивов префиксальным (реже – суффиксальным способом): *възбоитися*, *въссмятися*, *дивоватися*, *облѣнитися*, *попечися*, *угнѣздитися* и др.

---

⁹ Ср.: М.В. Кузнецова, К истории формирования возвратных глаголов (на материале языка памятников древнеславянской письменности). АКД. Л., 1984, 6–7.

Итак, в древнерусском языке некоррелятивные возвратные глаголы выражали – благодаря наличию *-ся* – тот же круг значений, что и коррелятивные рефлексивы. Формирование новых *reflexiva tantum* по имеющимся образцам показывает, что к исследуемому периоду в языковой системе уже закрепился ряд словообразовательных подтипов с определенными значениями, и это способствовало осознанию аффикса *-ся* как выразителя того или иного "подзалогового" значения независимо от того, к какой части речи принадлежало производящее слово и сохранилось ли оно вообще. Появление дерефлексивов отражает тенденцию к упорядочению постфиксального словообразования и регуляризации отношений *V – V_{ся}*.

NEZAPAŽENI PREPISI STARIH REČNIKA REČNIK UZ LESTVICU I REČNIK SIMBOLA IZ PSALTIRA

Ágnes Kacziba

(Kacziba Ágnes, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Najraniji oblici leksikografskog rada kod pravoslavnih Slovena su kraći rečnici – popisi stranih reči ili tumačenja nekih reči iz književnih dela – koji su se tokom vekova prepisivali i popunjavali. Već u XVII i XVIII veku oni su često imali oblik solidnog rečnika. Problematici najstarijih slovenskih rečnika posebnu pažnju posvetila je Ljudmila Stepanovna Kovtun (Ковтун 1959, 1963, 1975, 1977) koja je napisala četiri monografije o rečnicima XIII–XVII veka. U tim radovima ona posmatra veliki broj poznatih prepisa, pretežno ruskih, klasifikuje ih i detaljno analizira njihov međusobni odnos. Istovremeno, ona i objavljuje te prepise. Proučavanju starih rečnika poseban prilog dao je Đorđe Trifunović (1982) koji je objavio tri srpska prepisa rečnika uz Lestvicu.

U ovom radu bavićemo se nekim još neobjavljenim srpskim prepisima starih rečnika. Reč je o rečniku uz Lestvicu i rečniku simbola iz Psaltira.

I. Rečnik uz Lestvicu (II redakcija): ТЛЗКОВАНІЕ НЕОВАДОБ(Ь) ПОЗНАВАЕМЫМ[Ь] ВЪ ПИСАНЫХЪ РЪЧЕМЪ

Đorđe Trifunović (1982, 80–81) je u svom članku naveo sedam srpskih prepisa rečnika uz Lestvicu koji predstavljaju prvu redakciju ovog dela, po klasifikaciji Lj.S. Kovtun (Ковтун 1963, 226–237, i 421–431). O drugoj redakciji Đ. Trifunović (1982, 82) kaže da "[...] među srpskim prepisima vrlo retko srećemo rečnike vezane za drugu redakciju. U jednom, pak, srpskom rukopisu [reč je o rukopisu Arhiva SANU, br. 28], nezavisno od Lestvice, nalazimo rečnik koji u osnovi sadrži fond iz prve redakcije, ali ima i izvesne osobenosti vezane za drugu redakciju". Đ. Trifunović ne na-

vodi ni jedan srpski prepis tog rečnika koji bi u celini predstavljao drugu redakciju.

Kao dokaz da je kod Srba bila poznata i prepisivana ne samo prva no i druga redakcija teksta, služe za sada tri nedovoljno zapažena srpska prepisa. Oni se nalaze u sledećim rukopisima:

1. U rukopisu IX H 23 (Š 26) Narodnog muzeja u Pragu (Vašica-Vajs 1957, 369, br. 156) iz treće četvrtine XVII veka (Grozdanović-Pajić 1968, 451). Prepišivač ovog rukopisnog zbornika raznih sastava je Hristofor Račanin (Boškov 1988, 383–384). Tekst rečnika nalazimo na listovima 171a–173a. Lj.S. Kovtun (1963, 186. i 421), koja iz ovog zbornika objavljuje rečnik simbola iz Psaltira, spominje samo da taj sastav dolazi posle rečnika uz Lestvicu, ali ga izostavlja, ne navodi ga među prepisima.

2. U rukopisu Oct. Illyr. Serb. 1 koji se nalazi u Sečenjijevoj biblioteci u Budimpešti (Országos Széchényi Könyvtár, Kézirattár) (Nyomárkay – H. Tóth 1990, 18, br. 11). Prema vodenim znacima rukopis se datira u treću četvrtinu XVII veka¹; po drugim podacima (pashalne tabele) pisan je verovatno oko 1679. godine. Rukopis je ispisao Hristofor Račanin.² Tekst rečnika uz Lestvicu dolazi na listovima 79b–80a.

3. U Zborniku mitropolita Mihaila (Beograd, Patrijaršijska biblioteka br. 343, dalje Patr. 343), na listovima 272b–273b. O ovom rukopisu u prošlom veku pisao je P. Srećković (1872, 1–22) koji je dao detaljan pregled sadržine i objavio neke sastave iz njega. U novije vreme M. Boškov (1980a, 25–69; 1980b, 183–231; 1981, 571–601) se bavila hronografskim tekstom koji se nalazi u tom zborniku. Po saopštenju M. Grozdanović-Pajić – na čemu joj se srdačno zahvaljujem – rukopis se datira u prvu deceniju XVIII veka.

U sva tri srpska prepisa rečnik uz Lestvicu dolazi posebno, bez teksta Lestvice, ali zajedno sa rečnikom simbola iz Psaltira. Dva rečnika su se verovatno prepisivala zajedno. O tome svedoči i činjenica da rečnik simbola iz Psaltira, koji dolazi posle rečnika uz Lestvicu, u sva tri rukopisa ima naslov *ДРУГОЕ ТЛЗКОВАНИЕ О НЕРАЗУМѢВАЮЩИХ[Ъ] СЛОВЕСЕХ[Ъ]*, a na

¹ Za identifikaciju vodenih znakova zahvaljujem se dr Ljupki Vasiljev (Narodna biblioteka Srbije u Beogradu, Arheografsko odeljenje).

² Autor ovih redova prema detaljan opis budimpeštanskog rukopisa.

kraju rečnika simbola iz Psaltira u Patr. 343 nalazimo: **сѡд доꙗ(ѡ)де
оѡрѣтох[ѡ] и тако и ꙗписах[ѡ]**÷

Rečnik je u sva tri rukopisa pisan srpskom redakcijom, ali na nekim mestima uočava se njegovo rusko poreklo. U tekstu nalazimo i primere ruske vokalizacije poluglasa: odrednica 15. **стрѣмь** (u sva tri rukopisa) < od **стрѣмь**; od. 46. **вохѡмѡ** (u sva tri rukopisa) < od **взхѡмѡ**, в pogrešno umesto в.

Sva tri prepisa predstavljaju **drugu redakciju** rečnika! Unutar druge redakcije Lj.S. Kovtun razlikuje dve grupe. Tekstovi koje smo naveli, pripadaju **prvoj grupi**, ali sa nekim razlikama nedovoljnim da ih smatramo za posebnu grupu. Mi ćemo navesti te razlike između tekstova kod Lj.S. Kovtun (Ковтун 1963, 226–237. i 421–431) i naših tekstova koje su karakteristične za sva tri prepisa. Uočili smo razlike sledećeg karaktera: a) izvesne razlike se javljaju u drukčijoj podeli odrednica, b) neke razlike proizlaze od pisarskih grešaka, c) postoje i neke druge, neuslovljene razlike.

a) U rukopisima Hristofora Račanina, dakle u IX H 23 i u Oct. Illyr. Serb. 1, nomenklatura reč redovno počinje crvenim slovom, posle nje dolazi zarez, a objašnjenje se završava tačkom. U rukopisu Patr. 343 ovakve doslednosti nema; početno slovo se samo u jednom primeru piše crvenim mastilom (od. 40), nomenklaturne reči i objašnjenja se ne dele dosledno jedna od drugog. U tri slučaja se (od. 2, 3, 36) nomenklatura reč, a u jednom (od. 49) i objašnjenje piše crvenim mastilom. Za ovaj rukopis je karakteristično da posle više odrednica pisanih crnim mastilom dolaze takve koje su pisane crvenim mastilom. Zbog toga se ne može tačno odrediti koju reč je prepisivač odredio za nomenklaturnu, a koju za objašnjenje. Ovakva nedosledna upotreba crvenog mastila, tačaka i zareza stvara utisak da prepisivač često nije ni razumeo to što je prepisivao. Na osnovu teksta u Patr. 343 ne možemo reći ništa sigurno o deljenju odrednica. Možemo, dakle, uzeti u obzir samo podatke koje pružaju rukopisi IX H 23 i Oct. Illyr. Serb. 1.

U deljenju odrednica kod Lj.S. Kovtun i u rukopisima koje smo mi naveli nalazimo sledeće razlike:

Odrednice 2. i 3. kod Kovtun:

od. 2. **Ѡаснь·мню пр(и)сно**

od. 3. КАУСТВО·ЕСТ(Ь)СТВО КАКОВОМУ ЕСТ(Ь) razdeljene su u spomenutim rukopisima na sledeći način:

od. 2. ВАС'НЬ, МНЮ·

od. 3/I ПР(И)СНО, КАУСТВО· 3/II ЕС(ТЬ)СТВО, КАКОВОМУ ЕСТ(Ь)·
Odrednica 15. u našim rukopisima glasi:

od. 15/I СТРЕМЬ, ПРАВО· 15/II СВЕРЗШЕНЬ, ПО ИСТИНЬ· Ova odrednica kod Kovtun predstavlja jednu celinu (dakle, sve tri reči objašnjavaju značenje reči СТРЕМЬ), a u našim rukopisima odrednica je razdeljena tačkom kao da su СТРЕМЬ i СВЕРЗШЕНЬ nomenklaturne reči a ПРАВО i ПО ИСТИНЬ objašnjenja. Zanimljivo je da je crvenim mastilom pisano samo prvo с, i to u oba rukopisa.

U odrednici 22. nalazimo sličan slučaj: što je kod Kovtun u jednoj odrednici, to je u oba naša rukopisa razdeljeno tačkom i crvenim slovima na dve odrednice – kao da ih je pisar delio ne po smislu već po broju reči:

od. 22/I ѠТРОД[Ь], ПОРОД[Ь]· 22/II СТМЕ, ИСУЕДІЕ·

Odrednice 33. i 34. su u IX H 23 i u Patr. 343 (u Oct. Illyr. Serb. 1 nema ih) na isti način, dakle propuštanjem reči ПРОНЫР(Ь)СТВО sažete u jednu:

od. 33. i 34. ДОБЛЕСТЬ, КРѢПОСТЬ, МУЖЬСТВО, ЛОУКАВ'СТВО. Na ovakav način je sasvim narušen smisao odrednica jer se ЛОУКАВ'СТВО nikako ne može uzimati kao sinonim za prethodne reči.

b) Vrlo su zanimljive neke razlike između naših tekstova i onih koje je objavila Lj. S. Kovtun. One takođe nisu strukturalnog značenja, ali su vredne pažnje jer se javljaju u sva tri prepisa i mogu se objasniti kao greške u prepisivanju.

od. 39. ГЕН'ЗЕ, ЛИШИ СЕ·УМЕСТО ЛИШИ СЕ·

od. 40. РОВАНІЕ, ДОЗЪНОВЕНІЕ · umesto ПЗВАНІЕ ili ПОВАНІЕ. U ovom je slučaju prepisivač jednog od predložaka verovatno pogrešno čitao slovo п kao kvadratno в (П). Ovakav oblik slova в kod Rusa se upotrebljavao od XV veka, a kod Srba još i ranije.

od. 46. БОХМА, ВЗСМА· umesto БОХМА < od БЗХЗМА.

Ako pogledamo te greške: а umesto л, (verovatno) в umesto п, в

umesto **ѣ**, čini nam se da je do njih došlo ili zbog nemarnog rada prepisivača, ili zbog toga što je on slabo video, a možda i nije razumeo ove reči te nije ni mogao da ih koriguje. Jedno je, ipak, sigurno: te greške nisu dopustili prepisivači naših rukopisa (ako ne uzmemo u obzir teoretsku mogućnost da je Patr. 343 nastao prepisivanjem ili sa IX H 23 ili sa Oct. Illyr. Serb. 1) nego prepisivač jednog od predložaka sa kojeg je ili napravljena jedna kopija i sa te kopije su prepisani naši tekstovi (što je manje verovatno), ili je napravljeno više kopija koje su se kasnije širile prepisivanjem.

c) Druge razlike:

U naslovu u ruskim prepisima nalazimo **не удоволише се**, a kod naših prepisivača **не удовлише се**.

Odrednica 4: U svim rukopisima koje Kovtun spominje, u sastavu odrednice nalazi se još i atribut **колика: мѣра есть колика**.

U odrednicama 7. i 8. umetnut je veznik **и**:

od. 7. **Тризна, страд[а]л[ь]ство, и подвигъ**.

od. 8. **Скѹтаніе, спрѣтаніе, и сзхраненіе**.

Odrednica 17. i 35. nema ni u jednom od naših prepisa.

Odrednica 30. u spomenutim rukopisima glasi **Сзгрѣстивше се, смѣсивше се**, a u prepisima koje donosi Kovtun (Ковтун 1963, 426) redovno nalazimo **стѣснившихся**, a samo u jednom rukopisu, u P 3 (GBL Rum. 456 iz XVII veka), postoji oblik sa **м**.

Od odrednice 60/a **Бальство, прѣзд[ь]нохожденіе** u ruskim prepisima stoji samo nomenklatura reč, bez objašnjenja.

Ako međusobno uporedimo tri spomenuta rukopisa, možemo utvrditi da su Oct. Illyr. Serb. 1 i IX H 23 vrlo slični, a Patr. 343 umnogome odstupa od njih (naravno, ne uzimamo u obzir razlike u pravopisu). Razlike između dvaju rukopisa Hristofora Račanina mogu se svesti na verovatno slučajno propuštanje nekih odrednica (od. 32–33. i 41) u Oct. Illyr. Serb. 1. (Ove odrednice imamo u Patr. 343.) Mi smo mišljenja da je Hristofor Račanin, prepisujući tekst rečnika uz Lestvicu, za oba rukopisa upotrebljavao isti predložak, ili je tekst u Oct. Illyr. Serb. 1 prepisao sa teksta u IX H 23. (U IX H 23 u od. 37. nalazimo **выкофевіе** umesto **высокофевіе**, što smatramo za prepisivačku grešku mada treba napomenuti da u jednom

prepisu koji Kovtun (1963, 427) navodi nalazimo sličnu grešku: **взкокофе-
уиѣ**.

Tekst u Patr. 343, mada predstavlja istu redakciju, umnogome odstupa od tekstova u rukopisima Hristofora Račanina, ali i od svih tekstova koje Kovtun donosi. Za ta odstupanja, dakle, nemamo paralele ni u ruskim ni u srpskim rukopisima. Neke od tih razlika eventualno bi se mogle objasniti greškama našeg prepisivača ili prepisivača nekog od predložaka. One verovatno neće imati značaja za tekstološku istoriju rečnika, ali ipak ćemo ih navesti:

U naslovu umesto **прѣложити** nalazimo **прѣдложити**; u od. 9. umesto **по смотрѣнiю** stoji **пос мотрѣнiю**; u od. 12. umesto **ради** napisano je **ради и**; u od. 19. umesto **ѡпакы** nalazimo **ѡтпакы**; u od. 56. umesto **бесловеснѣ** stoji **бесловѣс(ь)нiѣ**.

Razlike koje mogu imati značaja za tekstologiju su sledeće:

U naslovu: [...] **рѣчи** [...] **и хже нѣ љдовлiше се прѣдложити на словѣнскихъ** – u svim drugim, ruskim i srpskim prepisima piše **на руским**.

od. 1. Umesto ove odrednice nalazimo uvodni izraz **Првое гл[агол]ѣть** i odmah dolazi sledeća.

od. 2–3. Posle присно dato je objašnjenje **васѣгда**, a nema nomenklaturne reči **каѡство**.

od. 6. **своин(ь)ство кто иматъ** то **особено**, umesto **ѡто** ili **кто** u drugim prepisima.

od. 11. **даровано** umesto **даромъ**.

od. 15. Nema objašnjenja **по истинѣ**.

od. 37. Uneta je reč **похвалѣнiе** koje ni u jednom prepisu nema: **киѡнiѣ високо рѣѡиѣ или похвалѣнiе слави ради**.

od. 57. U nomenklaturnom izrazu stoji **плѣжнѣ низѣ** umesto **низѣ плѣжно** što nalazimo u svim drugim rukopisima.

od. 59. Obrnut je red reči: **иже ѡс(тъ)** umesto **ѡс(тъ) иже**.

Mislmo da i ovaj prepis ima u svojoj osnovi tekst iz prve grupe druge redakcije. Do navedenih razlika je došlo kad je prepisivač jednog od

predložaka, ili naš prepisivač, prepisivao tekst. Znači, prepis u Patr. 343 (kao ni u IX H 23 i Oct. Illyr. Serb. 1) ne predstavlja posebnu, treću grupu druge redakcije rečnika, nego je on samo nešto izmenjena varijanta teksta iz prve grupe druge redakcije.

II. Rečnik simbola iz Psaltira: **ДРУГОЕ ТЛЗКОВАНІЕ О НЕРАЗУМѢ- ВАЮЩИХ[Ъ] СЛОВЕСЕХ[Ъ]**

Ovo delo predstavlja omanji rečnik od 37 osnovnih i nekoliko dodatnih odrednica. Nomenklaturne reči, među kojima ima i nekoliko vlastitih imena, većinom potiču iz Psaltira i imaju simbolično značenje. Lj.S. Kovtun je detaljno proučavala i ovaj rečnik. Za skoro svaku glosu dokazala je na kojem se mestu ona nalazi u Psaltiru. Kovtun je utvrdila odnos ovog rečnika i glosa u njemu prema drugim starim rečnicima (РѢВЬ ЖИДОВСКАГО ЯЗЫКА, А СЕ ИМЕНА [...] М(Ѣ)С(А)ЦЕ(МЗ) ЖИДОВСКИМ(З), Се же притоунѣ речеся. Uporedila je, tako, sve raspoložive prepise iz XVI i XVII veka i izdala je tekst rečnika. Njoj je bilo dostupno 10 prepisa, od kojih je 9 ruskih i jedan srpski. Taj srpski prepis se nalazi u već spomenutom praškom zborniku IX H 23, na listovima 173a–174a, i ima red kasnije dopisanih odrednica kojih nema u drugim prepisima (Ковтун 1963, 187–188. i 434).

U dva rukopisa, iz kojih objavljujemo i rečnik uz Lestvicu, odmah posle njega nalaze se i prepisi rečnika simbola iz Psaltira: u budimpeštanskom Oct. Illyr. Serb. 1 na listovima 80a–80b i u rukopisu Patr. 343 na listovima 273b–274a. Kao što je već spomenuto, rečnik simbola iz Psaltira u sva tri rukopisa dolazi posle rečnika uz Lestvicu i zbog toga je uz reč ТЛЗКОВАНІЕ dodat atribut ДРУГОЕ. Naslov u svim ruskim prepisima glasi ТЛЗКЗ ѿ НЕРАЗУМНЫХ[Ъ] СЛОВЕСЕХ[Ъ], a u srpskim prepisima razlike u naslovu nalazimo čak na tri mesta: ДРУГОЕ ТЛЗКОВАНІЕ О НЕРАЗУМѢ-ВАЮЩИХ[Ъ] СЛОВЕСЕХ[Ъ].

Tekst u Oct. Illyr. Serb. 1 i u Patr. 343 predstavlja istu redakciju kao u IX H 23, samo što u njima nema tih "rimskih reči" koje su i u IX H 23 dopisane kasnije. Dakle, ove "rimске reči" nikako se ne mogu smatrati sastavnim delom srpskih prepisa. Tekst u IX H 23 završava se znakom 3

koji je specifičan za rukopise Hristofora Račanina i obično dolazi na kraju pojedinih sastava (ali može imati i druge funkcije). Na kraju teksta rečnika u Patr. 343 nalazimo **сѡа до ꙗѡе обрѣтохъ** и тако и **ꙗписахъ**:-, znači, u predlošku sa kojeg je prepisan već su se nalazile odrednice koje je Kovtun označila sa 37a-ž, a kojih u ruskim prepisima nema.

Osim tih crta koje Kovtun (Ковтун 1963, 187–188) navodi kao karakteristične za prepis IX H 23³ možemo zapaziti sledeće zajedničke osobine srpskih prepisa:

U ruskim rukopisima nomenklaturne reči od objašnjenja obično dele crvena slova -Т- (često zaokružena) između dveju tačaka, a u srpskim rukopisima ih nema.

Odrednice od 7. do 10. su u srpskim prepisima sažete na isti pogrešan način: posle **тРОБА** (ovako u sva tri prepisa, umesto **тРҮБА**) ispušteno je njeno objašnjenje kao i čitava osma odrednica, a kao njen deo dolazi reč **сѢВЕРЪ**, i onda reč **ВѢСТОКЪ** od objašnjenja postaje nomenklatura reč koja se tumači kao **сѢВѢНЪ, ПОТОРИШЕ**. Dakle, gubi se smisao ovih odrednica.

Treba još napomenuti pisanje dveju reči koje se u srpskim prepisima znatno razlikuju od njihovih oblika u ruskim tekstovima. To su od. 19. **ааонаи**, u ruskim prepisima uvek sa tri **а**: **аааонаи**, i od. 30. **ронаа**, u ruskim prepisima **раманз**, **саманз**, **рамано**.

Između tekstova u IX H 23 i u Oct. Illyr. Serb. 1 nema nikakvih tekstoloških razlika osim već spomenutih "rimskih reči". Oni se podudaraju čak i u upotrebi crvenih slova, što ima značaja pri deljenju na nomenklaturne reči i na objašnjenja.

Tekst u Patr. 343 na nekim mestima se neznatno razlikuje od teksta u IX H 23 i u Oct. Illyr. Serb. 1. Posle naslova nema običnog uvodnog **Ѧ** **НАУЕТЬ СЕ**; u od. 2. umesto **А Г҃СЛИ** nalazimo **҃ Г҃С'ЛИ**; u od. 20/a stoji **ПОМАЗАѦНИКЪ**, dok je kod Hristofora Račanina **ПОМАЗАНИКЪ**(Ь); u od. 24. nalazimo **АЛЛИЛ҃҃ГІА** a kod Hristofora Račanina **АЛЛИЛ҃҃ІА**; u od. 37/d

³ Potrebno je napomenuti da u navedenom delu Kovtun odrednice 24a nema ni u IX H 23 ni u drugim srpskim prepisima: to je verovatno štamparska greška, up. nav. delo, str. 433.

umesto *исправленіе* piše *исправленіа*. U od. 35. verovatno se ogleda trag ruskog predloška sa takozvanim akanjem u širem smislu [-jъ-] umesto [-ja-]: *иъь от(ъ)ца иъици* umesto *ѣъици* od *ѣъици*.

Srpskim prepisima rečnika simbola iz Psaltira dodali smo i jedan za sada neobjavljen ruski prepis. On se nalazi u Narodnom muzeju u Pragu, u rukopisu pod signaturom IX C 17. Po opisu J. Vašica – J. Vajs (1957, 70–72, br. 20) rukopis je iz XVII–XVIII veka. Tekst rečnika simbola iz Psaltira u njemu se nalazi posebno, bez rečnika uz Lestvicu. Tekst nije potpun; prekida se kod odrednice 37, dakle, nema onih koje dolaze isključivo u srpskim prepisima (37a–ž), ali on ima odrednice 8. i 28, koje imaju svi ruski prepisi. Ovaj prepis je vredan pažnje jer ima prvi deo od odrednice 20. *Х(ристо)сз*, koje nema ni u jednom ruskom prepisu, ali dolazi u sva tri srpska prepisa sa objašnjenjem *помазаник(ъ)/ помазаникъ*. Ako pregledamo stare rečnike, videćemo da ova odrednica dolazi u nizu drugih rečnika koji imaju zajedničke odrednice i s rečnikom simbola iz Psaltira. Nalazimo ga u *Azbukovniku* s kraja XVI veka (Ковтун 1975, 309): od. 704: *Христось ·т· помазаныи*; u *Толкование именам по алфавиту* Maksima Greka, u rukopisu iz kraja XVI–XVII veka (Ковтун 1975, 330. i 348), I redakcija, od. 241. i 245, II redakcija, od. 255: *Христос(ъ) ·т· помазанз* i u *Azbukovniku Книга глаголемая алфавитъ*, u rukopisu iz XVII veka (Ковтун 1959, 273), od. 2146: *Х(ристо)сз, помазаникз*. Na osnovu podataka koje pružaju ruski azbukovnici, neizdati ruski prepis u rukopisu IX C 17 i tri srpska prepisa, možemo pretpostaviti da je spomenuta odrednica bila deo ne samo srpskih prepisa, već je verovatno dolazila i u jednom broju ruskih prepisa od kojih vode svoje poreklo srpski prepisi.

Uporedo štampane varijante teksta rečnika uz Lestvicu donosimo po IX H 23 i Patr. 343, a u napomeni dajemo podatke po Oct. Illyr. Serb. 1.

Rečnik simbola iz Psaltira donosimo prema Oct. Illyr. Serb. 1 i Patr. 343, a u napomeni dajemo podatke prema već objavljenom tekstu Lj.S. Kovtun u IX H 23. U dodatku objavljujemo ruski prepis po IX C 17.

Tekstove objavljujemo na isti način koji primenjuje Đorđe Trifunović

(1982, 82–85) štampajući tri srpska prepisa rečnika uz Lestvicu: nadredne znake izostavljamo, slova iznad reda spuštamo u red, skraćenice sa titlom razrešujemo pomoću polukružne zagrade, a bez title uglastom zagradom. Kinovarna slova (ne samo inicijalna) donosimo kao verzalna. Redni brojevi odrednica prate numeraciju Lj.S. Kovtun (Ковтун 1963, 421–435) i Đorđa Trifunovića. Primere iz teksta rečnika, ako to posebno ne označavamo, navodimo prema IX H 23 i prema Oct. Illyr. Serb. 1, a ruski tekst navodimo prema izdanju Lj.S. Kovtun.

LITERATURA

- Boškov, M. 1980a, b, 1981, Spis o padu Carigrada 1453. godine i srpski hronografi. *Književna istorija* XIII/49, 25–69; XIII/50, 183–231; XIII/51, 571–601, Beograd.
- Boškov, M. 1988, Hronografi i pisarska tradicija Račana. *Zbornik Matice srpske za književnost i jezik*, knj. 36, sv. 3, 367–394, Novi Sad.
- Grozdanović-Pajić, M. 1968, Novo datiranje srpskih ćirilskih rukopisa Šafarikove zbirke u Pragu. *Bibliotekar* XX, 449–460, Beograd.
- Nyomárkay, István – H. Tóth, Imre 1990, *Magyarországi szláv kéziratok (Slawische Handschriften in Ungarn)* I. Budapest.
- Srećković, P. 1892, Zbornik mitropolita Mihaila. *Spomenik Srpske kraljevske akademije* XV, 1–40, Beograd.
- Vašica, J. – Vajs, J. 1957, *Soupis staroslovanských rukopisů Národního muzea v Praze*. Praha.
- Trifunović, Đ. 1982, Rečnik uz srpske prepise Lestvice. *Južnoslovenski filolog*, 79–87, Beograd.
- Ковтун, Л.С. 1959, *Азбуковники XVI–XVII вв. (старшая разновидность)*. Ленинград.
- Ковтун, Л.С. 1963, *Русская лексикография эпохи средневековья*. Москва–Ленинград.
- Ковтун, Л.С. 1975, *Лексикография Московской Руси XVI – начала XVII вв.* Ленинград.
- Ковтун, Л.С. 1977, *Древние словари как источники русской исторической лексикологии*. Ленинград.

ТЕКСТОВИ

I: Rečnik uz Lestvicu

Prag, Narodni muzej, Šafarikova
zbirka, rukopis br. IX H 23 (Š 26)

ТЛЗКОВАНІЕ НЕОУДОБ(Ь)
ПОЗНАВАЕМЫМ[Ь].
ВЗ ПИСАНЫХЪ РѢУЕМ[Ь].
ПОНІЕЖ[Е] ПОЛОЖЕНИ
СОУТ[Ь] РѢУИ ВЗ КНИГАХ[Ь]
УТ[Ь] НАУЕЛНЫХ[Ь]
ПРѢВОДНИКЪ-ОВО
СЛОВЕНСКИ, И ИНО
СРЗЕ(Ь)СКИ-И ДРУГАА
БЛЗГАР(Ь)СКИ-И
ГР(Е)УЗСКИ-И ИХЖЕ
НЕ УДОВЛИШЕ СЕ
ПРѢЛОЖИТИ НА РУСКИ-И.

1. КОУДЪ ПРОИЗВОЛЕНІЕ.
2. ВАС'НЬ, МНЮ. (3)ПР(И)С(Ь)НО
3. КАУСТВО-(4)ЕС(ТЬ)СТВО,
КАКОВОУХЪ ЕСТЬ.
4. КОЛИУСТВО, МѢРА ЕСТ[Ь].
5. СВѢНІЕ, КРОМѢ.
6. СВОИСТВО, КТО ИМАТ[Ь]
УТО ОСОБНО.
7. ТРИЗНА, СТРАД[А]Л[Ь]СТВО,
И ПОДВИГЪ.
/а. ТРИТЕЗА, ПОДВИЗАНІЕ.
/б. — —
/в. — —
8. СКЪТАНІЕ, СПРѢТАНІЕ,
И СЪХРАНЕНІЕ.
9. ПО СТРОЮ,
ПО СЪМОТРЕНІЮ.

Beograd, Patriaršijska biblioteka,
rukopis br. 343

ТЛКОВАНИЕ НѢУДОБЬ
ПОЗНАВАЕМИМ[Ь] РѢУЕМЬ
ВЗ ПИСАНИ(!)
ПОНІЕЖЕ ПОЛОЖЕНИ
СХТЬ РѢУИ ВЗ КНИГАХ[Ь]
УТ[Ь] НАѢЛНИХ[Ь](!)
ПРОВОД[Ь]НИК (!) ОВО
СЛОВЕН(Ь)СКИ ИНО
СР(Ь)БЬСКИ ДРУГАА
БЛГАР(Ь)СКИ-И
ГРЬУАСКИ-ИХЖЕ
НѢ УДОВЛИШЕ СЕ
ПРѢДЛОЖИТИ НА СЛОВѢНСКИХ(!):—
ПРВОЕ ГЛ[АГОЛ]ІЕТ[Ь].

1. — —
2. ВАСНЬ МНЮ(3)ПРИСНО
ВАСЕГДА
3. — (4)ЕС(ТЬ)СТВО
КАКОВОУХЪ ЕСТЬ.
4. КОЛИУСТВО МѢРА ЕСТ[Ь]:—
5. СВѢНЕНЕ КРОМѢ
6. СВОИН(Ь)СТВО КТО ИМАТ[Ь]
ТО ОСОБНО
7. ТРИЗНА-СТРАД[А]ЛЬСТВО
И ПОДВИГЪ
/а. ТРИТЕЗА ПОДВИЗАНІЕ
/б. — —
/в. — —
8. СКЪТАНИЕ СПРѢТАНИЕ
И СЪХРАНЕНІЕ:
9. ПО СТРОЮ
ПОС МОТРЕНІЮ (!)

10. ОБАВЛЕНІЕ, НАВЛЕНІЕ.
/а. — —
11. АШѸТЬ, ТОУНІЕ,
РЕКШЕ АДОМ[Ь].
12. ЦѢЩА, РАДИ.
13. ОУЗРОКЪ, ВИНА.
14. ХУДОЖЬСТВО, ХИТРОСТЬ.
15. СТРЕМЬ, ПРАВО.
СЗВРЪШЕНѢ, ПОИСТИНѢ.
16. НЕПШЮ, МНЮ
17. — —
18. ТАИМИУЩЕ, КОПИЛИУЩЕ,
ИЖЕ НЕ УТ[Ь] ЗАКОНІЕ ЖЕНЫ
ОТРОУЕ.
19. ОТВРЪНЬ, УПАКИ.
20. БѢГҮН[Ь], ХОДЦ[Ь].
21. СМРҮЪ, ПІАВИЦА.
ОБЛАКЪ АЗЖАЕВ[Ь]НЬ
ИЖЕ ВОДҮ УТ[Ь] МОРА
ВЗЗИМАЕТ[Ь] ИАКО ВЗ ГҮЕҮ,
И ПАКЫ ПРОЛИВАЕТЪ НА
ЗҢМЛЮ.
22. УТРОД[Ь], ПОРОД[Ь].
СѢМЕ, ИСУЕДИЕ.
23. УПОСТАСЬ, СЗСТАВЬ.
24. ОМОУСІА, ЕДИНОСҮШЬСТВО.
25. ПОӨЕСЬ, ВЕЩЬ.
26. ТѢЗЬ, ЕДИНО.
27. КРОМЬСТВО, СВѢНСТВО.
28. НАУААХЪ, НАДѢАХ СЕ.
29. ЖОУПЕЛЬ, СЕРА.
30. СЗГРѢСТИВШЕ СЕ,
СМѢСИВШЕ СЕ.
31. ПРѢЛАГАТАИ, СЗХОДНИЦИ.
32. ДОБЛІЕСТЬ, КРѢПОСТЬ,
МҮЖЬСТВО,
33. — ЛҮКАВ'СТВО

10. ОБАВЛЕНІЕ НАВЛЕНІЕ
/а. — —
11. АШУТ[Ь] ТУНІЕ
РЕКШЕ АДОВАНО
12. ЦѢЩА. РАДИИ
13. УЗРОК(Ь) ВИНА
14. ХУДОЖАСТВО ХИТРОСТЬ
15. СТРЕМЬ ПРАВО
САВРЪШЕННѢ —
16. НЕПШЮ МНЮ
17. — —
18. ТАИМИУЩЕ. КОПИЛИУЩЕ
ИЖЕ НЕ УТ[Ь] ЗАКОНІЕ ЖЕНИ
ОТРОУЕ
19. УТВРЪНЬ УПАКИ.
20. БѢГҮН[Ь] ХОДАЦ
21. СМРҮЪ. ПИАВИЦА
ОБЛАК[Ь] АЗЖАЕВ[Ь]НЬ
ИЖЕ ВОДҮ УТ[Ь] МОРА
ВАЗИМАЕТЪ ИАКО ВА ГҮЕҮ.
И ПАКИ ПРОЛИВАЕТЪ. НА
ЗҢМЛЮ
22. УТРОД[Ь] ПОРОД[Ь]
СЕМѢ ИСУЕДИЕ
23. УПОСТАСЬ. САСТАВЬ
24. ОМОУСИА ЕДИНО СҮШЬСТВО
25. ПОӨЕС(Ь) ВѢЩЬ
26. ТѢЗЬ ЕДИНО
27. КРОМ(Ь)СТВО СВѢН(Ь)СТВО
28. НАУААХ[Ь] НАДѢАХ СЕ
29. ЖҮПЕЛЬ СЕРА
30. САГР(Ѣ)СТИВШЕ СЕ
СМѢСИВШЕ СЕ
31. ПРѢЛАГАТАИ САХОД[Ь]НИЦИ
32. ДОБЛІЕСТЬ КРѢПОСТЬ
МҮЖ(Ь)СТВО
33. — ЛҮКАВ(Ь)СТВО

34. Нафаа, смѣшеніе,
лои, и смола, и воскъ,
сз смрѣѣшим[ь] каменіемъ.
35. — —
36. Поѣзаніе, поколѣбаніе.
37. Кѣеніе, выкорѣвѣ(!)
славы ради.
/а. — —
38. Проких[ь], проуих[ь].
/а. — —
39. Ген'зе, диши се.
40. Бованіе, дрѣзновеніе.
41. Прослѣтѣ, стеженіе.
42. Жопища, гробища.
43. Прѣзь, урѣсь.
44. Прѣуресіе, прѣзрѣніе.
45. Поушеніе, срамныи оудъ.
46. Бохма, вѣсма.
47. Сзпроста, шт(ь)нюд[ь].
48. Хуухнаніе, рѣпаніе
хѣльное.
49. Гаданіе,
сзкрѣвен[з] глаголь.
50. Рѣснотивіе, истинно.
51. Поуверзѣніе, оумилѣніе.
52. Фаліа,
прѣтѣ фѣниково.
53. Милотар[ь], кожа швуда
54. Сзсѣжденіе, смѣшеніе.
55. Сѣетно, кромѣ потрѣби
нѣкое, бѣвѣемое
прѣдз[ь]но, ѣко ише оуѣо
ѣс[ть], вѣшже нѣс[ть].
56. Бесловеснѣ, кромѣ
слова нѣкотораго и вини.
57. Низъ плѣжно, смѣреннѣ,
и малогласнѣ.

34. нафаа смѣшеніе
лои и смола и восакъ
са смрѣѣшимъ каменіемъ
35. — —
36. ПОѢЗАНІЕ· ПОКОЛѢБАНІЮ
37. кѣѣніе високо рѣвѣ·
или похвалѣніе слави ради
/а. — —
38. ПРОКИХ[Ь] ПРОУИХ[Ь]
/а. — —
39. ГЕНЗѢ ДИШИ СЕ
40. БОВАНІЕ ДРѢЗНОВѢНІЕ
41. ПРОСЛѢТІЕ СТѢЖЕНІЕ
42. ЖѢПИЩА· ГРОБИЩА
43. прѣзь урѣсь
44. прѣурЕСІЕ прѣЗРѢНІЕ
45. по ушѣніе срамни удъ
46. БОХМА ВАСМА
47. САПРОСТА· ШТНУДЪ·
48. ХУХНАНІЕ РѢПАНІЕ
хѣльное·
49. ГАДАНІЕ
САКРѢВѢНЬ ГЛА(АГОЛ)Ь
50. РѢСНОТИВІЕ ИСТИННО
51. ПОУВРѢЗѢНІЕ УМИЛѢНІЕ·
52. ФАЛИНА·
прѣтіе финиково
53. МИЛОТАР[Ь] КОЖА ОВУДА
54. САСѢЖДЕНІЕ СМѢШЕНІЕ
55. сѣетно кромѣ· потрѣби
нѣкое бѣвѣемо
прѣдз[ь]но· — — —
— — —
56. БЕСЛОВѢС(Ь)НІЕ КРОМѢ·
СЛОВА НѢКОТОРАГО И ВИНІ·
57. ПЛЕЖНО НИЗЪ СМѢРЕНІЕ
и мало ГЛА(А)СНѢ

58. Самолюбїе, еже кз тѣлѹ
страсть, и оугоднаа томѹ.

59. Великоуш'нь ѿс(тъ),
иже на вѣсакѹ скрѣбѣ
приражающѹ се, могым
понести.

60. А(оу)шевнымъ блѹд[ъ]
ересѣ, и неустїе.
/а. Балство
прѣзд[ъ]нохожденїе:—
/б. — —

58. самолюбїе еже ка тѣлѹ
страсть и ѹгоднаа томѹ

59. вѣлико(оу)ш(ъ)нь
иже ѿс(тъ) на вѣсакѹ скрѣбѣ,
приражающѹ (!) се могым.
понести

60. А(оу)шев[ъ]нымъ блѹд[ъ]
ерес(ъ) и неустїе
/а. бал(ъ)ство
прѣзд[ъ]нохожденїе:—
/б. — —

Напомена: Odrednica 32, 33. i 41.
нема у Oct. Illyr. Serb. 1.

II: Rečnik simbola iz Psaltira

Budimpešta, Sečenjijeva bibliote-
ka, rukopis br. Oct. Illyr. Serb. 1

ДРУГОЕ ТЛЗКОВАНІЕ О
НЕРАЗУМѢЮЩИХ[Ъ]
СЛОВЕСЕХ[Ъ]

·Ѧ· НАУЕТЬ СЕ

УАЛТИРЬ КРАСНЬ СЗ Г҃УСЛЬМИ,

1. УАЛТИРЬ ІЕС(ТЬ) ОУМЬ,

2. А Г҃УСЛИ СОУТЬ МЫСЛИ ·

3. СТ҃УНИ, ПРЗСТИ ·

4. ОРГАНЬ, ДОУМА ДОБРА ·

5. ТУМПАН[Ъ], ОБРАЗ[Ъ] ·

6. ТУМБАНЬ, ГЛАСЬ ·

7. ТРОБА(!) —

/а. — —

8. — —

9. СѢВЕРЗ-ВЗСТОК(Ь),

10. СІОНЬ, ПОЗОРИЩЕ ·

11. Р҃УГЬ, КРѢПОСТЬ ·

12. СТЕПЕННА, ПѢСНЬ ВЫСОКА ·

13. УТРОЦИ, УСТРОВИ ·

14. ОЛТАРЬ, ТОУИЛО ·

15. ВОСОРЬ, ПЛЗТЬ ·

16. ХАНАУН[Ъ], РАЗУМ[Ъ] ·

17. ЕРИХОНЬ, СЗХОЖДЕНІЕ ·

18. ЕДЕМЬ, ПИЩА РАЙСКА ·

19. АДОНаи, Г(ОСПОД)Ь ·

/а. ЕЛОИ, Б(ОГ)Ь ·

20. І(СОВ)С(Ь), С(З)П(А)СЬ ·

/а. Х(РИ)С(ТОСЬ),

ПОМАЗАНИК(Ь) ·

21. САВАУФ, СИЛА ·

22. ХЕР҃УВИМЬ, ПРѢМУДРОС(ТЬ) ·

23. СЕРАФИМЬ, А(ОВ)ХЬ ·

24. АЛЛИЛУІА, ПОИТЕ ·

/а. — —

Beograd, Patriaršijska biblioteka,
rukopis br. 343

ДРУГОЕ ТЛКОВАНИЕ О
НЕРАЗУМѢЮЩИХ[Ъ]
СЛОВѢСЕХ[Ъ] ·

— —

УАЛТИРЬ · КРАСНЬ СА Г҃УСЛЬМИ ·

1. УАЛТИРЬ ІЕС(ТЬ) УМЬ

2. У Г҃УСЛИ С҃УТЬ · МИСЛИ

3. СТ҃УНИ ПР(Ь)СТИ

4. ОРГАН[Ъ] ДУМА ДОБРА

5. ТИМПАН[Ъ] ОБРАЗЬ

6. ТИМБАН[Ъ] ГЛ(А)СЬ

7. ТРОБА(!) —

/а. — —

8. — —

9. СЕВѢРЬ ВЗСТОКЬ

10. СИОНЬ ПОЗОРИЩЕ

11. РОГЬ КРѢПОСТЬ

12. СѢПЕННА ПЕСНЬ ВИСОКА

13. УТРОЦИ ОСТРОВИ

14. ОЛТАР(Ь) ТОУИЛО

15. ВОСОРЬ ПЛТЬ ·

16. ХАНАУН[Ъ] РАЗУМЬ

17. ЕРИХОНЬ СЗХОЖДЕНІЕ

18. ЕДЕМЬ ПИЩА РАЙСКА

19. АДОНаи Г(ОСПОД)Ь

/а. ЕЛОИ Б(ОГ)Ь ·

20. І(СОВ)С(Ь) С(З)П(А)СЬ ·

/а. Х(РИ)С(ТОСЬ)

ПОМАЗАНИИКИ

21. САВАУФ СИЛА

22. ХЕР҃УВИМЬ ПРѢМУ[ОВ]ДРОСТЬ

23. СѢРАФИМЬ А(ОВ)ХЬ

24. АЛЛИЛУГІА ПОИТЕ

/а. — —

25. СМѢРНА, НЕИСТЛѢНІЕ
 26. СТАКТА, ЗАРА
 27. КАСІА, БЛ(А)ГОУХАНІЕ
 28. — —
 /а. — —
 29. РАМА, ВЫСОКО
 30. СИКУМА, РОМАНА
 31. ГАЛААДЪ, ПРѢСЕЛЕНІЕ
 32. ИДУМЪИ, ИСУВЪЗЮЩИ
 33. КУДАРЬ, МРАКЪ
 34. ХРИЗМА ПОМАЗАНІЕ
 35. МОАВИТИ,
 ИЗЪ О[ТЬ]ЦА ВЪЗЫЦИ
 36. ТАРСИ, Ц(А)РСТВО РИМСКОЕ
 37. ІЕР(ОУ)С(А)ЛІМЪ,
 ОБѢТОВАНІЕ
 /а. ИЛЬ, Б(ОГ)Ъ
 /б. ЕММАНУИЛЬ, С НАМИ
 Б(ОГ)Ъ
 /в. МАРАНАѢА,
 Г(ОСПОД)Ъ ПРІИДЕ
 /г. АНАѢМА,
 ШТЛВУЕНІЕ ШТ[Ъ] Б[ОГ]А
 /д. ДОГМАТЬ, ИСПРАВЛЕНІЕ
 /е. СХИЗМА, РАСПРА, И
 РАЗДОРЪ, И ШТСТЪПЛЕНІЕ
 /џ. АПОСТАТЬ, ШТСТЪПНИК(Ъ) ·

25. СМІРНА НІІСТЛІЕНІЕ
 26. СТАКТА ЗАРА
 27. КАСІА БЛ(А)ГОУХАНІЕ
 28. — —
 /а. — —
 29. РАМА ВИСОКО
 30. СИКИМА РОМАНА
 31. ГАЛААДЪ ПРѢСЕЛІЕНІЕ
 32. ИДУМЕИ ИСТЪЗЮЩИ(!)
 33. КИДАРЬ МРАКЪ
 34. ХРИЗМА ПОМАЗАНІЕ
 35. МОАВИТИ
 ИЗЪ ОТ(Ь)ЦА ИЗЫЦИ
 36. ТАРСИ Ц(А)РСТВО РИМ(Ь)СКОЕ
 37. ІЕР(ОУ)С(А)Л(И)МЪ
 ОБѢТОВАНИЕ
 /а. ИЛЬ Б(ОГ)Ъ
 /б. ЕММАНУИЛЬ С НАМИ
 Б(ОГ)Ъ
 /в. МАРАНАѢА
 Г(ОСПОД)Ъ ПРИ[И]ДЕ
 /г. АНАѢМА
 ШТЛВУѢНІЕ ШТ[Ъ] Б(ОГ)А
 /д. ДОГМАТИ ИСПРАВЛІЕНІНА(!)
 /е. СХИЗМА РАСПРА И
 РАЗДОРЪ И ШТСТЪПЛЕНІЕ
 /џ. АПОСТАТ[Ъ] ШТСТЪПНИКЪ:—
 СИА ДОЗ[Ъ]ДЕ ОБРѢТОХ[Ъ] И ТАКО
 И УПИСАХ[Ъ]:.

Напомена: У рукопису IX Н 23
 касније dodato:

римские рѣчи
 /з. ЛЕГІОН[Ъ],
 избраннымъ ратници:
 /і. патрикїе,

ω(ть)ци и промыслитѣлне·
 /k. кѣсторъ, сѣхраникъ·
 /l. кѣстори, сѣхраници:
 латин'ски, трѣвни,
 тисѣшондвелници:
 рим[ь]скыи,
 сѣнмондвелниц[и]:
 впаты,
 тисѣшондвел[ь]ници

Dodatak: ruski prepis iz
 XVII–XVIII veka, Prag, Narodni
 muzej, rukopis br. IX C 17.

О неразѣмных[ь] словесѣх[ь]
 наунется

псалтырь[ь] красен[ь] з гѣсльми

1. Т·ѡалзтырь красен[ъ]

2. гѣсли ·Т· мысли

3. стрѣны ·Т· перстз

4. орган[ь] ·Т· дѣма добраа·

5. тимпан[ъ] ·Т· обраѣз·

6. тиман[ъ](!) ·Т· глас(ъ)

7. трѣба ·Т· горло

/а. — —

8. исполин[ъ] ·Т· силенз·

9. сиверъ ·Т· восток[ъ]·

10. сѣонз ·Т· позорище·

11. роу(ъ) ·Т· крѣпость

12. степенна толкованіе пѣснь
 високаа·

13. отоцы остроуи

14. олтарь ·Т· тоуило·

15. восор[ъ] ·Т· плот[ь]·

16. ханаон[ъ] ·Т· раѣмз·

17. ерихонз ·Т· сѡжденіе·

18. едем[ъ] ·Т· пища райскаа·

19. аданан г(оспод)ь·

/а. елои ·Т· б(о)гъ

20. и(сѡу)с(ъ) ·Т· с(ъ)п(а)сѣ

/а. х(ри)с(тосъ) —

21. саваоф[ъ] ·Т· сила·

22. херѣвим(ъ) ·Т·

прем[ѡу]дрость·

23. серафимъ ·Т· д(ѡу)хъ·

24. аллилѡи ·Т· поите

/а. — —

25. змиѡна ·Т· нетлѣніе·

26. стакта ·Т· зарѣ

27. касіа ·Т· бл(а)гоѡуханіе·

28. ииль ·Т· зѣан г(оспод)а

/а. — —

29. раліа(!) ·Т· високо·

30. кисима(!) ·Т· рама(!)

31. галаадъ ·Т· преселеніе·

32. идѣми ·Т· исѡеѣюще·

33. кидар[ъ] ·Т· мракъ·

34. хризма ·Т· помаѣаніе·

35. моавити ·Т· иѣ[ъ] ѡт[ь]ца
 ѣзыцы·

36. тарси ·Т· ц(а)рство

рим[ь]ское

37. іер(ѡу)с(а)лимъ ·Т·

ѡбѣтованіе·

К ИСТОРИИ ДВУХ СЛАВЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ (*GEREZD*, *MÁZSA*)

Михай Кочиш

(Kocsis Mihály, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Этимологии заимствованных слов языка часто модифицируются вследствие появления новых словарей языков, контактировавшихся с ним (т.е. с языком) в разные эпохи его истории, особенно тогда, когда эти словари носят исторический характер. Нередко случается также, что новые данные дополняют ранние этимологии, подтверждая или доказывая до сих пор гипотетические в них элементы.

Целью настоящей работы является просмотр этимологии двух, заимствованных из славянского, венгерских слов в зеркале сведений, полученных по словарям русского и украинского языков, вышедшем в свет в последнее время.

По письменным памятникам венгерского языка нам известны следующие старые значения слова *gerezd*:

1. 'виноградная кисть; Weintraube' (около 1395 г.);
2. 'позвонок; Wirbel(bein)' (1590 г.);
3. 'долька, ломтик; Schnittchen, Spaltchen, Zehe (des Knoblauches usw.)' (1604 г.).

Остальные значения слова документированы не ранее XIX века.

По историко-этимологическому словарю венгерского языка слово *gerezd* является славянским заимствованием. Его источником (в 1-ом и 3-ем значениях) служили две, этимологически связанные, славянские формы. Следовательно, из этой последней образовались все – за исключением 1-ого – значения слова. Исследованное слово в его 1-ом значении происходит, вероятнее всего, из южнославянской формы **grezdъ* или **grozdъ* 'виноградная кисть', но, что

касается формы **grozdъ*, появление в ней секундарного венгерского звука [e] требует дополнительных объяснений (TESz 1967, 1051).

Словом *gerezd* обстоятельно занимался и крупный знаток славянских заимствований в венгерском языке Иштван Книежа. По его мнению, *gerezd* в значениях, отличающихся от 'виноградной кисти', является отдельным, самостоятельным словом, славянское происхождение которого подлежит сомнению. Об источнике же слова *gerezd* в значении 'виноградная кисть' он пишет следующее: "Звуковая форма венгерского слова была бы легче всего разрешима на основе славянского варианта **grezdъ*. Однако, подобная форма, сколько бы она ни была понятной, в действительности не существует" (перевод мой – М.К.). И. Книежа добавляет еще, что А.Г. Преображенский в своем этимологическом словаре упоминает также о церковнославянской форме *грездъ*, но без указания источника (Kniezsa 1974, 193). Здесь мы должны уточнить: на указанной у И. Книежи странице словаря А.Г. Преображенского форму *грездъ* мы читаем в числе форм старославянских к заглавному слову *гроздъ* (Преображенский 1959, 159), так же, как и в изданном по смерти венгерского слависта этимологическом словаре под редакцией Н.М. Шанского (1973, 175) – но и у него без названия источника.

Заслуживает внимания и тот факт, что историко-этимологический словарь венгерского языка упоминает о современных болгарских диалектных формах *грезд* и *грездя* (TESz 1967, 1052). Однако, документирование по письменным памятникам слова *грездъ*, до последнего времени, кажется, отсутствовало.

Наконец, СлРЯ XI–XVII вв. содержит отдельную статью под заглавным словом *грездъ* (*грьздъ*), *грезднъ*. Значение данного слова до XVII века: 'гроздь, кисть плодов, плод'. Древнейший пример относится к XII–XIII вв. и читается в Успенском сборнике: *И въшьдши въ виноградъ жены Феогностовы утърже грездъ* (СлРЯ XI–XVII вв. 1977, 128). Приведенный этим словарем материал, с нашей точки зрения, является не менее ценным, чем единственная форма *грьздъ* под заглавным словом *гроздъ* в пражском словаре старославянского языка, поскольку эта последняя относится к XIII

веку и также к восточнославянской языковой территории (Slovník 1966, 436).

Таким образом, гипотезу И. Книежи мы можем считать доказанной: предположенная им исходная для венгерского заимствования форма **grezdъ* в славянских языках существовала на самом деле, она обоснована документами.

Слово *mázsa*, с исторической точки зрения, обладает следующими значениями:

1. 'Сотня употребительной весовой единицы (сегодня: килограмм)' (1255 г.);
2. 'Большая грузовая подвода' (1255 г.);
3. 'Мера жидкости, прибл. 72 кубка' (1667 г.);
4. 'Весы для измерения больших грузов' (1781 г.);
5. 'Год как единица времени в установлении наказания' (1888г.).

Происхождение слова является спорным. Часть ученых производит его от латинского *massa* 'масса, куча', но соответствие латинского звука [šš] венгерскому [ž] необычно. Согласно этой гипотезе, 1-ое значение представляет собой первичное, а остальные развились из него (за исключением 5-ого значения, свидетельствующего о влиянии немецкого аргю).

По другому мнению, данное слово – восточнославянского происхождения и связано с украинским и русским *мажа* 'повозка, запряженная волами', однако, оно пока не имеет древнего документирования. Это предположение основывается на первичности 2-ого значения (TESz 1970, 868).

Несостоятельность объяснения заимствования венгерского слова от латинского, по И. Книеже, доказывается следующими фактами:

1. В латиноязычных грамотах перед словом обычно читается выражение *vulgo, vulgariter*, указывающее на то обстоятельство, что писцы считали его нелатинским (т.е. венгерским).

2. Употребление слова наблюдается по всей тогдашней территории венгерского государства, т.е. оно должно было быть обы-

денным (а не словом местного характера или слоя латинской культуры).

3. Венгерское *mázsa* не может быть объяснимым от латинского *massa* также по фонетическим причинам (об этом см. выше).

По изложению всех этих аргументов внимание И. Книежи обращается на восток. Он констатирует, что исследованное слово у восточных славян является общераспространенным. С начала XVII в. украинское *мажа* 'тяжелая грузовая повозка, запряженная волами, на которой возчики, называемые чумаками, возят в Крым и на Дон зерно, а на обратном пути соль и рыбу' с помощью польских писателей восточного происхождения попало и в польский литературный язык. Однако, то обстоятельство, что у этого слова нет более ранних документирований в восточнославянских источниках, вызывает затруднения, хотя венгерское *mázsa* 'грузовая подводка' и украинское *мажа* 'тяжелая грузовая повозка' являются, бесспорно, друг от друга неотделимыми, по тождественности не только звукового облика, но и значения. (Тем более, что венгерское слово сначала относилось, подобно украинскому, к рыбному грузу.)

В отношении происхождения украинского *мажа* И. Книежа излагает два мнения.

Согласно первой гипотезе, украинское слово происходит от русского и украинского *мажара*, *можара* 'легкая повозка' (об этимологии этих последних см. Фасмер 1986, 557) путем отпада суффикса *-ра*, казавшегося увеличительным. Однако, значение приведенных слов противоречит этой теории: в украинском языке *мажа* обозначает тяжелую повозку, а *мажара* – легкую.

По другому предположению, мы имеем дело с продолжением гипотетического праславянского **tag-ja*, таящегося в таких современных словах, как русские диалектные *каламага*, *калымага* 'свадебная телега', украинское *колимага* 'тяжелая грузовая подводка' и др. Слова подобного звучания и значения встречаются преимущественно в восточно- и западнославянских языках (Kniezsa 1963, 206–210).

Таким образом, И. Книежей отвергается объяснение венгерского *mázsa* от латинского языка, и заимствование от восточных славян считается более вероятным. Но проблемой для него является тот факт, что данное слово доказуемо по памятникам восточнославянских языков не ранее XVII века, между тем, как венгерский язык знает его, по крайней мере, с XIII века.

СлРЯ XI–XVII вв. приводит древнейший пример к слову *мажа* в значении 'большой воз (в который запрягаются волы)' от 1667 г., т.е также от XVII века: *Да бочкарного заводу: 2 тесника, 2 топора... 8 телег, четверы сани, 20 маж, что золу возят* (СлРЯ XI–XVII вв. 1982, 8).

Украинские грамоты XV века, однако, 11 раз содержат слово *мажа* 'великий купецкий віз, запряжений волами'. Все документы написаны на территории Молдавского княжества. Древнейший пример относится к 1446 г.: *И дали ёсми том(оу) монастирю на каждое лѣто по(д) ѿ мажи рибоу о(т) келїи* (ССУМ 1977, 570).

Подобные примеры, читающиеся в письменных памятниках украинского языка XV века, подтверждают предположение И. Книежи о том, что венгерское *mázsa* заимствовано у восточных славян, а именно из древнерусских диалектов будущего украинского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Преображенский, А.Г. 1959, *Этимологический словарь русского языка* I. Москва.
 СлРЯ XI–XVII вв. = *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 4, вып. 9. 1977, 1982, Москва.
 ССУМ = *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* I. 1977, Київ.
 Фасмер, М. 1986, *Этимологический словарь русского языка* II. Москва, 2-ое изд.
 Шанский, Н.М. 1973, *Этимологический словарь русского языка* I, вып. 5. Москва.
 Kniezsa I. 1963, Teher, *mázsa. Nyelvtudományi Értekezések 40. sz.* Budapest, 201–210.
 Kniezsa I. 1974, *A magyar nyelv szláv jövevényszavai* I. Budapest, 2. kiadás.
 Slovník = *Slovník jazyka staroslověnského* I. 1966, Praha.
 TESz = *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára* I–III. 1967–1976, Budapest.

ЗНАМЕННАЯ ЗАПИСЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Эстер Месарош

(Mészáros Eszter, Berzsenyi Dániel Tanárképző Főiskola, Idegen Nyelvi Lektorátus
H-9700 Szombathely, Károlyi Gáspár tér 4.)

При изучении музыкального письма необходимо обратить внимание на сходства и различия нотации западной и восточной ветвей литургической музыки. Одновременно с принятием христианства вырабатывались основные знаки для оформления нотных рукописей. На Западе ими являлись различные формы невматического фиксирования (см. таблицу форм различных нотаций Западной Европы до XIII в. у Б. Раецкого (1981, 92–93)). Основными центрами этой нотации в начале VI века н.э. были итальянские, испанские и немецкие музыкальные школы. Западные клирошане пользовались невматическими знаками до XII века, потом появились мензурочные знаки и с XVI века употребляется уже линейная нотация.

На Руси палеографический процесс музыкального письма совершился другим путем. Распространенным методом нотирования являлась знаменная запись. От византийского метода фиксирования русские клирошане приняли основные знаки, которые отличались от западного григорианского письма. Уже в Остромировом евангелии встречаются два строчных знака: крест + (крыж) и апостроф 3. Первые знаки, сопровождавшие евангельский текст и предписывавшие определенные приемы передачи его голосом при рецитации евангелия, назывались экфонетическими знаками. Эта особая нотация являлась прототипом, для дальнейшего развития русских певческих знаков (знамен). Одним из ранних славянских памятников, сохранившим нотированный знаменной нотацией напев богослужебного текста, является "Стихирарь" на пергаменте 1422 г., псковского происхождения, которая хранится в собрании Погодина, № 45. ГПБ.

При сравнении сборников церковных песен могут быть

выделены разновидности знамен, которые отличаются по местным традициям и знаниям местных роспевщиков. Систематизирование, расшифровка знамен, реконструирование первоначального звучания литургического песнопения самого раннего периода (с II до XVI веков) требует кропотливой исследовательской работы и глубоких палеографических, музыкально-теоретических знаний.

Знаменная запись – это безлинейная форма музыкального письма – появилась в начале II века нашей эры, она переняла некоторые внешние особенности византийской невматической музыкальной записи и фиксировала мелодику религиозного богослужения, текст литургической музыки, способ исполнения. Музыка была вокальная, без инструментального сопровождения. Текст имел первостепенное значение: во время богослужения он передавал слово, т.е. слово Божие, Богословие, нравоучение, торжественное хваление Христа. Чтобы убеждать и укреплять людей в христианской вере, кроме проповедей и молитв, важнейшей составной частью христианского богослужения являлось песнопение. Музыка влияла на человеческие чувства, а текст песен, т.е. "слово" давал ясность, конкретизацию этому возвышенному чувству. Известно, что процесс возникновения шел параллельно с формированием первого межславянского литературного языка, именуемого обычно старославянским, и написанием богослужебных книг.

Типы знаменной системы:

1. столповая (столповое знамя) – основная система:
  - а) стихирарный тип, который находится в сборниках стихир,
  - б) ирмолойный тип, который находится в сборниках ирмологиев;
2. кондакарная (кондакарное знамя).

Позднее возникло демественное знаменное письмо, виды его: путевое, казанское, киевское (1750–). Киевское знамя является русской разновидностью линейной нотации.

Древнерусская система фиксации – знаменная запись – содержит в себе 50–70 основных знаков и множество их модификаций. Диапазон ограничивается 12-ю звуками (с "соли" большой октавы до "ре" первой октавы – это диапазон мужских голосов). В знаменной записи фиксировался основной, как правило, средний

ведущий голос ("cantus firmus"). Другие голоса не нотировались, т.к. в них импровизировались подголоски под влиянием народной музыки.

Наиболее употребительная группа крюков:

простой

мрачный

светлый

с облачком

два в челну

Много знамен в семействе стрел:

простая

мрачная

с подчашием

с сорочьей ножкой

громная

Третье крупное семейство – статьи:

простая

мрачная

светлая

закрытая

Некоторые знамена имеют одну-две модификации:

голубчик борзый (быстрый)

голубчик тихий (медленный)

Еще некоторые одиночки:

скамеица

змиица

мечик

С греческим названием (в них не употребляются знаки "фит"):

параклит

кулизма

хамила

Особое место занимает фиксация условными знаковыми формулами наиболее сложных и протяжных роспевов отдельных слогов. Два их вида: фиты (фитные начертания)¹ и лица (лицевые начертания). Лицевые начертания отличаются тем, что в них не употребляются знаки с этими формулами "фит". В древнерусской теории музыки фитные и лицевые начертания называются "тайнознаменными".

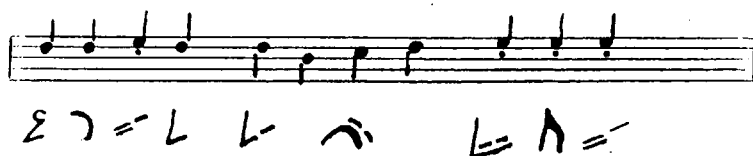
В первый период в знаменной строке преобладают речитативные знамена (стопицы , а потом расширяется использование многоступенчатых знамен (голубчика – 2 звука), стопицы с очком

¹ Фитниками называются теоретические сборники с этими формулами.

и переводки (L-L-- по 2 звука), змиицы (3-4 звука), различного вида стрел (2-4 звука) и других. И внешний вид записи изменяется, помогая точнее датировать время возникновения записи.

В конце XVI – начале XVII вв. в знаменной записи употребляли киноварные (красные) пометы с целью фиксации абсолютной высоты звуков. Новые виды знаменной системы (путевая, казанская) осложнили возможности обучения. В это время через Польшу, Украину и Западную Европу проникла более прогрессивная нотолинейная система. Сторонники знаменной системы искали формы ее сохранения. Александр Мезенец в 1668 году был последним реформатором письма (Смоленский 1888, 23-24). Но в последней четверти XVII века знаменная запись была окончательно вытеснена нотолинейной. "Ключ монаха Тихона Макарьевского" (конец XVII в. БЛ. ф. 379. № 3. л. 47) ввел двузнаменники, в которых мелодия излагалась одновременно двумя записями:

Его ноты являются для нас ключом интонационного содержания знаменной записи. Многие интонационные и певческие традиции из знаменной певческой культуры перешли в партесное многоголосие.

В 60-70-ых годах нашего столетия русские музыковеды, М.В. Бражников и его ученик, Г.А. Никишов кропотливой работой реконструировали некоторые образцы знаменной записи. Они продолжили следующую методику: согласия:

Значит: Слова *простой, светлый, мрачный* указывали на высоту звука, вернее на согласие в церковном звукоряде. Эти 4 согласия уже дают возможность для перевода-расшифровки на современную пятилинейную систему.

М.В. Бражников (1983) расшифровал стихиры Ф. Крестьянина (Христианина) XVI века, Г.А. Никишов продолжил и закончил его теоретическую расшифровку "азбуки" знаменной записи инок Христофора "Ключ знаменной" (Бражников-Никишов 1983). Как уже сказано выше, знаменная запись фиксировала только ведущий голос, т.е. средний. Параллельные подпевки звучали так, как и сейчас слышно в пении донских казаков. Это параллельное троезвучие по особенным своим интонационным оттенкам характерно только для русской народной и старинной литургической музыки.

ЛИТЕРАТУРА

- Бражников, М.В. 1983, *Федор Крестьянин. Стихиры*. Пуб., расшифр. и исслед. Стихира первая. Глас I. Москва.
- Бражников, М.В. – Никишов, Г.А. 1983, *Христофор. Ключ знаменной, 1604*. Пер. пуб. Москва.
- Раяцкий, Б. 1981, *Что такое григорианская музыка?* [на венгерском яз.] Будапешт.
- Смоленский, Ст. 1888, *Азбука знаменного пения старца А. Мезенца: Извещение о согласнейших пометах*. Казань.

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОЖНОГО БУДУЩЕГО I-ГО В РУССКОМ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.

Имре Х. Тот – Эдэн Хоргоши

(H. Tóth Imre, József Attila Tudományegyetem, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. – Horgosi Ödön, H-5100 Jászberény, Szövetkezet u. 5.)

В индоевропейском языке согласно данным литовского, греческого и индоиранских языков существовала синтетическая форма будущего времени, образованная формантом **-s-*, к которому был прибавлен элемент **io/*ie* (Erhardt 1989, 183). Следы этой синтетической формы сохранились русской редакцией древнеболгарского языка в причастиях **бѣшащ-**: **бѣшаще**, **бѣшаще** (Ван-Вейк 1957, 322). Характерной инновацией общеславянского языка было возникновение **аналитической системы** будущего времени у глаголов несовершенного вида. Взамен индоевропейского будущего времени в общеславянском языке возникли описательные конструкции для выражения будущего времени, которые хорошо представлены древнеболгарским языком. Первый тип был образован с помощью спрягаемых форм вспомогательных глаголов **имамъ**, **хошъ**, **научъ**, **взучъ**, к которым прибавлялась форма инфинитива (Vondrák 1912, 519). Второй тип образовался сочетанием глагола **бѣдѣ**, **бѣдѣши** с эловым причастием: **бѣдѣ шьлз**. Так как нас интересует первый тип описательного будущего, его второй тип в дальнейшем мы оставляем вне внимания.

В древнерусском языке первый тип описательного будущего времени образовался довольно своеобразно. Образование форм будущего времени делалось – как на это было указано Э. Кжижковой (Křížková 1960, 110, 111, 120, 127, 147) – с помощью **модальных и фазовых глаголов**. К модальным глаголам принадлежали глаголы **имамъ** и **хоучу**. Фазовыми являются глаголы **имочу**, **научочу**, **почуючу**, **оучуючу**, **заучуючу**, **станочу**. Своеобразной спецификой развития

будущего времени было проявление глагола **боуаоу** в функции вспомогательного глагола.

Наши данные свидетельствуют о том, что в древнерусском языке не было особых форм, с помощью которых можно выражать будущее время.

Большое разнообразие, "пестрота" возможностей образования сложного будущего I-го у глаголов несовершенного вида указывает на то, что в древнерусском языке не была полностью стабилизирована система будущего времени (Кузнецов 1953, 251). Главным недостатком конструкций со вспомогательными глаголами **хоуоу**, **науьноу**, **поуьноу**, **имоу** + инфинитив было то обстоятельство, что вспомогательные глаголы, употреблявшиеся и самостоятельно, в описательных конструкциях сохраняли свое основное лексическое значение, указывая на долженствование, начало, возможность глагольного действия. Иррадация основного лексического значения сделала эти конструкции многозначными. Полисемия вспомогательных глаголов – с течением времени – была вытеснена введением глагола **боуаоу** в функции вспомогательного глагола. Глагольные формы **боуаоу**, **боуаеши** и пр. были более нейтральными, т.к. они указывали только на совершение глагольного действия в будущем. В русском и белорусском языках стабилизация будущего, несомненно, связана с появлением конструкции **боуаоу** + инф. Однако вопрос появления, распространения интересующей нас конструкции на восточнославянской почве является довольно проблематичным.

Первое, несомненное употребление этой конструкции относится почти к концу XIV в.: **боудемз держат** (1388) в грамоте Корибута. Следующая по очереди форма находится в статуте 1529 г.: **будауть стояти**. Однако эти примеры относятся не к русской, а к западнорусской территории (Дурново 1924, 343). В старорусском переводе статуты Казимера Великого и Владислава Ягелло, который восходит к концу XIV или к началу XV в., будущее время выражено с помощью связки **будау**: **будае҃ чинити**, **будае҃ ховать**, **будауть бзѣти** (Vandas 1966, 50). Эти конструкции могут объясняться

польским влиянием. На великорусской, а точнее на московской почве самый ранний пример на употребление данной конструкции проявляется лишь в 1450 г. в послании митрополита Ионы: *а нѣтъ бѣдѣна отъ нихъ боронитъ закономъ божимъ*. У того же митрополита встречается и второй пример: *бѣдете каждаи по своему христьянствоу жити* (1455–1461). Только во второй половине XV в. эти конструкции начинают распространяться в дипломатической переписке (Křižková 1960, 175). Однако происхождение конструкции *буду + инф.* все же нельзя считать окончательно решенным вопросом. В 1952 г. проблема происхождения интересующей нас конструкции была поднята К. Рёзлером (Rösler 1952). Рёзлер выдвинул интересную гипотезу, согласно которой конструкцию *буду + инф.* следует отнести к влиянию немецкой описательной формы *werden + инф.* Она проявилась – как результат немецкого влияния – в западнославянских и восточнославянских языках, причем она частично проникла и в чакавские и в штоковские диалекты хорватского и сербского языков. К. Рёзлер установил также и хронологию возникновения новой конструкции в славянских языках. Новая конструкция в чешском языке проявляется уже к концу XIII в., в польском же – во второй половине XIV в. Проявление этой конструкции и в белорусском языке К. Рёзлер относит к XIV в. В украинском языке она встречается в XVI в. На великорусской почве новая конструкция распространяется в XVII в. (Křižková 1960, 173). Гипотезу К. Рёзлера разделяет и французский ученый Ф. Кокрон (Cocron 1962, 249). Чешский исследователь Э. Кжижкова подвергла основательной критике теорию К. Рёзлера, указывая на слабые стороны его теории. Она подчеркнула, что в западнославянских языках конструкция *буду + инф.* возникла самостоятельно, независимо от немецкого влияния. В развитии этих конструкций в немецком и славянских языках она видит параллельное явление (Křižková 1960, 107). В поддержку критики Кжижковой можно привести тот факт, что интересующие нас конструкции в московских дипломатических документах встречаются уже во второй половине XV в. (Křižková 1960, 175), т.е. раньше, чем это возможно предполагать на основе гипотезы К. Рёзлера.

Правда, эти ранние примеры проявляются в дипломатических актах с Польшей.

Рассматривая судьбу конструкции *буду* + инф. в западнославянских и восточнославянских языках, в частности в русском языке, Э. Кжижкова приходит к заключению о том, что проявление этой конструкции нельзя приписать чужому влиянию ни в западнославянских, ни в восточнославянских языках (Křižková 1960, 179). Происхождение будущего сложного *буду* + инф. в славянских языках – среди них и в русском – также нельзя возвести к западнославянскому, в частности к польскому влиянию, поскольку в этих языках эта конструкция развивалась естественным путем – подчеркивает исследователь (там же). Точка зрения Э. Кжижковой позднее была поддержана и известным специалистом по исторической грамматике русского языка, В. Кипарским (Kiparsky 1967, 235). По мнению А.П. Власто (Vlasto 1988, 164), образование *буду* + инф. распространялось в Москве с запада, из Белоруссии, где полонизмы были очень часты.

Рассмотрев высказывания разных специалистов о происхождении конструкции *буду* + инф. в великорусском языке, мы должны согласиться с мнением покойной А. Пеннингтон о том, что специалисты – несмотря на обилие материалов – пока не в состоянии дать окончательный ответ на вопрос о возникновении этой конструкции (Pennington 1968, 47).

В нашем сообщении мы поставили перед собой цель – исследовать употребление описательного будущего времени типа вспомогательный глагол + инф. (в дальнейшем: сложное будущее I-ое) в памятниках XVII и начала XVIII вв. Выбор этого периода был продиктован тем моментом, что конструкция *буду* + инф. в памятниках русского языка в XVI в. еще довольно редка. Она становится более частой только в памятниках XVII в. (Кузнецов 1959, 245). Однако памятники указанного периода имеют большое разнообразие в оформлении сложного будущего I-го. Таким образом, памятники данного периода отражают во всей своей полноте большую вариантность в оформлении конструкций с будущим временем.

XVII в. в истории русского литературного языка выделяется

тем, что именно в этом веке получает доступ в письменность русский разговорный язык (Ларин 1975, 250). Вследствие этого памятники письменности данного периода являются пригодными для изучения разговорной речи (Мещерский 1981, 127). Книга профессора С.Д. Никифорова (1952) дает довольно подробную и достоверную картину о способах образования сложного будущего I-го в XVI в. Однако изучение русского языка XVII в. и в частности формирование будущего сложного I-го таит в себе много ценной информации.

Мы считаем целесообразным выявить некоторые особенности сложного будущего времени в памятниках народно-разговорного языка XVII и начала XVIII вв. Один из специалистов по изучению народно-разговорного языка, С.И. Котков (Памятники... 1965, 4), особенно выделяет важность исследования писем и грамоток, подчеркивая: "Мы не знаем других старинных источников, в которых с такой широтой пробивалась бы живая народная речь, как в этих письмах и грамотках". Конечно, изучение памятников народно-разговорного языка имеет свою ограниченность, сущность которой остроумно была сформулирована профессором Б.О. Унбегауном (1971, 273): "Уже само изучение разговорного языка по письменным памятникам [...] является парадоксом". "Кроме того, – продолжает он, – даже тексты, казалось бы, наиболее близкие к строю разговорной речи, написанные на так называемом деловом языке, все же значительно отклоняются от этого строя, следуя правилам выработанной письменной традиции особенно в XVII в." (Унбегаун 1971, 273). Учитывая положение Б.О. Унбегауна, мы можем заявить, что даже те памятники, которые были написаны с сугубо утилитарной целью, не свободны от традиций литературно-книжного языка и поэтому не являются однородными в языковом отношении. Следовательно, имея определенные элементы книжного налета, они не в одинаковой мере отражают народно-разговорный язык. Другими словами, памятники народно-разговорного языка отражают не только особенности народно-разговорной речи, но одновременно в них существуют и традиции предыдущих эпох: они сохраняют в себе архаизмы и реликты церковно-книжной речи. Несомненно, что неоднородность народно-разговорного

языка дает себя знать и в разнообразии выражения сложного будущего I-го.

Изопубликованных памятников народно-разговорного языка мы воспользовались следующими данными:

I. Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Издание подготовили С.И. Котков и Н.И. Тарабасова. Москва, 1965.

II. Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Издание подготовили: С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. Москва, 1968.

III. Грамотки XVII – начала XVIII века. Под редакцией С.И. Коткова. Москва, 1969.

Приступая к анализу указанных выше памятников, мы определили границы наших наблюдений следующим образом:

1. Нас интересовали только формы сложного будущего I-го, поэтому формы сложного будущего II-го были оставлены вне внимания.

2. Мы не изучали те конструкции, которые не выражают будущее время. Говоря более конкретно, а) конструкцию *будет*, *будут* + инф. и дат.п. личных местоимений, имеющую другую функцию; б) конструкцию *будет* + спрягаемые формы глагола (1л. ед.ч. и 1л. мн.ч.), в которой *будет* имеет значение условного союза.

Учитывая пестроту наших данных, мы сочли уместным коротко охарактеризовать разнообразие конструкции сложного будущего I-го в древнерусском и русском языках, выделяя при этом их хронологию и семантику.

До XVII в. в памятниках древнерусского и старорусского языков для образования будущего времени были возможны следующие сочетания:

1. Сочетание *имамь* + инф. представлено в древнерусских текстах с XI в.: *имамь рещи* (Изб. 1073), *имать сзхранититя* (Новг.Син. под 1495) (Křižková 1960, 112, 116). Это сочетание, передающее греческую конструкцию с глаголом ἔχω, "можно отнести за счет древнеболгарского влияния" (Никифоров 1952, 180).

2. Конструкция со вспомогательным глаголом *хоуоч*, восходящая к древнеболгарскому языку, представлена Лаврентьевским списком летописи: *хоуемъ сѧ и еше бити сѧ* (под 1017), *хоуоч на тапити* (под 1093), *мзи хоуомз богоу жаловати сѧ* (под 1300). Это сочетание, часто встречаемое в летописях, однако, в грамотках употребляется реже (Соболевский 1907, 238).

3. Сочетание с глаголом *имоч* (от глагола *ѣти*) следует отделить от конструкции с глаголом *имамъ*, как на это указала в свое время Э. Кжижкова (Křižková 1960, 127). Ее заслугой является то, что она отделила друг от друга эти конструкции (Issatschenko 1983, 389). Сочетание с *имоч* засвидетельствовано от XII в.: *не имочѣ створити* (XII в.), *иметь жалобитися* (1284). Оно было широко распространено в древности в летописях, житиях, грамотах. Этим фактом объясняется то, что его реликты сохранены псковскими, новгородскими, костромскими и ярославскими говорами (Русская диалектология 1990, 133). Сохранность этого типа будущего говорит в пользу того, что он принадлежал к живому языку. Сочетание употреблялось в говорах Москвы и Суздальской земли. Этим обстоятельством объясняется его употребление и в деловых памятниках XIV–XV вв. в центральных областях (Кузнецов 1959, 241).

4. Сочетание инфинитива с глаголом *почати* известно с XII в.: *почѣнемъ хотѣти отъзѣти* (Грам. Мстислава Великого от 1130 г.). Оно часто встречается в московских грамотах XIV–XV вв., хотя его употребление в Москве не было преобладающим (Křižková 1960, 141). Это сочетание известно и из двинских грамот XV века. Как очень редкое явление оно употребляется и в диалектах (Русская диалектология 1990, 133).

5. Сочетание глагола *научати* с инфинитивом представлено уже в XI в.: *плакати сѧ рѣзати научьмѣ* (Изб. 1073 г.). Оно очень часто встречается в летописях (Křižková 1960, 139). Вряд ли оно было известно в разговорном языке (Křižková 1960, 140).

6. Сочетание глагола *очуати* с инфинитивом встречается в

памятниках сравнительно поздно: *хто ... оуунетъ ... жити оуунетъ жити твоиѡхъ боѡдрѡ въ твоѡи вотчинѡ* (1405), *оууноуѡмъ пѡуѡловати сѡ* (Домострой). По мнению П.С. Кузнецова (1959, 243), этот тип будущего времени распространяется во второй половине XVI в. Э. Кжижкова предполагает, что эта форма является типичным московским новообразованием. Из московского говора оно переходит в язык московских грамот. Посредством московских грамот данная форма проникает в южнорусские грамоты (Křižková 1960, 142–143). Этой характеристике употребления данной конструкции противоречит положение М.А. Соколовой (1957, 140), установившей, что сочетание *ууну* + инф. "было живой нормой языка XVI в., достоянием всех его стилей". Это противоречие может быть снято, если предположить, что форма *ууну* + инф., проникнув в московский административный язык, сохранилась там. В XVII в. сочетание *оууноу* + инф. становится принадлежностью административного языка (Соснон 1962, 239). Его реликты очень редко можно отметить и в говорах: *учну реветь* (Русская диалектология 1990, 133).

7. Вспомогательный глагол стати + инф. впервые отмечается в XII в.: *станеть тѡжѡтисѡ свѡтѡимъ пѡнтелеимѡномъ* (Новгородская грамота 1146–1155 гг.) В XII в. вспомогательный глагол *станоу* встречается еще редко (Никифоров 1952, 178). Однако в XVII в. его употребление можно отметить во всех жанрах (Křižková 1960, 146). Это свидетельствует о быстром распространении этой конструкции.

8. Вспомогательный глагол *зачьноу* с инфинитивом впервые встречается в XVII в.: *как зачноу ѡ всѡхъ троихъ вѡсѡ доубинкой греть* (Křižková 1960, 145).

Разнообразие выражения сложного будущего I-го – как мы увидим в дальнейшем – характерно и для наших источников.

I. В "Памятниках русского народно-разговорного языка XVII столетия" представлена переписка стольника А.И. Безобразова, который писал в разные города и уезды, где он имел вотчины и получал грамотки из разных местностей. Таким образом, в его кор-

респонденции отражены диалектные особенности русского языка XVII в. Грамотки А.И. Безобразова дают представление о разных диалектах русского народно-разговорного языка (Памятники... 1965, 5). В грамотках Безобразова сложное будущее I-ое выражается несколькими сочетаниями: *станоу + инф.* *буду + инф.* и, наконец, *хочу + инф.*

1. Сочетание *стану + инф.* употреблено в 29 случаях: *станут ... людишки мои м̃сти просит* (233), *станем за него приниматца* (15), *ходит стану ((2х) 26, 27), станет ... бит челом* (143), *стану промышлят* (51), *станет милости просит зенишко моя* (51), *станем промышлят* (64), *станем м̃сти пр̃шать* (67), *станет бит челом* (72), *станет человек ... говорит* (72), *стану молить* (76), *станут беречца* (77), *станет ... поносит* (81), *стану усматривать* (85), *станет м̃сти просит* (96), *стану наживать* (100), *стану ... прислат* (100), *станем делать* (104), *работать ему стану* (106), *станет м̃сти просит* (109), *станемся снешки ловит* (119), *станут раздеват* (119), *станет делатца* (127, 128), *станут ... бит челом* (137), *жить ... не станет* (141).

Перечисляя наши примеры, мы убеждаемся в том, что интересующая нас конструкция в большинстве случаев (в 27-и из 29-и) употребляется с глаголами несовершенного вида. Своей частотностью из наших примеров особенно выделяются обороты *стану просить*, *станоу бить челомъ*, которые являются своеобразными, характерными для канцелярского языка формулами.

2. Сочетание *буду + инф.* нашими источниками представлено богато, хотя оно употребляется реже, чем конструкция *стану + инф.* (употреблено в 20-и случаях): *будет дат мне* (27), *отписат будет* (34), *буду ... говорит* (39), *будет взят* (52), *буду ... бит челом* (52), *я буду бити челом* (55), *буду писат* (56), *будет ... обявитца* (56), *буду ... чинит* (85), *сыскивать не будет* (36), *буду присылать* (100), *будет бити челом* (112, 195, 105), *припинать не буду* (115), *отписать будет* (123), *будет ... приказыват ко мне* (120).

Как видно из наших примеров, глагол-связка *буду* употребляется как у глаголов несовершенного вида (*бить, писать, чинить, сыскивать, присылать, принимать, приказывать*), так и у глаголов совершенного вида (*взять, отписать, обявитца, прислать, дать*).

Среди случаев употребления сложного будущего выделяется оборот *буду бить челом*, который употребляется в 7-и случаях. А другие примеры на сложное будущее составляют лишь 13 случаев. Этот факт будто бы указывает на то, что употребление конструкции *буду* + инф. более узко, чем сфера употребления конструкции *стану* + инф. Оборот *стану бить челом* был обнаружен нами только в 2-х случаях.

3. Сочетание *хочу* + инф. (употреблено в 7 случаях): *хочет мне дать* (43), *хочет жать* (44), *она хочет ... постритца* (67), *я хочу х тебе послат* (72), *хотят сами сеет* (121), *он не хочет на землю стоят* (40).

Интересно, что глагол *хочу* употребляется в перечисленных выше случаях и при глаголах совершенного вида (*дать, жать, постритца, послать*), и при глаголах несовершенного вида (*жать, сеять, стоять*). В этих случаях связка *хочу* могла выражать будущее время не только с помощью глаголов несовершенного вида, но и в сочетании с глаголами совершенного вида. В таком случае глагол совершенного вида указывает на необходимость наступления в будущем (Ломтев 1961, 305). И все же эти формы можно считать выразителями будущего времени с определенным оттенком глагольного действия.

Подводя итоги нашим наблюдениям относительно форм сложного будущего I-го в наших источниках, мы можем сделать определенные выводы:

1. Будущее время выражается сравнительно небольшим "комплексом" вспомогательных глаголов. Из теоретически возможных вспомогательных связок выступают только глаголы *стану, буду, хочу*, другие глаголы в этих конструкциях не употребляются.

2. Соотношение конструкций *стану* + инф. и *буду* + инф. и конструкции *хочу* + инф. – 49:7 в пользу первых. Мы знаем, что сочетание *хочу* + инф. почти не встречалось в грамотках, но в летописях оно не редко. По всей вероятности, данное сочетание восходит к церковнославянскому влиянию, которое в памятниках народно-разговорного языка не является преобладающим. С другой стороны, небольшое количество употребления последней нашей

конструкции объясняется и тем обстоятельством, что иррадиация основного значения вспомогательного глагола сделала эту конструкцию непригодной для выражения будущего времени. Употребление вспомогательного глагола *хочу* в народно-разговорном языке можно считать остатком прошлого.

3. В наших материалах нет примеров на употребление глагола *учну* в функции вспомогательного глагола, хотя в этой функции он фигурирует с XV в. Отсутствие образования *учну* + инф. объясняется тем, что в разговорной речи оно отсутствует (Горшкова, Хабургаев 1981, 323).

4. Наши данные свидетельствуют о переходной стадии выражения сложного будущего времени к такому периоду, когда будущее время выражено лишь двумя конструкциями, а именно: сочетанием *стану* + инф. и сочетанием *буду* + инф., что является характерным для второй половины XVII в. (Сосрон 1962, 239–240).

II. Если переписка А.И. Безобразова велась на народно-разговорном языке, то памятники, возникшие в Москве, независимо от непосредственного влияния церковно-книжного языка, могут дать интересные сведения относительно языка москвичей. Язык москвичей – это язык столицы, близкий к народно-разговорному языку, однако все же не совпадает с ним. Это относится прежде всего к деловому языку, который неизбежно впитывает в себя определенные элементы административного, приказного языка (напр., фразеологизмы, формуляры и пр.). Бытовая письменность, конечно, более свободная, чем деловая, от влияния канцелярского языка. В этих документах отражается русский язык XVII в., однако в его московской разновидности (Московская ... 1968, 7). Памятники московской деловой и бытовой письменности XVII в. показывают интересную картину о способах выражения сложного будущего I-го, которое представлено следующими конструкциями:

1. Сочетание *стану* + инф.: *станут на инших посланниках править лехких поминков* (33), *стану дѣлать* (41), *станет ... мѣсти просит* (42), *станем бит челом* (164), *станет воровать* (175), *платит не станет* (175), *что станет ... платить* (180), *стану ... владѣт* (152),

стану ... бит челом (152), жит ни станет (155), стану вступатца (15), дават не стану (155), кто станет ... жить (155), станем расписывать (157), ночеват не станет (173), станет вступатца (183), станет ... в книги записат (183), станут за муж давать (198), он писать не станет (219), станет ... бить челом (229), станут люди любит (260), станет говорит (263), станут запиратца (263), вороват станет (256), станете де на сем свѣте црствовать и жит' (241).

Мы приняли во внимание 25 примеров на употребление интересующей нас конструкции. Как наши примеры показывают, *стану + инф.* употребляется главным образом с глаголом несовершенного вида (*воровать, платить, жить, расписывать*), и только в одном случае вспомогательный глагол сочетается с глаголом совершенного вида (*записать*). Широкий круг глаголов со *стану* свидетельствует о том, что эта конструкция была широко распространена в московском деловом и бытовом языке XVII в.

2. Сочетание *учну + инф.*: *учнет укрыватца (118), учнет ... бит челом (163), не учнет ... платит (170), не учнет правежи ставитца (170), не учнут жит (171), зерно и табак учнут жержат (171), учнут промышлят (171), учнут водитца (171), учнут приводит (171), учнеть знатца (173), учнет пит и бражничет или ... дневат (173), не учнет ... на большой двор приходит (177), учнет вступатца (180), не учну очищат (181), учнет вступатис (181), учнет ... вступатца (182, 185, 187), учнут вступатца (186), учнет искати (203), учнет ставитца (204), учнут любити (239).*

Как видно из перечисленных примеров, в этой конструкции выступают как глаголы несовершенного вида (*укрываться, бить, платить, держать, водиться* и пр.), так и глаголы совершенного вида (*вступаться*). Данное сочетание в наших источниках было отмечено 22 раза.

3. Сочетание *хочу + инф.*: Оно представлено небольшим числом примеров. Мы отметили всего 7 случаев этой конструкции: *хочет денгами завладеть (69), хочет ценит сызного сверх своею продажи (69), хотят меня ... бесчестит (73), по се число хочет завладет (77), платит не хочет ... и нас хочет убытчить и продават (86), хочет изволичить и изубытчить (97), хочет кормит и уморит*

гсрдню црцу (273).

4. Сочетание *буду* + инф. в наших источниках употребляется в 7-и случаях: *будеш сидет* (15), *воздат мнѣ будѣтъ* (42), *привести будѣт* (42), *на перекинских подводах* (42), *буду платит* (102), *будет объявитца мое дворовое место в черных землях* (182), *будет ... учинитца* (187), *буду тебѣ ... бить челом* (205).

Заслуживает внимания и тот факт, что глаголы-связки употребляются то с глаголами несовершенного вида, то с глаголами совершенного вида.

На основе почерпнутых нами материалов из московской деловой и бытовой письменности можно сделать некоторые выводы относительно форм сложного будущего I-го.

1. Преобладающими образованиями являются конструкции *стану* + инф. и *учну* + инф. Первая представлена 25-ю, а вторая – 22-мя примерами. Незначительный перевес связки *стану* позволяет думать, что в московском деловом и бытовом языке эти конструкции конкурировали друг с другом.

2. Сравнивая наши данные между собой, бросается в глаза значительный и стремительный рост конструкции со связкой *учну*. В "Памятниках русского народно-разговорного языка XVII столетия" образования со связкой *учну* не были представлены. Их отсутствие в памятниках разговорной речи объясняется, по всей вероятности, тем, что конструкция *учну* + инф. не принадлежала к народно-разговорному языку. Однако, в "Актах русского государства (1505–1526)" это образование является господствующим. Нами были обнаружены здесь такие конструкции, как: *учнут жити их люди* (1506, 1520 (2х)), *учнет жити люди* (1506, 1507, 1509, 1519, 1520), *А хто у них учнет ставити [сѣ] на лузѣх и хто учнет травити хлѣб, рожь и ярь силно [sic!]* и *хто учнет имати у хр[е]стиан свои кормѣ* (1523), *учнет жыти люди* (1506, 1523), *учнет ... то селищю выкупать* (1525/26). Однако реже можно отметить и образование со связкой *станет*: *не станет род мой стояти за село* (ок. 1521). Известно и сочетание с *почну*: *почнет ... тѣ деревни выкупит* (Акты... 1975, 23, 27).

С.Д. Никифоров (1952, 178), рассматривая формы сложного

будущего времени в XVI в., на первое место выдвигает образования со связкой *учну*. По его наблюдениям, конструкция со связкой *стану* употребляется "значительно реже".

Если наблюдения С.Д. Никифорова считать характерными для языка XVI в., то мы можем установить, что в XVII в. конструкция со связкой *стану* начинает сильно распространяться в ущерб других конструкций.

3. В "Московской деловой и бытовой письменности XVII века" образование *буду* + инф. встречается реже, чем в народно-разговорном языке. Возможно, что в деловых и бытовых документах под влиянием административного языка образование *учну* + инф. употребляется чаще, в отличие от народно-разговорного языка, который или редко прибегает к этой связке, или вовсе не употребляет ее.

III. Наконец, для анализа остались нам грамотки конца XVII и начала XVIII веков. Грамотки представляют собой частные письма, для которых административный стиль не является обязательным.

В "Грамотках XVII – начала XVIII века" будущее сложное I-ое выражается несколькими образованиями.

1. Сочетание *стану* + инф. было отмечено нами в 58-и случаях: *я стану ему о том говорит* (20), *станем писат* (24), *стану м̑сти просит* (32), *кто станет вступат* (41), *станут делать дела* (55), *стану ходит* (55, 273), *станем стоят* (56), *станет бит челом* (61, 103, 110), *грамоту станут ... отпускат* (67), *станет тебѣ об этом говорит* (68), *стану ходит* (69), *станут м̑сти просит* (71), *просит станет* (79), *станет спорит* (83), *держат не стану* (85), *станут орать да землю готовить* (86), *сеет не станут* (86), *станут бит челом* (86), *станут нас имать* (86), *станет молот* (87), *станет делатца* (87), *станет просить* (89), *писат стану* (103), *станем ... м̑сти просит* (106), *стану говорит* (114), *стану мирит* (114), *стану промышлят* (114), *станет ... делатца* (116, 190, 259), *станет ходит* (116), *писат стану* (131), *стану ... строит* (138), *станем искат* (180), *станем писат* (180), *станут на Москве м̑сти тбоей докучат* (188), *станет говорит* (194), *станем*

писат (195), *станет здѣлатца* (196), *станем над нею промысль чинит* (202), *станем класть* (202), *уделявать станем* (214), *станы класть* (221), *стану писат* (238), *станут дѣлат* (237), *станут ступат* (242), *станем спрашиват* (252), *станет говорит* (265), *станем ... у бога млсти просит* (265), *станут з городов присылать* (269), *присылать не станут* (296), *жит станет* (271), *станут бит челом* (288, 293), *не стану делать* (306).

Данные наших источников свидетельствуют о том, что формы будущего I-го образованы при помощи глагола-связки главным образом от глаголов несовершенного вида (*бить, говорить, просить, ходить, стоять, спорить, держать*). Исключение от этой нормы представлено лишь двумя случаями (*зделаться, просить*). Связка *стану* сочетается с довольно широким кругом глаголов, не только с такими, как *просить милости, бить челом*, которые являются очевидными формулами. На этом основании мы можем заявить, что конструкция *стану* + инф. служила широкой базой для образования будущего сложного I-го.

2. Сочетание *буду* + инф. также часто встречается для выражения будущего сложного. Нами было подсчитано 60 случаев употребления этой конструкции: *не буду стоять* (12, 13), *будет купить* (18), *платит буду* (29), *ожидать будем* (40), *будут к вам преписывать* (64), *отказыват будут* (56), *писать буду* (87), *будем бит челом* (92, 270), *буду бить челом* (99, 102, 108, 115, 116, 150, 164 (2х)), *люди будут посылат* (121), *муку буду отдават* (121), *не буду стоят* (121), *будет млсти просит* (148), *не буду желать добра* (161), *буду писать* (162, 163, 164, 191, 192, 196, 233), *буду платит* ((2х) 164), *будет лучитца* (174), *будем писат* (179, 181, 184, 190, 196/197, 209, 229, 237, 244, 273), *изскат будет там* (180), *справит будем* (200), *промысль будем чинить* (206), *свозит будем* (214), *замещатца будем* (214), *послат будем* (215), *дѣлат вновь будем* (216), *буду денги являт* (253), *буду у вас остават* (254), *братъ не буду* (254), *будет здѣлат* (259), *остудитца не будем* (270), *буду за работу подание подават* (284), *не буду дѣлат* ((2х) 293).

Наши данные свидетельствуют о широком употреблении конструкции *буду* + инф. в значении будущего сложного I-го. В

этой конструкции также можно отметить преобладание глаголов несовершенного вида, которые употреблены при глаголе-связке *буду* для выражения будущего времени лишь в 4-х случаях (*послать, здѣлать, отстудится, справить*). Глагол-связка сочетается не только с такими глаголами, которые можно считать формулярами (*бить челом, милости просить*), но и с другими глаголами: *писать* (21 раз), *посылать, дѣлать* и пр. Это обстоятельство свидетельствует о том, что конструкция *буду* + инф. была широко распространенная форма выражения сложного будущего I-го.

3. Сочетание *учну* + инф. для выражения будущего времени было отмечено нами всего в 11-и случаях: *учнет хранить* (11, 13, 17, 23), *я учну говорит* (19), *учнет впред чинитца* (23), *учнет бгъ миловать* ((2х) 146), *учнет делатца* (171), *учнет бити челом* (282), *учнут ... бить челом* (313).

4. Сочетание *хочу* + инф. представлено всего лишь 7-ю примерами: *будь не хочет платить* (36), *она и не жить хочет в Серѣгове* (112), *хочю брести* (220), *безвинно хочет оскорбить* (258), *отдавать не хотят* (258), *будет и хочет писать князю Борису* (281), *хотят меня убогого убить* (303).

Рассмотрев наши данные о формах будущего времени, мы можем сделать следующие выводы:

1. Наряду с глаголами *стану, буду, хочу* и глагол *учну* проявляет функции связки, данный глагол считается специальной формой московской деловой письменности. Однако нет примеров на употребление глаголов *имамъ, иму, начну, (почну)* в функции вспомогательного глагола.

2. Конструкции *стану* + инф., *буду* + инф. преобладают над остальными средствами выражения будущего сложного I-го. Это доказывается их соотношением. Соотношение образований *стану* + инф., *буду* + инф. и других конструкций – 120:18 в пользу сочетаний со связками *стану, буду*, которые представляют собой ведущие формы сложного будущего I-го.

Если подвести итоги нашим наблюдениям об образовании форм сложного будущего времени I-го в народно-разговорном языке XVII – начала XVIII веков, то мы можем установить следующее.

1. По сравнению с более ранними памятниками русского языка памятники народно-разговорного языка ограничивают употребление некоторых связок, известных из истории более ранней письменности. В рассмотренных нами источниках не встречаются глаголы-связки *имаь, имоу, науьноу, поуьноу*.

2. В народно-разговорной письменности мы встретили следующие вспомогательные глаголы: *стану, буду, учну, хочу*. Однако в употреблении их можно отметить определенные расхождения.

В "Памятниках русского народно-разговорного языка XVII столетия" ведущую функцию выполняет глагол-связка *стану*. На втором месте стоит связка *буду*. На третьем месте выступает вспомогательная связка *хочу*, которая была чуждой языку грамоток. Несомненно, что для языка этих материалов ведущими образованиями мы можем считать формы *стану* и *буду*. Конструкции с *хочу* + инф. можно считать безусловными архаизмами, восходящими к языку летописей.

3. В памятниках московской деловой и бытовой письменности XVII века можно установить сосуществование глаголов-связок: *стану, учну, буду и хочу*. Связки *стану* и *учну* конкурируют между собой. В этих материалах на месте конструкции, известной из "Памятников русского народно-разговорного языка XVII столетия", *буду* + инф. выступает сочетание *учну* + инф., вытесняя образование *буду* + инф., которое встречается и в московских документах, всего лишь в 7-и случаях. По всей вероятности, для деловой и бытовой письменности Москвы было характерно наличие образований со связками *стану* и *учну*. В этом отношении следует указать на то, что данный способ выражения будущего сложного стоит очень близко к практике XV в., согласно которой употребляются вспомогательные глаголы: *учну* и *стану* (Никифоров 1952, 78). Варианты со вспомогательными глаголами *хочу* и *буду* неодинаковые: *хочу* + инф. – устаревшая, старая форма, тогда как *буду* + инф. – новая, по всей вероятности, не местная, а "привносная" конструкция. Но именно ей принадлежит будущее. Если бы употребление глагола-связки *буду* было бы местной, московской

чертой, то количество образований с ней было бы значительно больше в деловой и бытовой письменности. Наши наблюдения в основном сходятся с наблюдениями С.И. Коткова (1974, 265), который устанавливает, что в московской речи в начальный период становления русского национального языка в образовании форм будущего времени в качестве вспомогательного глагола выступают *стати* и *учати*.

Имея в виду то предположение, что конструкция со связкой *учну* была раньше живой нормой языка во всех стилях, с определенной долей вероятности можно допустить, что в языке Москвы она долгое время сохраняла свою продуктивность, превращаясь в особенность делового (административного) языка.

4. В "Грамотках XVII – начала XVIII века" мы можем отметить сосуществование нескольких глаголов-связок для выражения сложного будущего I-го. В этой функции выступают вспомогательные глаголы *стану*, *буду*, *учну*, *хочу*. Первое место из них занимает образование *стану* + инф. Однако конструкция *буду* + инф., стоящая на втором месте, конкурирует с ней. Она, по всей вероятности, вытеснила сочетание *учну* + инф., которое было широко представлено памятниками московской деловой и бытовой письменности. И все-таки некоторые реликты этого сочетания попали в народно-разговорный язык, образуя в нем своеобразный налет делового, бытового языка. Редко встречается архаическое образование *хочу* + инф.

Картина, которую можно составить на основе данных этих грамоток, ведет к той системе, которая описывается в грамматике Г.В. Лудольфа. В своей грамматике Лудольф (Ludolf 1696/1969, 30) отмечает: "Futurum fit addendo ad infinitivum *бѹдѹ, нестанѹ*". Этот факт в специальной литературе часто подчеркивается (напр., Горшкова, Хабургаев 1981, 324). Однако заслуживает внимания то, что в части грамматики, посвященной "практическим занятиям" по русскому языку, автор приводит примеры только на употребление связки *станѹ*: *а нестанѹ ѣстѹ 'non manducabo'* (49), *погнѣвать/са нестанеть 'non irascetur'* (59), *поздо [sic!] поумнать станѹтѹ 'sero incipient'* (68), *мзине станемѹ видѣти господа 'Deum non videmus'* (76),

розумѣти станут 'qui intellegent' (80), ит/полнитѣ са станетѣ 'implebitur' (81). Заслуживает внимания то обстоятельство, что конструкцию *стану* + инф. можно обнаружить как в разговорах на бытовую тему, так и в разговорах на тему богословскую. Это означает, что автор грамматики считал конструкцию *стану* + инф. принадлежностью живого, народного языка.

Материал грамоток в определенной степени отражает такую систему сложного будущего I-го, в которой образования *стану* и *буду* в одинаковой мере могли выражать будущее время.

Мы подчеркиваем, что эти сочетания были синонимичными. Ф. Кокрон (Сосгон 1962, 243), говоря об употреблении образования *стану* + инф., отмечает тот факт, что оно встречается при отрицании. Наши примеры не дают основания утверждать, что эта конструкция предпочитается говорящими при отрицании. В исследуемых нами материалах в отрицательном значении образование *стану* + инф. отмечалось только в 9-и случаях.

"Грамотки XVII – начала XVIII века" отражают уже иную картину об образовании сложного будущего, чем некоторые памятники XVII в. В знаменитом "Уложении 1649 года" формы будущего глаголов несовершенного вида образуются с помощью связок *учну*, *стану* (Черных 1953, 347, 348). В московской речи в начальный период становления русского национального языка С.И. Котков (1974, 267) также выделяет вспомогательные глаголы *стати*, *учати* в качестве вспомогательного глагола. По сравнению с этими наблюдениями в грамотках можно отметить определенный сдвиг в развитии сложного будущего I-го. Этот сдвиг выражается в распространении глагольной формы *буду* в качестве вспомогательного глагола.

Частная письменность, отражаемая грамотками, стоит очень близко к народно-разговорному языку: "грамотка [...] в значительной степени разговорна, поскольку обслуживает сферу неофициального, интимного общения" (Котков 1980, 63). Предполагая, что в грамотках реально отражается народно-разговорный язык, мы можем допустить, что во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. сочетания со связкой *буду* были распространены в значительной

мере, но еще не одержали победу над конструкцией *стану* + инф. Следы этой стадии сохранены некоторыми жанрами русской литературы. В исторических песнях, сохраняющих многие устаревшие конструкции, эта стадия отражается хорошо. В песне "Осада Пскова" мы читаем следующие конструкции:

Я на первом часу возьму Опосков-град,
 На другом часу стану чистити
 На третьем часу стану стол становить,
 Стану пить, веселиться, прохладиться;

.....

А тебя, воеводу, казнить буду!

(Исторические песни 1956, 113).

В употреблении образований *стану* + инф. и *буду* + инф. язык грамоток сильно расходится с языком канцелярий, приказов. В актах "Восстания 1662 г. в Москве" (1964) можно отметить преобладание конструкций *учну* + инф. над другими образованиями сложного будущего I-го: *учнут бить в барабан* (63, 74), *не учнет ставится* (74), *учнут бит в набат* (74), *слатца учнут* (235, 242), *учнут к ним приходит сродочи* (252), *учнут говорить* (252), *учнут нам ... бить челом* (252). Грамотки хорошо показывают те изменения, которые произошли в народно-разговорном языке в области образования сложного будущего I-го по сравнению с языком приказов.

Неоднородность в образовании будущего сложного засвидетельствована и другими памятниками эпохи. Памятники архивных документов XVII и начала XVIII вв., известные под названием "Слово и дело государевы", которые, по мнению С.П. Лопушинской (1961, 3), являются "образцом делового письменно-литературного языка", свидетельствуют о сосуществовании синонимичных конструкций¹ с вспомогательными глаголами *учну*, *стану*, *буду* для

---

¹ Что же касается синонимичности образований будущего сложного I-го, следует указать на то, что в памятниках народно-разговорного языка XVII – начала XVIII вв. встречаются формуляры *стану бить челом*, *учну бить челом*, но нет

выражения будущего времени. К сожалению, С.П. Лопушинская не делает никаких выводов о соотношении этих форм.

Подводя итоги нашим наблюдениям над образованием сложного будущего I-го в памятниках народно-разговорного языка XVII–XVIII вв., мы пришли к следующим выводам:

1. То большое разнообразие форм описательного будущего времени, которое было характерно для древнерусского языка к XVII и к началу XVIII вв., привело к значительной перегруппировке в употреблении конструкций. К этому времени вырабатывались ведущие сочетания с глаголами-связками *стану*, *учну* и *буду*. Остальные образования, представленные нашими источниками лишь в незначительном количестве, можно считать реликтовыми, периферийными (образования с *хочу*, *имам* в литературном языке, *иму* в других разновидностях письменности данной эпохи); во всяком случае они были непродуктивными конструкциями. Продуктивными образованиями следует считать образования *стану*, *учну* и *буду* + инф.

2. В народно-разговорном языке эти три конструкции, будучи синонимичными или почти синонимичными, конкурируют между собой. Будущее принадлежит сочетанию *буду* + инф., которое к началу XVIII века побеждает в литературном языке. В народно-разговорном языке конструкции *стану* + инф. и *буду* + инф. сосуществовали долгое время, в то время как конструкция *учну* + инф. исчезла.

3. Как мы знаем, в древнерусском и среднерусском языке существовали разные образования для выражения аналитического будущего времени. Эти образования, несмотря на иррадиацию вспомогательных глаголов, в определенной степени были параллельными образованиями. Согласно наблюдениям В.А. Богородицкого (1939, 191), если в языке в течение времени порождаются новые

инф. ров на образование *хочу бить челом*. Этот пример указывает на то, что синонимичность рассмотренных конструкций можно считать в некоторых случаях только условной.

разновидности морфем (или конструкций), то вырабатываются новые оттенки значения, чтобы разграничить эти разновидности, т.к. язык стремится разграничить, дифференцировать морфемы (конструкции). Дифференциация может проявляться на уровне значения или на уровне стилистики, т.е. функции. Можно предположить, что такое функциональное приспособление имело место и в случае употребления сложного будущего I-го, формы которого прикреплялись к определенному жанру, типу, разновидности древнерусской письменности. О функциональном разграничении свидетельствуют наблюдения различных специалистов. Хорошо иллюстрируют данное положение вещей наблюдения Ф. Кокрона. Он считает конструкцию *буду* + инф. особенностью письменного языка. В сочетании *стану* + инф. исследователь видит особенность разговорного языка. По мнению ученого, образование *учну* + инф. было свойственно административному языку (Сосюн 1962, 241, 246, 239). Хорошо прослеживается процесс дифференциации в истории образования *учну* + инф., которое из особенности живого языка переходило в административный язык. После функциональной дифференциации и с потерей важности административного (приказного) языка, который был неспособным соответствовать требованиям литературного языка (Issatschenko 1980, 270–271), конструкция *учну* + инф. исчезает. Из двух конкурирующих образований *стану* + инф., характерное для народно-разговорного языка (Issatschenko 1983, 389), столь долгое время конкурирующее с сочетанием *буду* + инф., в литературном языке уступало свое место последнему под влиянием письменного (но не административного) языка. Одновременно с этим движением конструкций происходит и установление (выработка) и стабилизация средств футурума, будущего времени у глаголов несовершенного вида в русском языке.

Наши данные, почерпнутые из памятников народно-разговорного языка, не дают основания для гипотез о возникновении, происхождении образования *буду* + инф.

ИСТОЧНИКИ

- Акты русского государства (1505–1526). Составил С.Б. Веселовский. Москва, 1978.
- Восстание 1662 г. в Москве. Отв. ред.: А.И. Новосельский. Москва, 1964.
- Грамотки XVII – начала XVIII века. Под редакцией С.И. Коткова. Москва, 1969.
- Исторические песни. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания В.И. Чичерова. Ленинград, 1955.
- Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Издание подготовили С.И. Котков, А.С. Орешников, И.С. Филиппова. Москва, 1968.
- Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. Издание подготовили С.И. Котков и Н. Тарабасова. Москва, 1965.

ЛИТЕРАТУРА

- Богородицкий, В.А. 1939, Об основных факторах морфологического развития языка. В кн.: В.А. Богородицкий, *Очерки по языковедению*. Москва.
- Ван-Вейк, Н. 1957, *История старославянского языка*. Перевод с немецкого В.В. Бородич. Москва.
- Горшкова, К.В., Хабургаев, Г.А. 1981, *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Дурново, Н. 1924, *Очерк истории русского языка*. Москва–Ленинград.
- Котков, С.И. 1974, *Московская речь в начальный период становления русского национального языка*. Москва.
- Котков, С.И. 1980, *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. Москва.
- Кузнецов, П.С. 1953, *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Кузнецов, П.С. 1959, *Очерки по исторической морфологии русского языка*. Москва.
- Ларин, Б.А. 1975, *Лекции по истории русского литературного языка*. Москва.
- Ломтев, Т.П. 1961, *Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков (Морфология)*. Москва.
- Лопушинская, С.П. 1961, *Глагольные формы по памятнику XVII века Слово и дела государевы*. АКД. Ленинград.
- Мещерский, Н.А. 1981, *История русского литературного языка*. Ленинград.
- Никифоров, С.Д. 1952, *Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*. Москва.
- Русская диалектология*. Под редакцией В.В. Колесова. Москва, 1990.
- Соболевский, А.И. 1907, *Лекции по истории русского языка*. Москва.
- Соколова, М.А. 1957, *Очерки по истории языка деловых памятников*. Ленинград.
- Унбегаун, Б.О. 1971, Редкое выражение русской разговорной речи XVII века. В кн.: *Проблемы истории диалектологии славянских языков*. Ленинград.
- Черных, П.Я. 1953, *Язык Уложения 1649 года*. Москва.

- Cocron, F. 1962, *La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (Morphologie)*. Paris.
- Erhardt, A. 1989, *Indoeuropské jazyky*. Praha.
- Issatschenko, A. 1980, *Geschichte der russischen Sprache*. Band I. Heidelberg.
- Issatschenko, A. 1983, *Geschichte der russischen Sprache*. Band II. Heidelberg.
- Kiparsky, V. 1967, *Russische historische Grammatik*. Bd. 2. Heidelberg.
- Křížková, H. 1960, *Vyvoj opisného futura v jazycích slovanských zvláště v ruštině*. Praha.
- Ludolf, H.W. 1696/1959, *Grammatica Russica*. Oxonii. A.D. MDCXCIV. Edited by B.O. Unbegaun. Oxford.
- Pennington, A. 1968, Future periphrases in 17th-century Russian: Some evidence from translated material. *The Slavonic and East European Review* 46, N° 106.
- Rösler, K. 1952, Beobachtungen und Gedanken über das analytische Futurum im Slavischen. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 2: 103–149.
- Vandas, A. 1966, *Język staroruskiego przekładu Polskich Statutów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły*. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Vlasto, A.P. 1988, *A linguistic history of Russia to the end of the eighteenth century*. Oxford.
- Vondrák, V. 1912, *Altkirchenslavische Grammatik*. 2-e Auflage. Berlin.

РЕЦЕНЗИИ

Péter Mihály, A nyelvi érzelemkifejezés eszközei és módjai. Budapest: Tankönyvkiadó, 1991, 303 pp.

Рецензируемая книга М. Петера "Средства и способы языкового выражения эмоций" относится к небольшому числу работ монографического характера, посвященных теоретическому анализу проблемы языкового выражения эмоций. Она также является единственным сопоставительным исследованием в области эмоциональных средств русского и венгерского языков. Иллюстративный материал монографии взят большей частью из непринужденной разговорной речи (в обоих языках), тем самым предлагаемая вниманию читателя работа представляет собой также обогащение коллоквиалистики. В эпоху проникновения разговорных элементов в разные виды книжно-письменной речи, в художественную литературу нет надобности доказывать, насколько важно для будущих филологов-русистов знакомство со спецификой разговорной речи как русского, так и своего родного языка.

Книга предназначена для студентов-филологов, изучающих общее, венгерское и русское языкознание, а также для преподавателей этих же языков, далее она представляет интерес для широкого круга читателей, занимающихся русским языком как в теоретическом, так и в практическом плане.

Работа состоит из трех разделов. В первом разделе трактуются общие теоретические вопросы языкового выражения эмоций. Утверждается, что язык является объективацией сознания, наиболее общей формой его существования. Сознание отражает действительность не пассивно; оно "заинтересовано" и ориентировано на действие. В эмоциях отражается отношение между человеческими потребностями и вероятностью их удовлетворения. (Отсюда получают положительные и отрицательные эмоции.) Это отношение проявляется как внутреннее переживание, заключающее в себе познавательный момент оценки. Таким образом, оценка проявляется в анализе одной из основных функций

человеческой психики. Языковая оценка является более широким понятием по сравнению с языковой эмоциональностью, поскольку она, кроме эмоциональной, включает в себя также рациональную оценку. В языковом выражении эмоций отражается их комплексный и часто диффузный характер. Не считая выражение эмоций отдельной языковой функцией, автор утверждает, что оно свойственно всем функциям языка: репрезентирующей, абстрагирующей и прагматической.

Основным лингвистическим достижением рассматриваемого раздела, на наш взгляд, является тонкое разграничение нередко смешиваемых, иногда даже отождествляемых категорий эмоциональности, экспрессивности и стилистической значимости. По анализу М. Петера, языковая эмоциональность представляет собой семантическую категорию: она свойственна значениям морфем, слов, словосочетаний, синтаксических конструкций и высказываний. Экспрессивность – это усиление эффективности языкового выражения, усиление его "коммуникативной энергии". Стилистическая значимость – это специальная маркированность языковых элементов, "которая сигнализирует о релевантных для данного языкового коллектива коммуникативных ситуациях и о соответствующих им разновидностях употребления языка (стилях)" (с. 45). В отличие от эмоциональности, экспрессивность и стилистическая значимость не являются семантическими категориями, они выполняют метаязыковую функцию, относятся непосредственно к способу употребления языкового кода и только опосредованно к содержанию сообщения. Неоспоримо однако, что эти три категории действуют в языке в теснейшей связи.

Второй раздел посвящен выражению эмоций на уровне слова. При изучении эмоционального содержания лексического значения автор исходит из дескриптивного и оценивающего компонентов значения и их динамического взаимоотношения.

Слова, имеющие в своем значении эмоциональное содержание, разделяются автором на пять групп:

1. Слова, обозначающие понятие об эмоциях (*любовь, ненависть; надеяться, бояться; ревнивый, печальный*). Поскольку внутреннее переживание эмоций почти не поддается понятийному

определению, лексикографическая характеристика этой группы слов вызывает большие трудности. Современная семантическая интерпретация таких слов опирается на обозначение типичных жизненных ситуаций, вызывающих ассоциацию описываемого эмоционального состояния, а также на типичные мыслительные и волевые процессы, сопровождающие такие ситуации (А. Вежбицка, Л.И. Иорданская).

2. Опосредованное изображение эмоций путем метонимии и метафоры. Метонимический способ обозначения состоит в том, что изображаются типичные телесные изменения (*побледнеть, покраснеть*) или выразительные движения, сопровождающие данное эмоциональное состояние (*сверкать глазами, схватиться за голову, мурашки бегаят по спине*). Метафорический способ обозначения проявляется в развернутых метафорических системах, в частности, в системе "чувство → жидкость" (*излить тоску/гнев/душу*), "чувство → огонь" (*гореть желанием, пылать страстью, разжигать ненависть*).

3. Оценочные слова, разделяющиеся на слова общей и частной оценки. Дескриптивный компонент их значений указывает на норму. Слова общей оценки (*хороший, хорошо; плохой, плохо*) выражают, в основном, рациональную оценку, но имеются и слова, выражающие преимущественно общую субъективно-эмоциональную оценку (*блестящий, великолепный, никудышный, отвратительный*). Слова частной оценки (*мудрый, бескорыстный, трусливый, грубый*) не имеют синонимов, нейтральных в эмоционально-оценочном отношении, так как в их значении дескриптивный и оценочный компоненты сливаются в органическое единство.

4. Квалифицирующие слова. В отличие от оценочных слов, дескриптивный компонент значений не указывает на норму, оценочный же компонент значения квалифицирует предмет по некоторой норме. Так, если значение оценочного слова *изменник* можно толковать как 'тот, кто предаст интересы родины – и это плохо', то значение квалифицирующего слова *рифмоплет* толкуется как 'плохой поэт', а не как 'поэт – и это плохо'.

5. Слова, в которых эмоционально-оценочный компонент

коренится в их лексико-семантической валентности. Напр., *сообщник* 'соучастник какого-н. преступления', *сговор* 'соглашение о чем-н. неодобряемом'.

Разграничение последних двух групп кажется нам не полностью убедительным. Однако выводы, сделанные на основе анализа производных слов, представляются нам интересными и тонкими. Автор уточняет и корректирует распространенное мнение, согласно которому носителями эмоционального значения в производных словах являются особые "аффективные морфемы". Он доказывает, что, кроме последних, носителем эмоционального содержания может быть а) значение производящего слова (*lealjasodik, lecsepül, lepaktál*), б) лексическое значение производного слова (*lehord, letorkol, levitézlik*) и в) деривационное значение данного словообразовательного типа (*letegez, leöcsiz, lejóskáz*).

Очень интересен и анализ т.н. экспрессивно-характеристических имен лиц. Для их образования в русском языке употребляется преимущественно суффиксальный способ (*плакса, скромняга, хвастун*), в венгерском же – сложение (*álomszuszék, méregzsák, szentfázék*).

Третий раздел посвящен выражению эмоций на уровне высказывания. Подобно выражению эмоций на уровне слова, на уровне высказывания эмоциональность также отграничивается от таких конструктивных категорий высказывания, как модальность и иллокуция. В случае модальности разграничение представляется нам недостаточно тонким, в случае же иллокуции оно является полностью убедительным. Под иллокуцией автор понимает целевую установку общения, а под эмоциональностью эмоциональную мотивацию этой установки. Им убедительно доказывается, что между названными категориями нет взаимно однозначного соответствия: определенное эмоциональное состояние может мотивировать высказывания с различной иллокутивной силой, и наоборот, определенная иллокуция может быть мотивирована различными эмоциональными состояниями говорящего. Отдельная глава посвящается интонации, важнейшему средству выражения эмоций на уровне высказывания. С семиотической точки зрения эмоциона-

льные интонационные конструкции представляют собой своеобразный знаковый тип; они обозначают внутреннее переживание говорящего, которое актуализируется в ситуации речи и становится частью конкретного смысла высказывания. В типологическом отношении эмоциональная интонация близка к музыкальному знаку, однако, в отличие от него, ее референция всегда конкретна и определена благодаря контексту и речевой ситуации.

Отдельная глава уделяется и т.н. коммуникативным типам предложения, обладающим значительным эмоциональным потенциалом. Также в отдельной главе описываются различные лексико-синтаксические конструкции, играющие существенную роль в выражении эмоций на уровне высказывания. В русском языке описывается семь моделей, служащих понятийному описанию различных эмоциональных состояний говорящего (*я беспокоюсь, мне беспокойно, я в беспокойстве, у меня радость, я счастлив, я взволнован, меня охватило волнение*). (В венгерском языке таких моделей пять.)

Относительно языкового статуса междометий в их понимание вводятся существенные коррекции. Убедительно доказывается, что даже первичные междометия не могут рассматриваться как внеязыковые явления, так как они имеют частично неодинаковую форму в различных языках, и сходные по звучанию междометия в отдельных языках могут иметь неодинаковое значение. Это же положение подтверждается далее возможностью заимствования междометий и стилистической значимостью, а также характерными и для них явлениями полисемии, омонимии и синонимии. Диффузное значение отдельных междометий связано с диффузной природой самих эмоций. По своей знаковой природе эмоциональные междометия близки к эмоциональным интонационным конструкциям: их значением является внутреннее переживание говорящего, актуализирующееся в речевой ситуации. Однако, по своей знаковой форме междометия отличаются от интонации: интонация имеет аналогичный и динамичный характер, междометия же представляют собой дигитальные знаки, иногда даже "дигитальные индикаторы" самой интонации.

Выделяется по своей тонкой разработанности глава, описы-

вающая двоякого рода модификации состава предложения: а) распространение, т.е. повторение какой-либо синтаксической позиции предложения и ее заполнение одинаковыми или семантически связанными лексическими элементами, б) сжатие, т.е. незаполнение одной из обязательных в предложении синтаксических позиций. К первому типу модификаций состава предложения относится повторение, а ко второму эллипсис (пропуск) и апозионезис (умолчание). При анализе эллипсиса особое внимание обращается на номинативные и инфинитивные предложения. Тончайший анализ посвящен парцелляции, своеобразному синтезу распространения и сжатия состава предложения (напр., *Нравится она мне. Очень.*).

Рецензируемая книга заканчивается приложением, трактующим проблему т.н. фонетического значения. Этот вопрос охватывает три различных вида явлений: а) субъективную символику отдельных звуков речи, б) т.н. выразительные звуковые изменения и в) звуковые метафоры.

Теоретическое и практическое значение рассмотренной монографии, на наш взгляд, состоит в следующем: благодаря широкому функциональному подходу к языку автор смог выявить органическое единство и взаимодействие рационально-изобразительной и эмоционально-оценочной сторон языка. Самый значительный результат исследования заключается именно в доказательстве того, что языковая система на всех уровнях своей структуры обладает средствами для выражения эмоциональных состояний говорящего. Все эти средства, несмотря на различие их языкового и семиотического статуса, функционируют в теснейшем взаимодействии с рациональными элементами языка, контекстом и коммуникативной ситуацией. Богатый языковой материал, сопоставительный аспект и монографический охват книги делают ее чрезвычайно важным пособием в обучении венгерских студентов русскому языку на продвинутом этапе.

Эдит Саламин

(Szalamín Edit, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

Kazimierz Bajor, Rosyjskie konstrukcje temporalne z przyimkiem (na tle polskim). Acta Universitatis Lodziensis, Folia Linguistica 22, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1990, 286 pp.

Последняя монография профессора К. Байора посвящена описанию русских предложно-падежных конструкций, выражающих временные отношения. Данная работа является первым опытом описания временных отношений в русском языке на фоне темпоральной системы польского языка. Проведенные исследования показали, что в образовании русских темпоральных конструкций принимает участие свыше 60-и предлогов, а именно: *без, близ, в + вин., в + предл., до, за + вин., за + твор., к, между + род., между + твор., на + вин., на + предл., о + вин., о + предл., от, перед, по + дат., по + вин., по + предл., под + вин., при, с + род., с + твор., через, ближе к, близко к, в канун, в параллель с, в предверии, в продолжение, в течение, в ходе, во время, вместе с, вперед, вплоть до, вслед за, глядя на, за время, задолго до, на протяжении, назад + вин., назад + твор., накануне, наперед, наряду с, начиная с, незадолго до, незадолго перед, одновременно с, по истечении, по мере, по прошествии, поближе к, погода, позже + род., позже/позднее + твор., поперед, после, посреди, предварительно, прежде, раньше/ренее + род., раньше/ранее + твор., рядом с, выше, спустя + вин., спустя + твор., среди, тому + вин., тому назад + вин.* В известных нам работах не встречается такая, кажется, исчерпывающая инвентаризация временных предложных конструкций. Основным критерием для детальной семантической классификации временных предложных конструкций считается содержащиеся в них указания на временной ориентир. Соответственно этой установке временные конструкции прежде всего подразделяются на **интралокационные** (локализуют действие в пределах временного ориентира), **экстралокационные** (выражают локализацию за пределами темпорального ориентира) и **алокационные** (не содержат признак временной локализации по отношению к временному ориентиру). Все эти разряды конструкций разбиваются на подразряды и группы, в составе которых они сопоставляются с

соотносительными польскими конструкциями. Ср.:

интралокационные (28 синтаксических схем)	экстралокационные (60 синтаксических схем)	алокационные (6 синтаксических схем)
1. недуративные: <i>в пол- день</i> 2. дуративные: <i>в один день</i>	1. прелокационные (35 схем): а) нефазисные: <i>под утро</i> б) фазисные: <i>до утра</i> 2. постлокационные (18 схем): а) нефазисные: <i>по приезде</i> б) фазисные: <i>с рас- света</i> 3. интерлокационные (7 схем): <i>с утра до ве- чера</i>	темпорально-фреквен- тативные: <i>на этот раз, в этот раз, по первому разу</i>

Описание, по мере возможности, является полным, т.е. вскрывает всю синтаксическую активность отдельных темпоральных предлогов и дает анализ всех функционирующих в письменной и устной речи синтаксических схем (не только типичных, но и редких, а также таких, которые находятся за пределами современной литературной нормы). В монографии вскрывается неодинаковая функциональная нагруженность многих элементов сходного в общем инвентаря синтаксических средств русского и польского языков.

Книга профессора Байора послужила нам поводом для следующих критических замечаний: 1. Термин "локационный" указывает в первую очередь на местоположение чего-либо в пространстве. Его употребление для обозначения временных отношений является не совсем удачным. 2. Среди отмеченных второобразных предлогов имеются такие, которые по формальным и семантическим признакам по нашей оценке не относятся к предлогам. Таковы, например: *раньше/ранее* + род./твор., *позже/позднее* + род./твор.

(типичные наречные сравнительные конструкции: *сдать работу раньше срока/меня*). Такие "предложные" конструкции легко можно было бы умножить: *моложе годом, старше двумя годами*. В книге есть предложная конструкция *свыше чего*, но нет *больше чего*, хотя одинаково можно сказать *Я ждал ее свыше/больше часа*.

3. Полноценность монографии пострадала из-за исключения из описания беспредложных именных и наречных темпоральных конструкций, которые часто являются основными средствами обозначения некоторых типов темпоральных отношений или как вторичные средства обозначения являются синонимами первичных предложных конструкций. Ср., например: *Он приехал ранним утром (рано утром, с раннего утра). Она двадцати лет вышла замуж./Она вышла замуж в двадцатилетнем возрасте*.

4. Из-за выбранного автором распределения материала иногда не ясны те правила, по которым те или иные типы конструкций употребляются для обозначения отдельных типов временных отношений. Так, например, конструкция *в + вин.п.* в качестве основного средства обозначает момент времени (отвечающий на вопрос *когда?*) в трех случаях: а) с существительными, обозначающими неопределенные по продолжительности единицы и отрезки времени: *в грозу*, б) с существительными (обычно с определениями), обозначающими наименьшие единицы времени до дня включительно: *в этот день, в среду*, в) со словами *неделя, месяц, год, век*, если обозначается время не по хронологическому летоисчислению: *Они вышли замуж в один и тот же год/в этом году*.

5. Проф. Байор необоснованно исключает из временных конструкции типа *газета от третьего июля, номер журнала за май, монах лет под/за шестьдесят* на том основании, что в них темпоральные отношения смешиваются с лимитативными и количественными. На таком основании большинство временных конструкций следовало бы отнести к лимитативным или квантитативным, так как в них реальное время ограничивается каким-н. ориентиром и это ограничение часто характеризуется и количественно. Ср.: *только в среду/по средам, в эти годы, в девяностые годы, через две недели после пасхи*.

6. Временные отношения в языках не могут быть "алокационными" по природе

вещей. "Локализация" однако может быть прямой, косвенной подразумеваемой, точной, приблизительной или неопределенной. В предложениях типа *Одну атаку отбили, но через два часа началась вторая. На этот раз два танка прорвались* (Симонов, Дни и ночи), например, указано время действия в ряду действий. 7. Описание и сопоставление темпоральных отношений стали бы, как нам кажется, более обозримыми, если бы они были описаны автором на общей классификационной основе недуративности и дуративности, ведь нефазисные пре- и постлокационные экстралокационные отношения являются также недуративными, фазисные же – дуративными.

В заключение хочется предложить автору подготовить рукопись для второго переработанного и расширенного издания данной очень содержательной книги, включая описание всех семантических типов темпоральных отношений, т.е. и абсолютное и релятивное время.

Иштван Пете

*(Pete István, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

З.К. Тарланов (отв. ред.), Историческая стилистика русского языка. Петрозаводск, 1990, 136 с.

Составители первого выпуска межвузовского сборника по исторической стилистике, изданного Петрозаводским государственным университетом, исходили из той необходимости, что нужен более целенаправленный подход к освещению проблем и материалов исторической стилистики русского языка. Достижения современной стилистики предоставляют надежную теоретическую базу и методологическое разнообразие для стилистического анализа накопленного богатейшего фонда текстов. Однако синхронно-фронтальная разработка древних материалов на данном этапе не является осуществимой, и вместо желательного комплексного историко-стилистического и историко-типологического описания

текстов составители сборника ставят перед собой более скромную задачу: дать общую картину тех направлений в исследованиях, которые характерны для современного состояния исторической стилистики русского языка.

Сборник открывается статьей З.К. Тарланова "О предмете и задачах исторической стилистики русского языка". Определение специфического диапазона исторической стилистики затрудняют, по мнению автора, следующие факты: расплывчатость, условность самого понятия "стиль", отсутствие четкого разграничения объекта и задач истории литературного языка, разногласия относительно путей становления самого литературного языка. Исходя из дискуссионности как названных, так и других проблем, автор статьи намечает основные пути исследований по исторической стилистике. Одна из кардинальных задач исторической стилистики, считает автор, это необходимость проследить характер и степень взаимодействия между сложившимися двумя типами языка – книжно-славянским и народно-литературным. Несмотря на огромную уже проделанную работу, на ее очевидные результаты, недостатком исторической стилистики, по мнению З.К. Тарланова, являются ее аморфность, отсутствие устоявшихся традиций в оценке и квалификации языковых фактов. Если мы хотим уточнить особый ракурс исследований по исторической стилистике, определить именно то, что отличает ее от других лингвистических дисциплин, то должны согласиться с мнением З.К. Тарланова: при стилистическом анализе языковых средств в памятниках письменности всегда нужно учитывать, с какой авторской (или жанровой) установкой они включаются в текст, какую роль выполняют в том целом, для создания которого они привлечены, какой традиции они следуют.

Следующая статья носит заглавие: "Общие понятия исторической стилистики". Автор статьи, В.В. Колесов, крупный специалист по древнерусскому литературному языку, старается прежде всего определить, что такое стиль в понимании исторической стилистики. В статье излагаются основополагающие принципы, можно сказать, "каноны" стилистических исследований в исторической перспективе. По мнению автора, историческая стилистика должна рассматривать в первую очередь становление и развитие стилисти-

ческих средств языка (а их функционирование должна исследовать история литературного языка) и всегда – на фоне нейтральной нормы и в связи с развитием системы языка. В плане данной лингвистической дисциплины необходимо изучить, описать качественные преобразования стилей, а также исследовать возникновение коннотаций как неслучайных созначений. В процессе знакомства с ценными наблюдениями автора о стилистическом своеобразии древних текстов, читатель, однако, затрудняется, сталкиваясь с такими понятиями как "язык культуры" или "культурный язык средневековья" (с. 20), поскольку они не дефинируются и так остается неясным, в каком смысле их употребляет автор. В статье находим интересные замечания по поводу "символизирующего сознания" средневековья. Автор статьи со свойственной ему чуткостью к тонким семантическим наблюдениям на убедительных примерах раскрывает процесс превращения древних слов-символов в самостоятельные лексические единицы в результате семантических изменений, что делало возможным их свободную сочетаемость с прилагательными. Заслуживают особого внимания положения В.В. Колесова о древних эпитетах, о метонимичности древнерусской литературы, об относительно позднем распространении метафор, свидетельствующем уже о более высоком уровне мыслительной деятельности человека. Соответственно этому историческая стилистика должна ответить на вопрос, как соотносятся между собой типы и способы образования переносных значений слова, а также исследовать образность слова.

После этих двух работ, содержащих общую картину проблем и задач исторической стилистики на современном этапе и намечающих перспективу для дальнейших исследований, в сборнике следуют статьи, посвященные более или менее частным вопросам изучения либо одного конкретного памятника письменности, либо одной языковой проблеме на основе нескольких памятников. Стилистический аспект в этих тематически очень разнородных работах выдерживается по-разному.

Статья Л.В. Савельевой "Стилистика синтаксических типов отрицания как отражение литературного этикета" опирается на материал русской агиографии XIV–XVII вв. В статье исследуется

функционирование двух типов негативного строя (монологичные и полинегативные конструкции) с целью выявить закономерности их стилистического варьирования. Автор на богатом языковом материале с помощью сравнительно-текстологического анализа разных редакций одного и того же текста доказывает, что отход от канонов, отступление от норм житийного литературного этикета приводит к изменению синтаксического строя. О стилистических возможностях использования полинегативных конструкций свидетельствуют главным образом сочинения Епифания Премудрого, в которых этот тип негации становится одним из приемов экспрессивности. С другой стороны, обращение к монологичным построениям становится средством намеренной архаизации, одним словом, стилизации.

Темой статьи В.Б. Крысько является "Стилистическая дифференциация древнерусской лексики" – на летописном материале транскриптивных глаголов. Внимание автора привлекают лишь глаголы с приставкой *пере-* и *пре-*, на примере которых иллюстрируется стремление летописцев к лексическому и стилистическому варьированию, что было неразрывно связано с общим процессом совершенствования литературного языка.

Особый интерес вызывает работа С.А. Авериной "К жанрово-стилистической характеристике северно-русской агиографии", в которой дается образцовый, на наш взгляд, лингво-стилистический анализ севернорусских житий XVI века. На основе многочисленных, но малоизученных агиографических текстов рассматриваются такие характерные для данного жанра композиционные особенности, как включение цитат, вводящие конструкции, литературные штампы, бинарные построения и кроме этого общее стремление к абстрагированию (за конкретным увидеть вечное). Под конец С.А. Аверина сравнивает фрагменты из севернорусских житий с материалами из лучших образцов средневековой орнаментальной прозы и приходит к выводу, что они по пышности, выразительности не уступают классическим образцам.

Отступая от последовательности статей в сборнике, хотелось бы выделить несколько работ, содержащих, на наш взгляд, особенно интересные выводы в плане стилистики.

М.Б. Михайлова и Л.Е. Алексеева рассматривают стилистические функции лишь одного композиционного элемента, а именно: обращения в древнерусской житийной литературе ("О динамике стилистических функций обращений в древнерусской житийной литературе"). В трех анализируемых житиях в разной мере обнаруживается изобразительная и характеризующая функция обращений. Особенно интересно проследить, как меняется традиционная структура обращения в "Житии Сергия Радонежского" в зависимости от особой "коммуникативной ситуации".

Много ценных наблюдений содержит статья Е.В. Маркасовой "Стилистические особенности использования архаичных глагольных форм в Житии Корнилия Выговского". Мотивировка выбора агиографом архаичных глагольных форм вполне убедительна: оказывается, что употребление той или иной глагольной формы зависит от субъекта, от того, о праведниках или о никонианах идет речь.

Т.П. Рогожникова в статье "Семантическая поляризация и семантическая компрессия как принципы организации текста типа «плетение словес»" дает тонкий анализ организации текста "Жития Степана Пермского".

В плане изучения лексики представляет интерес статья О.С. Мжельской о вариативности в разговорной речи русского средневекового говора (по данным русско-нижненемецкого разговорника Тонниса Фенне, составленного в 1607 году в Пскове). Автор анализирует общерусские и диалектные (псковские) варианты на уровне лексики, устойчивых словосочетаний, фразеологизмов и целых высказываний.

Ф.С. Шапиро исследует ономастическую лексику в "Молении Даниила Заточника". Рассматривая употребление и расположение библейских и русских топонимов и антропонимов в разных его списках, автор обращает внимание и на их стилистическую обусловленность.

Особый интерес представляет для изучающих морфонологическую систему русского языка статья Е.Н. Бекасовой, в которой исследуются стилистические функции рефлексов **tj*, **dj* в памятниках письменности русского языка XI–XVII веков.

Л.В. Капорулина рассматривает присубстантивные распространители в разных списках "Моления Даниила Заточника". Стилистическая обусловленность этих языковых явлений в статье не освещается.

Статью Л.Т. Пирожковой "Основные аспекты изучения нечленных действительных причастий и их функций в русском языке", хотя она содержит немало ценных наблюдений, целесообразнее было бы поместить в сборнике по истории русского языка.

Широкий спектр изучаемых тем в данном сборнике может удовлетворить интересы многих филологов-русистов, интересующихся как общими, так и частными вопросами исторической стилистики русского языка.

Опубликованные в рецензируемом сборнике работы показывают справедливость высказывания Ю.М. Скребнева (Очерк стилистики. Горький, 1975, 172) и в плане исследований письменных памятников средневековья, что "в конечном счете любое лингвистическое описание, претендующее на максимальную адекватность, должно явиться описанием стилистическим".

Каталин Куглер

*(Kugler Katalin, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

Bartol Kašić S.I., Hrvatsko-talijanski rječnik s konverzacijskim priručnikom, nach der Handschrift RKP 194 redigiert von Vladimir Horvat S.I., Zagreb: Kršćanska sadašnjost und Zavod za jezik IFF, 1990, XXII + 455 pp.

Seit dem Ende des XVI. Jahrhunderts kann die kroatische Kultur einen Reichtum an lexikographischen Werken aufweisen, der auch dann bemerkenswert ist, wenn diese mit dem gleichen Maß gemessen wird, das an begünstigtere Kulturen angelegt wird. Das Sprachmaterial, das in diesen lexikographischen Werken bewahrt wurde, ist von unschätzbarem Wert, der nicht nur in ihrem Alter und Umfang liegt, sondern auch darin, daß sie den

Wortschatz aller drei Hauptdialekte darbieten.¹ Und da sie natürlich auch die Lehnwörter enthalten, dienen sie mit wertvollen Informationen auch den Wissenschaftlern, die sich mit denjenigen Sprachen beschäftigen, die mit dem Kroatischen in engerer Beziehung stehen, vor allem also denjenigen, die die Geschichte der italienischen, deutschen und ungarischen Sprache erforschen; man denke nur an das fünfssprachige Wörterbuch von Faust Vrančić – Verancsics Faustus (Verantius 1595, Franolić 1985, 111, No. 556) und an den darin erhaltenen ungarischen Wortschatz (vgl. B. Simond 1959).

Ein Teil der alten kroatischen Wörterbücher liegt heute auch in Reprint-Ausgaben vor, z.B. die Wörterbücher von Faust Vrančić und Ivan Belostenec (Franolić 1985, 93, No. 444); die meisten aber sind als Raritäten nur in Bibliotheken zugänglich, z.B. die Wörterbücher von Ardelio Della Bella und Juraj Habelić (Franolić 1985, 107, No. 529. und 94, No. 448). Es gibt leider auch solche Wörterbücher, die, obwohl sie wertvolles Sprachmaterial enthalten, schon mehrere Jahrhunderte auf ihre Erstausgabe warten. Von diesen nie aufgelegten Werken sind für uns Ungarn einer besonderen Erwähnung vor allem zwei Wörterbücher wert: das "Dictionarium Latinum-Illyricum et Germanicum" des Kalocsaer Erzbischofs Adam Patačić, entstanden um 1772–79, aufbewahrt in der Bibliothek des Erzbistums zu Kalocsa (Franolić 1985, 110, No. 546) und das "Etymologicon Illyricum" oder "Pravoslavnik" des Ofener Universitätsprofessoren und franziskani-schen Mönchs, Matija Petar Katančić, zusammengestellt um 1815–24, aufbewahrt in der Universitätsbibliothek zu Budapest (Franolić 1985, 37, No. 19). Eben deswegen bereitet uns die moderne Erstauflage eines alten kroatischen Wörterbuches besondere Freude, wie es jetzt mit dem Kroatisch-Italienischen Wörterbuch von Bartol Kašić vorliegt.

Bartol Kašić (1575–1650), Mönch und Missionar des Jesuitenordens, der Autor der ersten vollständigen Bibelübersetzung in die kroatische Volkssprache, Autor eines katholischen Ritualbuches, eines Lektionars und einer Reihe bedeutender geistlicher Werke, Übersetzer von Psalmen und Hymnen ins Kroatische, ist auch als Vorbote der Standardisierung der

---

¹ Eine ausführliche Bibliographie der kroatischen Wörterbücher stellte Branko Franolić zusammen, s. Franolić 1985.

kroatischen Schriftsprache zu betrachten. Gemäß den Prinzipien des Jesuitenordens strebte Kašić bewußt danach, einen solchen Dialekt als Grundlage für die Sprache seiner Werke zu wählen, der von den meisten Kroaten leicht verstanden wird. Dieses Bestreben ist schon in seiner Grammatik, in "Institutionum linguae illyricae libri duo" (Rom, 1604), zu beobachten, die die erste Grammatik der kroatischen Sprache ist, wird aber in seinen späteren, im štokavischen Dialekt verfaßten Werken besonders offensichtlich.

Die erwähnte Grammatik wurde noch in Kašić's Jugendjahren aufgelegt. Die Forscher haben immer angenommen, und auch Kašić's Autobiographie legt es nahe, daß der ausgezeichnete Jesuit für die Erlangung seiner Missionsziele nicht nur eine Grammatik der kroatischen Sprache verfaßte, sondern wahrscheinlich auch ein Wörterbuch zusammenstellte. Für diese Annahme gab es aber lange keinen direkten Beweis, bis im Jahre 1909 Pavao Mitrović die Aufmerksamkeit auf eine anonyme Handschrift, aufbewahrt in der Bibliothek des Klosters "Mala braća" in Dubrovnik, lenkte, die seiner Meinung nach vielleicht Kašić's ča-Wörterbuch hätte sein können (Kašić 1990, XV-XVI). Daß diese Annahme den Tatsachen entspricht, bewies Vladimir Horvat S.I. in einer Vorlesung und kürzeren Abhandlung 1987-88 (Horvat 1988) und er war derjenige, der das Wörterbuch in einer Facsimile-Ausgabe verlegte.

Eine einführende Studie zu dieser Ausgabe wurde von V. Horvat verfaßt, der darin die lexikographische Tätigkeit Kašić's skizziert und Kašić in die Reihe der älteren kroatischen Lexikographen einordnet. Es wird darauf hingewiesen, daß das berühmte "Dictionarium" von Faust Vrančić schon vor seinem Erscheinen, noch in handschriftlicher Form, unter den Jesuiten in Rom bekannt wäre, und somit hätte auch Kašić es beim Zusammenstellen seines eigenen Wörterbuches benutzen können, aber, wie V. Horvat betont, erst zu einem Zeitpunkt, als seine Arbeit schon in einem fortgeschrittenen Stadium war.

In der Studie wird Kašić's Wirkung auf die späteren jesuitischen Lexikographen (Jakob Mikalja, Juraj Habelić, Ardelio Della Bella, Andrija Jambrešić) naturgemäß ein besonderer Stellenwert eingeräumt. Des weiteren berichtet die Studie darüber, wie V. Horvat beweisen konnte, daß die Handschrift RKP 194 in der Bibliothek des Klosters "Mala braća" tatsächlich Kašić's Arbeit ist. Aus der Studie erfahren wir, daß Kašić in seiner Autobiographie erwähnt, daß er ins jesuitische Noviziat unter anderen

Büchern und Schriften auch "un libretto di frasi" mitnahm, das eigentlich als Keim seiner lexikographischen Tätigkeit betrachtet werden könnte. Diese für verschollen gehaltene Handschrift, genauer, ein Fragment davon hat V. Horvat in Rom aufgefunden, im "U Archivio di stato di Roma". Im Anhang der Ausgabe des Wörterbuches wurden auch Facsimile und Text dieses Fragments aufgelegt, und V. Horvat spricht die Hoffnung aus, daß auch die anderen Teile dieses, wie er es nennt, Handbuches für Konversation (Konverzacijski priručnik) eines Tages in einem Archiv aufgefunden werden könnten. Als interessantes Kuriosum ist zu betrachten, daß dieses Konversationsbuch ins damalige Leben des jesuitischen Noviziats Einblick erlaubt, denn der Dialog stellt die körperlichen und seelischen Vorbereitungen zur Morgenmesse dar.

Es ist eine sehr interessante Annahme, daß Kašić's Grammatik ("Institutiones..."), sein Wörterbuch und sein Konversationsbuch nach der ursprünglichen Konzeption als ein ziemlich vollständiges Handbuch der "illyrischen" Sprache hätten erscheinen sollen, wovon – aus Gründen des Umfangs – nur der wichtigste Teil, die Grammatik aufgelegt wurde. Das Konversationsbuch und das Wörterbuch hat Kašić wahrscheinlich aus eigener Initiative zusammengestellt, und vermutlich auf Grund dieser seiner Tätigkeit ist Aquavivas Wahl auf ihn gefallen, und eben er zur Verfassung der Grammatik aufgefordert worden.

V. Horvat führt detailliert alle Momente auf, die beweisen, daß die Handschrift RKP 194 tatsächlich Bartol Kašić's Werk ist. Im Interesse der Objektivität forderte er Fachgelehrte zur Durchführung archeographischer Untersuchungen auf, und ihre Expertisen wurden im Anhang publiziert. Die Untersuchung der Wasserzeichen nahm Ivan Mustać, Mitarbeiter des Archivs in Dubrovnik vor, während die graphologische Untersuchung der Handschrift Željko Sabor, dem Gerichtsexperten für Handschriften zu Zagreb, zu verdanken ist.

Unter den indirekten Beweisen für Kašić's Autorenschaft erwähnt V. Horvat die Ähnlichkeit zwischen dem graphischen und prosodischen System, wie auch zwischen dem lexikalischen Material in Kašić's Grammatik und dem des Wörterbuches, und betont dabei das sehr wichtige Moment, daß das Wörterbuch eigentlich im čakavisch-ijekavischen Dialekt verfaßt wurde, der auch den späteren Werken zugrundeliegt.

Aus dem Material des Wörterbuches ist ersichtlich, daß Kašić daran auch andere Verbesserungen, bzw. Ergänzungen vornahm. Bei der Zusammenstellung des Wörterbuches benutzte er wahrscheinlich das "Dictionarium" von Vrančić, er "verkehrte" die Wörterbuchartikel (in beiden Wörterbüchern gibt es 3120 gemeinsame Wörter); wir finden aber zahlreiche Neuerungen im Verhältnis zu Vrančić's Werk. Kašić verwendet eine Rechtschreibung, die von der Vrančić's abweicht (es ist die Tendenz zu beobachten, für jeden Laut je ein Zeichen zu verwenden, was aber nicht völlig konsequent durchgeführt werden konnte), und er markiert auch die Stelle und Qualität der Akzente. Die Wörterbuchartikel werden um einige grammatische Merkmale ergänzt (Geschlecht der Substantiva, Genitivformen usw.), und es wurden zu Vrančić's Wortmaterial etwa 700 Wörter hinzugefügt. Im Anhang analysiert Darija Gabrić-Bagarić das lexikalische Material des Wörterbuches, und führt die Abweichungen zwischen den beiden Wörterbüchern auf. Es ist ein interessantes Moment für uns, daß Kašić viele Wörter aus Vrančić's Wörterbuch entfallen läßt, und zwar, außer den Kirchenslawismen leider auch die Hungarizismen, die ungarischen Lehnwörter. Darija Gabrić-Bagarić widmet die größte Aufmerksamkeit denjenigen Wörtern, die wir bei Vrančić nicht finden, und weist darauf hin, daß ein Teil dieser Wörter aus den bei Vrančić vorhandenen Wörtern gebildet wurde (z.B.: Vrančić *bol*, *boliti* – Kašić *bolest*, – hier ist für uns interessant, daß das Wort *bolest* eben die Lücke ausfüllt, die das bei Vrančić vorhandene, bei Kašić aber ausgelassene *beteg* hinterließ). Einen Teil des Wortmaterials, das als im Vergleich zu Vrančić völlig neu betrachtet werden kann, bilden die Ortsnamen und Völkernamen; unter den neuen Wörtern finden wir aber auch Namen für Gegenstände, Tiere und Pflanzen. Darija Gabrić-Bagarić weist nach, daß für Jakob Mikaljas "Blago jezika slovinskoga" (Lavretti, 1649, vgl. Franolić 1985, 109, No. 542) eben Kašić's Wörterbuch die Quelle bildete, und einen Teil der "neuen", selbständigen Artikel finden wir auch bei Della Bella, Stulli und Karadžić (Franolić 1985, 107, No. 529. und 110, No. 550–552).

Der Text des Wörterbuches besteht aus drei Teilen. Den ersten Teil bildet das Facsimile der Handschrift, das wahrscheinlich wegen Beschädigungen am Original, aber auch aufgrund nicht ganz angemessener Reproduktionstechnik und des verwendeten Papiers schwer zu lesen ist, aber trotz dieser Mängel bleiben die Veränderungen und Verbesserungen deutlich be-

merkbar. Dem Facsimile folgen die Rekonstruktion des Textes, seine Transliteration und Transkription. Die Teile, die unlesbar sind, wurden rekonstruiert, was aber nicht störend ist, weil für die Zwecke der Rekonstruktion ein anderer Buchstabentyp verwendet wurde. Bei den italienischen Wörtern wird durch ein Ausrufungszeichen die Aufmerksamkeit auf die im Original vorhandenen Fehler und Abweichungen in der Rechtschreibung gelenkt, und die heute übliche Schreibweise angegeben. Zwischen den in Wörterbüchern üblichen zwei Spalten finden wir eine dritte mit der Transkription der kroatischen Wörter und ggf. Erklärungen. Im dritten Teil der Ausgabe des Textes wurden die ersten beiden Spalten umgestellt; in der ersten Spalte finden wir also die moderne Transkription. Diese einfachen Verfahren weisen auf einen der lobenswerten Züge der Ausgabe hin: die Absicht der Herausgeber war, dieses Werk der Forschung zugänglich zu machen, und sie haben alles getan, um den künftigen Forschern die Arbeit zu erleichtern. Demselben Zweck dienen einige Tabellen im Anhang der Textausgabe, die das von Kašić verwendete Alphabet, die Entwicklung seines graphischen Systems und seine Buchstabenkombinationen enthalten. Sowohl die Computerbearbeitung des Materials als auch die Zusammenstellung der Tabellen ist Ignacije Belak S.I. zu verdanken, der gleichzeitig auch für die graphische Gestaltung des Buches verantwortlich ist: für die Dekoration des Bucheinbandes und des Titelblattes wählte er das gleiche Emblem, welches auch auf dem Titelblatt von Kašić's Grammatik zu sehen ist, und betont dadurch, daß die beiden Werke eine Einheit bilden und die jesuitische Tradition fortsetzen. Wir hoffen, einst dasselbe Emblem auf dem Titelblatt der vollständigen Ausgabe des Konversationsbuches sehen zu können. Wenn es aufgefunden wird...

LITERATUR

- B. Simond, R. 1959, *Verancsics Faustus Dictionariumának magyar szókészlete betűrendben, latin értelmezésekkel*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Franolić, B. 1985, *A Bibliography of Croatian Dictionaries*. Paris: NEL.
- Horvat, V. 1988, Vukov "srpski rječnik" (1818) prema rječnicima isusovaca leksikografa: Kašića (1599?), Mikalje (1649), Habdelića (1670), Della Belle (1728) i Jambrešića (1742). *Naučni sastanak Slavista u Vukove dane: Referati i saopštenja* 17/2, 439–448.

Verantius [Vrančić], F. 1595, *Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum. Venetiis*. Reprint-Ausgabe: Zagreb, Liber Croaticus, 1971.

Ágnes Kacziba

(Kacziba Ágnes, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

В.Г. Костомаров, Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-пресс, 1994, 247 с.

Поскольку каждая историческая эпоха оставляет свой отпечаток в языке, нам кажется естественным, что лингвист В.Г. Костомаров анализирует новые явления через их проявления в языке и неудивительно, что он не может ограничиться при этом чисто лингвистическими проблемами. По его мнению в бывшем СССР был порожден некий *вирус распада империи*, который со стремительной скоростью разрушает всё на своем пути. "Традиционные устои общества, весь прежний строй жизни большинством населения воспринимаются как устаревшие – не только идеология, общественное устройство, но всё, включая одежду, питание, бытовое поведение. И, разумеется, манеру общения, речь и даже самый язык."

Демократизация страны сопрягается со свободой действий. Однако, эта свобода многими понимается как вседозволенность, *беспредел*. На этом фоне общего хаоса и смены ценностей складывается сегодняшняя языковая мода, которая характеризуется беспредельной свободой выражения, фамильярной развязанностью тона, хулиганством, грубостью, желанием шокировать. Этот вкус задается влиятельной частью общества, так называемыми *новыми русскими (ню рашенз)*. Эти неэлитарные группы, периферийные при прежней системе, всплыли навёрх, заняли центральные места, навязывая свои речевые навыки, в частности жаргон и матерщину, всему обществу. Они образуют агрессивную замкнутую псевдоэлиту, достаточно богатую и властную, чтобы, несмотря на широкое противодействие здоровой части общества, распространять свои вку-

сы. Здоровая часть общества, устав бороться, с апатией и равнодушием относится к ним, а те, кто мог бы воздействовать на эти процессы: журналисты, писатели, творческая интеллигенция, подигрывают им, сами уродуют язык ежеминутно в средствах массовой информации, пропагандируя бизнес как высшую ценность и занимаясь вместо просвещения растлением общества.

Вот почему В.Г. Костомаров назвал свою новую книгу "Языковой вкус эпохи". Введением понятий *языковой вкус* и *мода* он указывает на социально-психологическую природу новых языковых явлений. Автор показывает, что в языке происходят те же сдвиги, что в обществе: то, что до сих пор считалось периферийным, вторичным, выдвигается в центр, становится чуть ли не нормой, исключение становится правилом.

В.Г. Костомаров собрал свои наблюдения над речевой практикой масс-медиа. В книге представлен процесс смены вкусовых ориентаций речи в его связи с общественно-политическими изменениями. Автор систематически прослеживает, изучает явление и работу *вируса разрушения* на всех ярусах и уровнях языка. Его действие особенно сильно в заимствованиях – внутренних (из просторечия, жаргонов, диалектов) и внешних (преимущественно из американского варианта английского языка). Весьма активен он в словообразовании и в семантических преобразованиях в стилистике. Книга содержит богатый свежий лексический материал, взятый из 23-х различных русских газет. "Языковой вкус эпохи" может быть интересен и полезен всем русистам для расширения пассивного и активного словарного запаса, ознакомления с новейшими тенденциями развития стилистики и грамматики. Кроме того, через языковые проблемы, запечатленные в газетных статьях мы получаем картину не только состояния языка, но и современного общества.

Книга состоит из семи глав.

1. **Стилистика.** В первой главе автор представляет влияние складывающегося языкового вкуса на стилистику.

Стиль сегодняшнего общения характеризуется размытостью границ, нивелировкой между "серьезными" стилями и устно-бытовыми типами речи. Иными словами: смешением, смещением, гете-

рогенностью каждого отдельного текста и установкой на стилистическую сниженность, "раскрепощенность", которая создается разговорными интонациями, жаргоном, просторечием. Девизом многих газет стали слова "долой стыд". Снимая "вето" журналисты имеют явное пристрастие к тому, что раньше не допускалось. Выверты (типа *катастрошка, прихватизация, дерьмократы*), намеки, "фразы дня", словесные игры, шутки, каламбуры, издевательские образования, новые типы сочетания слов являются неотъемлемой частью нового стиля.

В то же время тексты пестрят иноязычными заимствованиями, которые носят письменный характер и, как В.Г. Костомаров пишет: "Отличаются мудреной непонятностью и соответствуют другой черте сегодняшнего языкового вкуса – стремлению к «вожничеству» изошренности речи".

2. Внутренние заимствования (из просторечия, диалектов, жаргонов). Демократизация общества сопровождается либерализацией языка, что происходит за счет внутренних ресурсов: заимствований из нелитературных сфер языка. То, что раньше можно было услышать только в раскованной бытовой речи, сейчас допускается в письменные тексты, по крайней мере в масс-медиа. Просторечие и жаргонизмы входят в литературный язык, причем все чаще без "перевода" и без кавычек. Чернуха, порнуха, "блатная музыка" и приблатненные словечки (здесь мы приводим только самые безобидные: *бабки, грины, лимон, тусовка* и т.п.) сегодня встречаются в печати сплошь и рядом. Пример берется с американской масс-культуры. Дурные привычки как известно заразительны.

Проникание просторечия и жаргонизмов в литературный язык открывает ворота общей неряшливости.

3. Внешние заимствования (американизмы и другое иноязычное влияние). Американизация, которая чувствуется во всем мире, в странах СНГ достигает размеров америкомании. США становится эталоном, особенно для молодежи. Этим объясняется сегодняшний поток заимствований из американского варианта английского языка, который многие сравнивают с французским наводнением XVIII века.

Среди них жизненно оправданными представляются обозна-

чения новых явлений рыночной экономики, начиная с *ваучера* и *лизинга* и кончая *рэкетом*, а также новой техники и технологии, типа *факс*, *файл*, *софтвэр*, *клип*... Постоянным источником заимствований является музыка (*хэви-металл*, *рэп*), танцы, мода (*брюки-стрейч*, *лейбл*...).

Однако часто их употребляют лишь ради моды и по "худому" знанию родного языка, или чтобы замаскировать псевдоученостью недоумие. Устрашающая масса более или менее оправданных заимствований напоминает "опухоль в словарном организме", который не успевает перерабатывать их. Видимо поэтому стали сейчас говорить об экологии языка.

4. Переосмысления, сдвиги в семантике слов. Смена идеологии сопровождается переосмыслением лексического состава.

Для сегодняшнего языка характерно стремление "к новым, неskomпрометированным словам, или к очищению старых слов", – пишет Костомаров.

5. Новая фразеология. "Всякий поворот общественной истории, – утверждает Костомаров, – моментально создает свою фразеологию, отличную от фразеологии предыдущей эпохи, прежде всего в социально-политической сфере".

Большинство новой фразеологии связано с экономикой и торговлей (*конверсия оборонной промышленности*, *коммерческие структуры*, *ваучерная приватизация*...), а образуют они часто метафоризацией (*шоковая капитализация*, *дикий рынок*).

Значительная часть относится к политической деятельности, к борьбе политических партий (*правовое государство*, *митинговое право*, *силовые структуры*, *политическая стабильность*...).

6. Активные процессы в словообразовании. Меняется продуктивность ряда словообразовательных моделей. Приметой языка перестройки считается "номинативный взрыв". Повышение продуктивности традиционных суффиксов *-ик* (*бюджетник*, *рыночник*, *теневик*), *-ец* (*горбачевец*, *гайдаровец*), *-ация* (*приватизация*, *купонизация*, *талонизация*), *-щина* (*митинговщина*, *преобразованщина*), *-уха* (*чернуха*, *порнуха*), *-ок* (*сынок*, *лопушок*, *комок*, *совок* – особое внимание автор уделяет последнему слову) не вызывает

беспокойства лингвистов.

Однако, расширение круга производящих основ за счет просторечных и жаргонных сфер, а также иноязычных основ настоятельно требует. Такие выражения как *борьба за смотримость передач, отксерить, референдумить* отнюдь не приветствуются лингвистами, не говоря уже о словосложениях и словосокращениях типа *ГАИшник, кагэбешник, эсэнговский, попкорн-аппарат, шоп-туризм* и т.п.

7. Процессы, намечающиеся в грамматике и фонетике, в орфографии и пунктуации. "Масштабы динамики изменений таковы, что многие чуть ли не всерьез опасаются, что уже следующее за нами поколение заговорит на каком-то «новорусском» языке", — пишет автор.

В грамматике "выталкивание исключений" захватывает всё новые грамматические формы. Растет терпимость к употреблению ошибочных с точки зрения литературной нормы форм. Что касается синтаксиса, характерно отсутствие согласования между словами разного управления, часто вообще опускаются дополнения, синтаксически нужные местоимения (*себе, собой*). Одновременно теряют актуальность те явления, которые считались приметами языка предшествующей эпохи: безличные и пассивные конструкции, конструкции с отглагольными существительными, избыточное употребление причастий, активность несовершенного вида.

Даже в области фонетики наблюдаются изменения. Они связаны с возросшей терпимостью к ненормативным ударениям, к диалектным особенностям речи, с попытками придерживаться иноязычного произношения в заимствованных словах и с модной интонацией на американский лад.

Орфографические и пунктуационные предписания теряют свою строгую обязательность. В результате русские газеты, отличавшиеся высокой грамотностью и корректорской пунктуальностью, сейчас пестрят опечатками и прямыми ошибками.

8. Заключение. В восьмой, заключительной части автор подводя итоги своих наблюдений возвращается к лейтмотиву, заданному в введении: в опасности ли русский язык? Какова взаимосвязь между речью и языком? Насколько изменяют сегодняшние откло-

нения в речи языковую структуру? Имеем ли мы в результате некий новый язык? "К счастью нет, – отвечает Костомаров, – но привычный нам лик литературного языка меняется более или менее существенно". Перемещение языковых элементов по оси "центр – периферия" уже явно относится к системе, а не просто к речевой практике.

"Переход языка в новое состояние неизбежен, но он должен обеспечить преемственность литературного выражения и не разрывать веками выработанные традиции", – считает автор.

Илона Эрдеи

*(Erdei Ilona, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

Miloš Crnjanski, O Banatu i o Banaćanima. Novi Sad: Književna zajednica Novog Sada, 1989, 133 str.

Siguran sam da će se 1993. godina zapamtiti po obeležavanju stogodišnjice rođenja centralne ličnosti srpske književnosti, Miloša Crnjanskog, književnika čija dela u poslednjih deset-petnaest godina u svetu izazivaju i te kako znatnu pažnju.

Ovom prilikom Književna zajednica Novog Sada je odlučila da izda tekstove Miloša Crnjanskog koji su objavljeni u posebnim knjigama pomenutog pisca. Treba reći da je sastavljeno delo izuzetne snage, lepote i dubine, višeznačno i višeslojno – "O Banatu i o Banaćanima" je istovremeno psihološki, istorijski, socijalni, biografski i pomalo lirski prikaz u kojem se vidljivo oblikuju piščevi opisi prirode. Opisi prirode – kao i u Seobama – imaju veoma aktivnu, tvoračku ulogu, pejzaži imaju određenu reč u projektovanju glavnih junaka ovog dela.

I u ovom izboru Crnjanski se pokazao kao izuzetan stvaralac izuzetne obdarenosti, mek, elegičan, senzualan. U svoje opise utkao je niz naselja preko kojih je stvorio sopstvenu kulturnu geografiju: u sećanjima su ostali Temišvar, Žombolj, Kikinda, Vršac, Mesić – manastir srpskih despota u Banatu, te banatska ravnica. Čitaocu se čini da je "O Banatu i o Banaćanima" – uzimajući u obzir povezanost tekstova – hronika koja predstavlja

izvršno historiografsko, sociološko, demografsko i etnološko delo, napisano lepim i lakim stilom. Baš zbog toga knjiga ima i posebnu vrednost, naime, pisac nam nudi neku vrstu proučavanja srpskog naroda. On svoje kritičko sagledavanje koncentriše na specifičnu sliku Banata i Banačana, maksimalno otkriva njihovu individualnost i veoma vešto prikazuje elemente narodnog predanja, mita i folklora, odnosno tradicije u građenju proznog realiteta.

Izbor sadrži sedamnaest tekstova i u svim tekstovima ocrtava se ljubav prema voljenom kraju, običnim ljudima, istina prava je pak da je u pomenute slike ponekad uključena i subjektivna sumornost.

Ipak, najviše me je iznenadio tekst "Preci" u kojem se Crnjanski predstavlja kao šaljivčina, u toj priči kao da se oseća "nušićevski" uticaj.

Šta reći za kraj? Crnjanski je kao vredan i svestran pisac sa svojim vrednim otkrićima (jer njegovi tekstovi su to) i zapažanjima, još jedanput ukazao na svojevrstan mozaik svog stvaralaštva koji značajno doprinosi potpunijem i širem osvetljenju istorijata Banata i Banačana.

Predrag Mandić

*(Mandić Predrag, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

PETŐFI PONOVO MEĐU SRBIMA I MAĐARIMA: Stevan Pešić, Dopisivanje sa bogom. Beograd: Izdavačka kuća Književne novine, 1991, str. 297.

Čitajući nesvakidašnje delo Stevana Pešića "Dopisivanje sa bogom" posebno me je očarala i začarala pripovetka pod naslovom "Poezija je jedina pravda" (225–248). Zašto?

U kulturnom pojasu koji se zove Istočna Evropa uvek su postojali i postojaće dodiri različitih kultura. Zahvaljujući Stevanu Pešiću čitaocima je reprezentovana mađarska istorija, književnost koju, u ovom slučaju, predstavlja jedan od organizatora ustanka iz 1848. godine, čija poezija komunicira sa prošlošću – to je Sándor Petőfi.

U svojoj pripovesti Pešić majstorski piše o jednom već pređenom životnom putu pesnika, veoma vešto prikazuje dramatičnost i sumornost Petőfijeve sudbine u današnjici, naime, pisac sa bogovima zajedno

dozvoljava da se slavni pesnik vrati kako bi bio ponovo otkriven. Željan autonomije Petőfi, dakle, najzad stiže u realnost, u određeno društvo no ispostavlja se da je autonomija narušavana jer je društvo postalo sve manje humano. U promenljivoj istorijskoj konstelaciji trenutka iako je pesnikov duh opstao, analizirajući stanje, revolucionar i književni stvaralac otkriva da stvarnost klizi, razlaže se, da su ljudska merila ograničena vremenom i prostorom. Petőfi pokušava da oživi prošlost, da udahne rečitost svim fragmentima i ostacima no sve pobune koje su se kroz poeziju dešavale, i koje će se dešavati, nisu ništa drugo do vapaj za verom. A vera je drugo ime za poeziju... Sadašnji život Petőfija, dakle, stalno postoji pod prislenkom prošlog života. Obnavlja sećanje jedno za drugim, naporedo sa razmišljanjem o vremenu koje je prošlo, u smislu postojanja i smrti.

Nerešeni antagonizmi realnosti su uzdrмали a potom vratili velikog i slavnog pesnika u nebo. Shvatio je najzad da su vanvremenske i izvanpros-torne suštine života pobedile i prvi put oseća pomirenje sa sudbinom, znači, zakoni i predviđenja bogova ponovo pobeđuju.

Usamjenost ili samotnost trenutnog postojanja prisutna je tokom cele Petőfijeve ispovesti a najbolji izraz je dobila u poslednjem susretu glavnog junaka i Aranya. Ova scena ističe da je čovek sam, kako u umiranju tako i u rađanju, Pešić ume da spoji lepotu i tragiku čovekovog postojanja. Petőfi je u susretima sa Juliom Szendrei, sa bratom Istvánom doživio jednu mrač-nu dramu, poniženje. Jedino je kod Aranya naišao na utočište i pomirenje. I ovde bih za trenutak stao: jedina mala zamerka koja bi se mogla uputiti piscu ove pripovetke jeste činjenica da on koristi ime *Aranji* umesto *Aranj*: "U Salonti je Janoš Aranji pisao «Toldiju»" (str. 242).

Sve u svemu tragično poimanje čovekove sudbine osnovna je tema pripovetke "Poezija je jedina pradva". Prikazajući "celog" Petőfija Stevan Pešić je u svojoj pripovesti stvorio vremensku shemu koja mu je omogućila da se naglasi razmimoilaženje između vremenskog trajanja u čovekovoј sve-sti i u stvarnom životu. U "Dopisivanju sa bogom" stvaralaštvo je moć ali i kazna, a pesnička fantastika jedina prava stvarnost pa zato pisac i svoju pripovest dovodi do kraja koji sasvim odgovora jednom tragičnom poimanju života i čovekove sudbine a koje prestaje da važi samo u jednom prostoru, ili u jednom određenom vremenju. Sin Petrovića, koji je svoje slovensko

ime promenio u mađarsko, ponovo se, dakle, našao u vrtlogu književnih prostora Srba i Mađara.

Predrag Mandić

*(Mandić Predrag, JATE, Szlav Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)*

A magyarországi szlav nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig. [A Bibliography of Slavic Linguistics in Hungary up to 1985]. Edited under the direction of István Nyomárkay, by the editorial board: Ferenc Gregor, Attila Hollós, András Zoltán. Budapest, 1990, 170 pp.

An important practical task of Slavic linguistics in Hungary has been to bring together a bibliography of Hungarian slavists and Hungarian slavistics. The compilation of the individual national bibliographies of slavistics became topical especially after the Fourth International Congress of Slavists, which is accounted for by the fact that the world-wide interest in Slavic languages increased during the interwar period and after World War II. The bibliography to be surveyed here presents the achievements of Hungarian slavistics from the pioneering activity of the founder of scientific slavistics in Hungary, Oszkár Asbóth, to 1985. From the preface to the volume we learn that "this is the first relatively complete bibliography" of Slavic linguistics in Hungary. The compilers of this volume must have aspired after completeness when they included in their bibliography the publications of Hungarian authors who had ever lived in the territory of Hungary. The works of foreign authors have not been included even if they were published in Hungary. An exception to this was the activity of Samu Czambel and Sándor Rot, whose works can be found in the volume.

The material in the bibliography can be classified in four groups: 1. self-contained works, 2. articles and essays in periodicals, 3. reviews, 4. miscellany. The compilers of the volume, when collecting their data, carefully studied the materials of 140 periodicals, year-books of universities and colleges, and other publications, apart from the self-contained works. As many as 3099 items about the achievements of Slavic linguistics in Hungary are enumerated in the bibliography, which thus gives truly detailed infor-

mation about the accomplishments of Hungarian slavistics from the beginnings to 1985.

Having looked into the material referred to above, one gets convinced that the compilation of such a bibliography is by no means a self-evident and simple undertaking. The editor and his colleagues had a relatively easy job in those cases when publications belonging unambiguously to the realm of Slavic languages were concerned. However, they had some difficulties with interdisciplinary material. It is well-known that the Hungarians got in touch with the Slavs before 896 AD, the year of the Magyar conquest of Hungary. After the conquest the relations became stronger and richer and affected almost every part of the Hungarian people's life. Slavic linguistic activity, therefore, inevitably has Hungarian linguistic, literary, ethnographic, historical and cultural aspects, as well. Such a point of view, which is sometimes called hungarocentric, is justified by Hungarian history, and it requires the utilization of Slavic linguistic research in *hungarology*. This standpoint requires a wide application of the achievements of slavistics in solving specifically Hungarian problems. Plenty of material is available to researchers in this field. The compilers of the bibliography could freely select from this abundance of data, deciding what would be included in the volume, and what would be left out. Presumably, of the publications dealing with 'interdisciplinary' fields, mainly those were selected whose authors were Slavic linguists. It can account for the fact that publications like István Kniezsa's excellent but in foreign countries somewhat ignored essay entitled *Die Slavenapostel und die Slovaken* was included in the bibliography, whereas Péter Váczy's precious study published in the *Szent István Emlékkönyv* (Saint Stephen Festschrift) – *Magyarország kereszténysége a honfoglalás korában* – was left out, although it is one of the most important products of the literature devoted to Cyril and Methodius in Hungary.

With this comment we have come to the critical remarks concerning the bibliography. Such remarks refer to the material that was left out from the bibliography – a phenomenon common to all similar works.

We take it amiss that the slavist László Csopay's work was omitted from the bibliography. Volume I of the *Magyar Életrajzi Lexikon* records him. He is referred to as a Ukrainian linguist in *Восточнославянские языковеды*, Vol. 3 (compiled by M.G. Bulaxov, Minsk, 1975), but his

essay *Magyar szók a rutén nyelvben* is not mentioned. The value of the carefully and well compiled bibliography is not diminished when the reviewer enumerates some works that must have escaped the compilers' attention. Mention must be made of the following:

Elemér Moór: *Bolgár-törökök és szlávok*. (Szeged, 1930, 42 pp.)

Ágoston Pável: *Magyarok és szlovének*. In: *Magyarország és Kelet-Európa*. (Budapest, 1947, 156–168.)

Endre Angyal: *A szlavista Pável Ágoston*. (*Vasi Szemle I.*, Szombathely, 1958, 5–17.)

Although it is not a linguistic study, but launches a new hypothesis concerning the Slavic elements in Hungarian Christian terminology and therefore should be included in the bibliography:

Gyula László: *Magyarok és szlávok*. (*A Móra Ferenc Múzeum Évkönyvei*. 1971/1, 281–294.)

The bibliography depicts a good, exact and true picture of the problems and accomplishments of slavistics in Hungary. Its careful study renders it possible to reach some conclusions that can be summarized as follows:

1. Owing to the character of Hungarian-Slavic relations, the slavistics in Hungary can be considered hungarocentric at the beginning of its history.
2. This justifiable hungarocentrism gradually gives place to the research of specifically slavistic problems.
3. Hungarian slavistics has not been separated from the general progress of Slavic studies neither in its methods, nor in the level of its accomplishments.
4. Nevertheless, the achievements of Hungarian slavistics (concerning especially the history of Hungarian-Slavic relations) have not been given the attention from abroad that would be due to them.

A magyarországi szláv nyelvtudomány bibliográfiája 1985-ig is a long desired useful and indispensable reference book for slavistic studies in a wider sense. It gives a true picture of the history, development and accomplishments of slavistics in Hungary. Its publication, therefore, is a welcome fact of Hungarian slavistics.

Imre H. Tóth

(H. Tóth Imre, JATE, Szláv Filológiai Tanszék
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В ежегодном сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, издающемся Кафедрой славянской филологии Сегедского университета им. Аттилы Йожефа (Венгрия), публикуются работы (объемом макс. до 15 страниц) по вопросам теоретико-описательного, сравнительно-исторического исследования славянских языков, а также сопоставления их с венгерским языком на английском, немецком, русском и других славянских языках. Рукописи присылаются в редакцию по адресу главного редактора: Dr. H. Tóth Imre professzor, József Attila Tudományegyetem, Szlav Filológiai Tanszék, H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. Рецензирование рукописей – в случае, если автор пишет не на родном языке – входит в обязанность автора. Рукописи, посланные в другие редакции или уже опубликованные, не принимаются. Авторам опубликованных рукописей бесплатно высылаются по 20 оттисков статей, по 10 оттисков рецензий. Корректур авторам не высылаются. Рукописи не сохраняются и не возвращаются.

Рукописи должны быть представлены в двух экземплярах, напечатанных на машинке или микрокомпьютере через два интервала с широкими полями. (В этом регламенте далее имеются в виду рукописи, написанные кириллицей, однако употребление латиницы в основном не изменяет оформления.)

II. Заголовок статьи пишется прописными буквами. Под ним указываются имя, (отчество) и фамилия автора (на кириллице, в таком порядке без сокращений). Затем приводятся сведения об авторе для научной корреспонденции: имя, (отчество), фамилия, занимаемая должность, ученая степень, место и адрес работы. В конце статьи на отдельном листе дается краткое резюме (объемом макс. до 20 строк) на английском или немецком языке, за исключением статей на одном из названных языков. В последнем случае статья снабжается резюме на русском или немецком/английском языке.

При оформлении статей авторы должны руководствоваться следующими условными обозначениями:

1. Примеры длиной в целое предложение (включая примеры из художественной литературы) нумеруются и приводятся в отдельных строках. Напр.:

(1) а. Петр ушел из университета около 10 ч. утра.

б. Петр ушел из университета в начале семидесятых годов.

Ссылки на примеры такого типа в тексте оформляются так: (1a).

Слова, словосочетания языка-объекта, входящие в состав предложений метаязыка, не нумеруются, и их принято давать курсивом (подчеркивать на машинке одной прямой линией). Смысловые выделения обозначаются жирным шрифтом (подчеркивать на машинке прерывистой линией). Для указания значений употребляются сингулярные кавычки.

Знаки "-", "- " и " - ", т.е. дефис, тире (без интервалов и с интервалами) отчетливо отграничиваются друг от друга. Знаки, которые не могут быть обозначены в машинописи, аккуратно оформляются ручным способом.

Любые пропуски в цитатах (из худ. или спец. литературы) обозначаются многоточием в квадратных скобках. Объясняющие вставки в цитатах, не относя-

щиеся к оригиналу, обязательно заключаются в квадратные скобки.

2. Ссылки на литературу приводятся сокращенно, т.е. с указанием фамилии автора, года издания и страниц (если последнее необходимо) в самом тексте по следующим образцам: Ю.Д. Апресян (1986: 66–67) отмечает... В работе Ю.Д. Апресяна (1986: 66–67) отмечается... В специальной литературе (Апресян 1986: 66–67) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом см. еще Апресян 1986); Ф. Кифер (Kiefer 1983: 34) отмечает... В работе Ф. Кифера (Kiefer 1983: 34) отмечается... В специальной литературе (Kiefer 1983: 34) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом подробнее см. Kiefer 1983).

3. Подстрочные примечания имеют сквозную (консекутивную) нумерацию.

4. Список использованной литературы (под заглавием ЛИТЕРАТУРА), а также расшифровка сокращений в ссылках оформляются по следующим образцам: (первые три из них служат примером для книг, а остальные в отдельности – для статей в сборниках; в ежегодных сборниках; в журналах без указания на том; в журналах с указанием на том (с сквозной нумерацией страниц в одном томе)):

Белошапкова, В.А. (ред.), 1989, *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, изд. 2-е, испр. и доп.

Kiefer F. 1983, *Az előfeltevések elmélete*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Lakoff, G. – M. Johnson 1980, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press.

Ружичка, Р. 1988, Скрытый субъект и пустое подлежащее. В кн.: Ю.П. Караулов (отв. ред.), *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 216–219.

Бархударова, Е.И. 1991, Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica XXII*. Szeged, 3–10.

Апресян, Ю.Д. 1986, Интегральное описание языка и толковый словарь. *ВЯ* № 2, 57–70.

Булыгина, Т.В. 1981, О границах и содержании прагматики. *ИАН СЛЯ* 40, 333–342.

Сокращения названий журналов см.: *Вопросы языкознания* 1991, № 2, 158–160. Не перечисленные там журналы даются без сокращения.

При наличии у одного автора нескольких библиографических единиц одного и того же года издания должны быть использованы (после года издания) буквы: а, б, в... или а, b, c...

Сначала приводятся публикации на кириллице по алфавиту, затем – работы на латинице.

II. Что касается рецензий, то должны быть учтены следующие отличительные черты. Название содержит полное библиографическое описание рецензируемой работы. Автор рецензии и сведения о нем указываются в конце текста. Образцы заглавий рецензий:

В.А. Белошапкова (ред.), *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, 1989, изд. 2-е, испр. и доп., 800 с.

G. Lakoff – M. Johnson, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press, 1980, xiii + 242 pp.

В. 646478

A szövegszerkesztést
Gy. Login Adrienne, Sajtos Natália és Szögi Istvánné
végezte
WordPerfect 5.1 szövegszerkesztő programmal.

Készítette a JATEPress
6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.
Felelős kiadó: a JATE Szlovén Filológiai Tanszékének vezetője
Felelős vezető: Szőnyi Etelka
Méret: B/5, példányszám: 200, munkaszám: 133/94.